

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

3/2019

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета».

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацоро**, д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Pyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušchenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 9 от 29.11.2019 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д. Филология и
психология

№ 3/2019

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Дроздов В. А.* Наименования видов обуви в багамском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях на английской основе 3
- Лешкова Н. В.* «Элитарная личность» в православном дискурсе 9
- Марфина Ж. В.* Концептуализация свадебно-обрядового дискурса в русском и украинском песенном фольклоре 15
- Миннуллин О. Р.* Читатель литературного произведения в теории целостности М.М. Гиршмана: аксиологический аспект 24
- Мозговой В. И.* Проблема исторической памяти в топонимии Донбасса 31
- Осипова А. Н.* Суггестивный потенциал парантетических конструкций (на материале газеты «Донецкое время») 38
- Солдатов Б. Г., Солдатова Н. В.* Оптимизация формирования правовой культуры студентов средствами иностранного языка 43
- Ярошенко Н. А.* Ономаσιологические модели сложных номинаций лица композитного типа в составе фильмонимов (на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов) 49
- Карпий С. В.* Прямое телевизионное включение в контексте трансформации репортажа: проблематика классификации 60
- Першина К. В.* Эстетические возможности в публицистическом творчестве Ф.М. Достоевского 68
- Якель А. О.* Речевой жанр «агрессивный комментарий» как коммуникационный инструмент в виртуальном дискурсе новых медиа 76

Слово молодому ученому

- Гнутова А. О.* Религиозность как ресурс личности в трудной жизненной ситуации 81

Психология

- Вильдгрубе С. А.* Совладающее поведение и защитные психологические механизмы пациентов при психосоматических расстройствах разного типа 86
- Фархутдинова Ю. Н.* Инклюзивное образование в условиях современной школы 94
- Киселёва И. В.* О результатах исследования устойчивости личности к воздействию средств массовой информации 99
- Правила для авторов 106

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 3/2019

CONTENTS

Philology

- Drozdo V.A.* Names of footwear in the English-based Bahamian, Trinidado-
tobagnian and Jamaican creoles 3
- Leshkova N.V.* "Elitist personality" in the orthodox discourse 9
- Marfina Zh.V.* Conceptualization of wedding ceremonial discourse in Russian and
Ukrainian song folklore 15
- Minnullin O.R.* Reader of a literary work in the theory of integrity
M.M. Girshman: axiological aspect 24
- Mozgovoi V.I.* The problem of historical memory in the toponymy of Donbass 31
- Osipova A.N.* Suggestive potential of parantetic constructions (on the material of
the newspaper «Donetsk time») 38
- Soldatov B.G., Soldatova N.V.* Students' legal culture forming
optimization by means of foreign language 43
- Yaroshenko N.A.* The onomasiological models of compound nominations of
person of composite type in the structure of filmonyms (on the material of Russian
films and serials titles of 1992–2019 years) 49
- Karpiy S.V.* Direct television inclusion in the context of reporting transformation:
classification problems 60
- Pershina K.V.* Aesthetic opportunities in F.M. Dostoevsky's journalism 68
- Iakel A.O.* Speech genre "aggressive commentary" as a communication tool in the
virtual discourse of new media 76

Commencing scholars, have your say!

- Gnutova A.O.* Religiosity as a person's resource in a difficult life situation 81

Psychology

- Vildgrube S.A.* Combining behavior and protective psychological mechanisms of
patients with psychosomatic disorders of various types 86
- Farkhutdinova Y.N.* Inclusive education in a modern school 94
- Kiseleva I.V.* About research results of personality resilience to the media impact 99
- Guidelines for authors 106

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373.84(292.079):81'282.8

НАИМЕНОВАНИЯ ВИДОВ ОБУВИ В БАГАМСКОМ, ТРИНИДАДО-ТОБАГСКОМ И ЯМАЙСКОМ КРЕОЛЯХ НА АНГЛИЙСКОЙ ОСНОВЕ

© 2019. В.А. Дроздов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены наименования видов обуви в багамском, тринидадо-тобагском и ямайском креольских языках Карибского бассейна. Цель данного исследования заключается в том, чтобы показать, какие изменения претерпевает английский язык на относительно новых территориях своего распространения – в англоязычных креолях Карибского бассейна. В статье выявлены алломорфные и изоморфные признаки НВО в исследуемых креолях.

Ключевые слова: семантика, метафора, метонимия, тематическая группа.

1. Введение. В данном исследовании на примере карибских креолей – ямайского, багамского, тринидадо-тобагского на английской основе рассматривается функционирование наименований видов обуви (далее НВО). Заметим, что пиджин – межэтнический вспомогательный язык, выполняющий минимум функций в очень ограниченной сфере коммуникации. Пиджин не является родным ни для кого из говорящих... В определенных условиях развившийся расширенный пиджин может становиться родным для какого-либо языкового коллектива. При этом еще более расширяются его коммуникативные функции. Такой язык определяется как креольский [2, с. 8–9].

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим вниманием к вариантам (социальным, географическим) национальных языков, к процессам возникновения новых языковых общностей и, вместе с тем, недостаточной изученностью территориального варьирования карибских креолей на английской основе и механизмов формирования вариантных языковых систем, представленных ямайским, тринидадо-тобагским и багамским креольскими языками.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе: а) подвергнуты анализу лексические единицы ТГ «Наименования видов обуви» в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креольских языках; б) выявлены изоморфные и алломорфные признаки лексических единиц НВО в исследуемых креолях.

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере лексических единиц ТГ «Наименования видов обуви» показать, какие изменения претерпевает английский язык на относительно новых территориях своего распространения – в англоязычных креолях Карибского бассейна.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: 1) установить изоморфные дифференциальные признаки (далее ДП) ТГ «НВО» в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креолях Карибского бассейна; 2) выявить алломорфные дифференциальные признаки НВО в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях; 3) показать семантическое развитие производных креольских лексических единиц ТГ «НВО» в исследуемых карибских креолях на английской

основе; 4) установить приемы семантической деривации ТГ «Наименования видов обуви» в исследуемых креолях; 5) выявить английские и американские заимствования в ТГ «НВО» в исследуемых карибских креолях; 6) показать удельный вес англо-американских заимствований в карибских креолях.

Задачи исследования и специфика материала обусловили применение таких **методов исследования** как метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального анализа.

Практическая ценность исследования заключается в возможности включения ее результатов в лекционные курсы высшей школы по общему и сопоставительному языкознанию, межкультурной коммуникации, лексикологии, стилистике, истории английского языка, в спецкурсы, посвященные проблемам вариантологии и социолингвистики.

К. Ажеж отмечает примечательное сходство креольских языков между собой [1, с. 41]. Публикации D. Deuber [7, с. 5–124], D. Winford [12, с. 22–45] – последние публикации, в которых начато исследование проблемы стилистического варьирования в креольских языках Ямайки и Тринидада, Н.П. Зубковой описан английский лингвистический компонент в языковой ситуации современного мира [3, с. 170–171]. A.J. Solange [10, с. 19–42] рассматривает коммуникативные практики нового медийного общества. R.A. Oenbring [9, с. 51–62], используя подходы корпусной лингвистики, рассматривает проблемы багамского стандарта.

В данном исследовании на примере карибских креолей – ямайского, багамского и тринидадо-тобагского на английской основе рассматриваются нерешенные ранее проблемы функционирования карибской ТГ «Наименования видов обуви», предпринимается попытка выявить дифференциаторы карибских НВО.

2. ТГ «Наименования видов обуви».

2.1. В ямайском креоле (1) слово *done-promote* /dompumuot/ sb dial joc slang (сленговое, шутливое) обозначает ‘сандалии, изготовленные из резины изношенных автомобильных шин’. Их также называют *power shoes*. Например: 1943 GL Clar, *Dunpromote, powa (sandals)*. 1956. Mc Clar /dom pu muot kot a taya – *samplata kot a leda/ Done-promotes are cut from tyres – samplatters are cut from leather*.

Наименование *done-promotes*, предположительно, могло получиться следующим образом. Кто-то мог смотреть на чьи-то сандалии и затем сделать такое заявление: «*I see you done promote (have been promoted)*». [5, с. 156]. ‘Вижу, поспособствовали обеспечению твоего благосостояния’ (перевод наш).

В словаре COED (БОС) отмечается, что перфектные формы с “Причастием II *done* + Инфинитив” наблюдались на севере Англии и у шотландских поэтов XVI века. Например: 1508 Dunbar *Lament for Makaris* 49, *He has done petuously devour the noble Chacer, of Makaris flour*. 1520 *Thistle and Rose* 24, *The lark has done the mirry day proclaim*. 1556 *Lauder Tractate* 340, *As afore I have done discuss*. 1578 *Scottish poems 16 century II* 180, *And many other false abusion the Paip has done invent* [6, с. 461/906].

Семантическое развитие производного значения *done-promotes* ‘сандалии, изготовленные из резины изношенных автомобильных шин’ в ямайском креоле от исходной английской архаичной модели перфекта XVI века с вспомогательным *done* (“Причастие II *done* + Инфинитив”) происходит в соответствии с метафорой, и его можно представить в виде следующей метафорической формулы:

англ. архаичная модель перфекта XVI века “Причастие II *done* + Инфинитив” *promote* → субстантивация → ЯмКр *done-promotes* → метафора → ЯмКр *done-promotes* ‘сандалии, изготовленные из резины изношенных автомобильных шин’.

(2) Слово *power (shoes, sandals)* выступает в качестве синонима к *done-promotes*. Лексическая единица *power (shoes, sandals)* имеет значение: A type of sandal made from old automobile tyres ‘сандалии, сделанные из старых автомобильных шин’. В данном наименовании скрыт намек на то, что данный вид обуви – крепкий (перевод наш). Например:

1943 GL Clar, *Powa, car-tire sandals*; StAnd, *Power*. 1952 FGC Man, /poua/ *shoes of auto tyre*. 1956 Mc Clar, Man, Port, StAnd, /poua/ *sandal made of tyre* [5, с. 362].

Семантическое развитие производного значения слова в ямайском креоле от исходного английского значения происходит в соответствии с метафорой. Основание сравнения – качества: сила, крепость, прочность.

Англ. *power* ‘сила; мощь’ → метафора → ЯмКр *powa, power* ‘сандалии, сделанные из старых автомобильных шин’.

(3) Слово *sampata, shumpata* ЛСВ-1. A sandal with sole of wood or leather, more recently of automobile tyre rubber, held on to the foot by leather or other straps ‘сандалия с деревянной или кожаной подошвой или с подошвой из резины автомобильной шины, закрепленная на ступне ноги кожаными или иными ремешками’ (перевод наш) [< Pg *sapato*, Sp *zapato* < Twi *asepatere*, ‘башмак’ < Pg *sapato*]. Например:

1823 Roughly 110, *His [peasant’s] foot clothed with a kind of sandal, (called in Jamaica a sand-patta)*. 1827 Hamel I 21, *He espied a pair of shoe-patters, a sort of coarse sandal*. 1873 Rampini 93, *Her (country-woman’s) feet encased in sandals of untanned hyde, called ‘sand patters’*. 1933 McK 317, *Sandplatters, sandals*. 1943 GL Clar, Tre, *Shampatter*; West, *shoepatta*; StAnn, *Shopata*.

ЛСВ-3 *sampata, shumpata* ‘старые или обносившиеся башмаки’. Например: 1954 LeP StE, *Shampatta is really shoes of wooden soles and one or two leather straps. ...It also denotes shabby shoes* [5, с. 392].

Семантическое развитие многих вышеприведенных производных вариантов наименований обуви (*sampata, shumpata*) в ямайском креоле от португальского или испанского исходного значения происходит в соответствии с народной этимологией, например: порт. *sampata* → народная этимология → ЯмКр *sandplatters* ‘(обувь) (*platter*) для ходьбы по песку’.

(4) Лексема *bosta* возможно, происходит от американской лексемы < *buster* DAE, ‘животное или предмет необычайного размера или качества’) или от ‘прозвища сэра Александра Бустаманте, которого в народе называли ‘*Buster*’ и считали *buster*, т.е. защитником обычных людей и решительным, твердым человеком’ (перевод наш) [5, с. 61].

ЛСВ-1. *bosta* ‘кустарно сделанная сандалия, подошва которой (а иногда и верхняя часть) изготовлена из старых автомобильных шин’// *masha, power shoes* [Например: 1956 Mc StAnd, /bosta/ *a rough sandal of car tyre*.

АМА имя собственное *Bustamante (Alexander)* → метономазия → вымышленное имя *Busta* → “*buster*” ‘защитник обычных людей и решительный, твердый человек’ → метонимия → ЯмКр *bosta* ‘кустарно сделанная сандалия, подошва которой (а иногда и верхняя часть) изготовлена из старых автомобильных шин’.

Метономазия – фигура речи, заключающаяся в переименовании какого-либо названия или собственного имени. Во многих случаях метономазия связана с использованием псевдонимов (вымышленных имен артистов, политических деятелей) [4, с. 309–310].

Masher, masha sb, dial joc; < *mash* vb+ *er*. Locally made shoes or sandals formerly with rope soles, later of automobile tyre rubber ‘кустарно изготавливаемые башмаки или

сандалии: ранее – на рубчатой подошве, позже – из резины автомобильных шин'. Например: 1943 GL StM, *Masha, sandal made from rubber tyre*. 1959 E.M. Falconer *Spanish Town, Bulldog Boots are also called masha. They used to be made in canvas uppers, brown, and a sort of corded soles...in the 1930's* [5, с. 295].

Bulldog (Boot), (Slipper) sb dial. *Rope-soled slippers* 'комнатные туфли с рубчатой подошвой' – perhaps in allusion to their toughness and tenacity; now no longer sold. В наименовании скрыт намек на качества 'крепость и негибкость' собаки (*bulldog*) и данного типа обуви, который снят с продажи (с 1960 г.). Например:

1907 Jekyll 171, *You have got long boots, while I must put up with 'bulldogs', rope-soled slippers*. 1959 O.P. Cousins Kgn, *Bulldog Boots, ...a canvas top shoes with rope like fibre soles. Used to be sold in shops during the 30's and later 40's*. 1959 Mrs E.B. Hoyes Kgn, *Bulldog Slippers or Boots, were really made of rope or a fibre very much like rope and my mother tells me they were sold at one shilling and sixpence per pair in her day* [5, с. 77–78].

Семантическое развитие производного значения ЯмКр *bulldogs* от исходного английского значения происходит в соответствии с метафорой, и его можно представить в виде следующей метафорической формулы:

англ. *bulldogs* 'бульдоги' → метафора → ЯмКр *bulldogs* 'комнатные туфли с рубчатой подошвой'.

Основание сравнения – качества 'крепость и негибкость' (*toughness and tenacity*), свойственные бульдогу и данному типу обуви.

2.2. В ямайском креоле имеются добавочные синонимичные единицы *dajaka*, *Hitler boot*, употребляющиеся в значении 'сандалии, сделанные из старых автомобильных шин': *Hitler boot* sb dial; remembered but no longer used (арх.). *A loose shoe or sandal locally made during the second world war (Hitler war) from cast-off automobile tyres. Hitler boot* [5, с. lxvi]. 'Наименование помнят, но оно больше не используется (арх.)'. < *Hitler*, German war leader + *boot*. 'Свободный ботинок или сандалия, кустарно изготавливаемые во время второй мировой войны (досл.: 'гитлеровской войны') из выброшенных автомобильных шин' (перевод наш). Например: 1952 FGC Han /*Hitler buut/ motor tyre shoes, invented during war time* [5, с. 226]. Also called *jump-and-jive*.

Лексема *jump-and-jive* происходит от американской сленговой единицы *jive* 'джаз'. 'Домашние туфли или башмаки, сделанные из старых автомобильных шин'. Их начали производить кустарно в 1940 г.' // *Hitler boot, power*. Например: 1952 FGC Tre, /*jompanjaiv/ autotyre shoes* [5, с. 253].

(5) Англ. *puss(-boots)* [AF] (Jmca) – *rubber-soled canvas shoes* 'парусиновые сандалии на каучуковой подошве; часто их называют' *puss*. (перевод наш). При этом, тут скрыт намек на 'тихую, неслышную поступь'. ср US *sneakers*. Например: 1942 Bennet 36, *She put awn wan tear-up frack, Shove har foot eena wan ole puss boot an go* [5, с. 368].

Развитие исходного английского значения в производное ямайско-креольское значение *puss(-boots)* можно представить в виде следующей метафорической формулы:

англ *puss* 'кошечка' (с тихой поступью) → метафора → ЯмКр *puss* 'парусиновые сандалии на каучуковой подошве'.

В основе сравнения и, следовательно, метафоры – сема 'неслышная поступь / походка'.

В тринидадо-тобагском креоле в ТГ «Наименования обуви» входит вид обуви *alpagatas*. *Alpagat(a), alpargat(a)* - 'разновидность сандалий на кожаной или резиновой подошве с плетеным или парусиновым ремешком'. (< Sp *alpargata* 'сандалия с

подошвой из конопли, прикрепляемая лентами'. Например: 2004. *Eager-looking children on their way to and from school, very few in uniform but tidily dressed, their feet invariably indicating the status and location of the schools they attended - shoes and socks, rubber-soled canvas top plimsoll, leather-soled knitted string top called "alpagatas" and bare feet referred to as "ten commandments on the ground"* [11, с. 17].

В багамском креоле имеются следующие примеры, входящие в ТГ «Обувь»: *tennis* [cf US dial *tennises* ADD] n sing or pl a pair of tennis shoes 'теннисные туфли'; *sneakers* амер. 'тапочки; туфли на резиновой подошве; теннисные туфли'. Например: *I wear out a tennis every month* (Ragged). [8, с. 203].

Board-shoes [cf *board*] n 'сандалии с деревянными подошвами, произведенные на дому, изготовленные кустарно'. Например: *I hear about board shoes before-time, but I ain't never seen none – only the wampers* (Nassau). <Black> [8, с. 23].

Saplata, saplatta [панкреольское; ср порт. *sapato* 'башмак' (от арабского *zapat*). DEP; язык темне (через крио и порт.) *an sampatha...Jam. Sand patter* (народная этимология) (Hancock); КрФр Реюньона *savat*, йоруба *salubata* и конголезское *nsa(m)patu* – также из португальского] 'сандалии с подошвами, вырезанными из автомобильных шин' (перевод наш). Например: *D'shops whut uster sell shoes wud haddy sell saplatters* (Dupuch 37) [8, с. 175].

В багамском креоле встречается лексема *wumpers, wumpus, wampers* 'сандалии, изготовленные из резины покрышек автомобильных шин'. Например: *The wumpus is cut of the hard casing of the tyre. It is shaped to fit the sole of the foot and is held on by a cord passing between the fourth and the big toe, and two cords running from the heel around the ankle.* (Tribune). *I hear about board shoes before-time, but I ain't never see none - only the wampers* [8, с. 225].

3. Заключение.

3.1. Существительное ямайского креоля *done-promotes* развилось из английской архаичной модели перфекта XVI века "Причастие II *done* + Инфинитив" (*promote*) в соответствии с метафорой. Его синонимы ЯмКр *rowa, power, puss* получают семантическое развитие от исходных английских значений *power, puss* в соответствии с метафорой. Лексическая единица ЯмКр *jump-and-jive* была заимствована из американского сленга.

3.2. На основе американских диалектов в соответствии с метафорой развились лексические единицы багамского креоля *tennises, sneakers*, включенные в ТГ «Наименования видов обуви». Наименование обуви в багамском креоле *sand patter* (от порт. *saplata*) образовано в соответствии с народной этимологией.

3.3. В ямайском креоле в соответствии с метафорой и метонимией получили семантическое развитие (американские по происхождению) лексические единицы *bulldog* и *bosta*, соответственно.

3.4. Количество англо-американских заимствований в исследуемых креолях в ТГ «Наименования видов обуви» составило 42% (228 лексических единиц) из выборки в 543 лексические единицы.

3.5. Признаки алломорфизма проявляют ямайские НВО *Hitler boots, dajaka*, а также багамские НВО *board shoes, wampers*.

3.6. В тринидадо-тобагском креоле НВО *alpagat(a), aypargat(a)* происходит из испанского языка.

3.7. Карибские производные инновации ТГ «Наименования видов обуви» образуются при помощи таких приемов семантической деривации, как метафора, метонимия, народная этимология, метономазия. В этом проявляются их изоморфные признаки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки; [пер. с фр.] / Клод Ажеж / Пер. с фр. Б.П. Нарумова. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Дьячков М.В. Креольские языки / М.В. Дьячков. – М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1987. – 106 с.
3. Зубкова Н.П. Английский лингвистический компонент в языковой ситуации современного мира: пиджины и креоли на основе английского языка / Н.П. Зубкова // Современные тенденции в науке и образовании: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практич. конф. – 2014. – С. 170–171.
4. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.
5. Cassidy, F.G. Dictionary of Jamaican English / ed. by F.G. Cassidy, R.B. Le Page. – Cambridge at the University Press, 1967. – 489 p.
6. COED. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. – Clarendon Press. – Oxford. – Published in the USA by Oxford University Press Inc. – N.Y., Second edition, 1993. – 2572 p.
7. Deuber, D. English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad / Deuber Dagmar. – Cambridge University Press, United Kingdom. – Clays, St Ives, 2018. – 239 p.
8. Holm, J.A. Dictionary of Bahamian English / John A. Holm, Allison W. Shilling. – Lexik House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 p.
9. Oenbring, R.A. (2018) Corpus linguistic studies of Standard Bahamian English: A comparative study of newspaper usage. The International Journal of Bahamian Studies, P. 16, 51 – 62.
10. Solange, A.J. Trinidad English Creole Orthography: Language Enregisterment and Communicative Practices in a New Media Society (2017). – 45 p. Linguistics Graduate Theses & Dissertations.
11. Winer, L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. – Ed. by Lise Winer. – McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1039 p.
12. Winford, D. Re-examining Caribbean English Creole Continua / D. Winford, R. Bolton, B. Kachru // World Englishes. Critical concepts in linguistics. – London; New York: Routledge, 2017. – Vol.2. – P. 22–45.

Поступила в редакцию 04.09.2019 г.

NAMES OF FOOTWEAR IN THE ENGLISH-BASED BAHAMIAN, TRINIDADO-TOBAGNIAN AND JAMAICAN CREOLES

V. A. Drozdov

The study considers types of footwear names (hereinafter referred to as TFN) in the English-based Bahamian, Trinidado-Tobagonian, and Jamaican creoles. The aim of the investigation is to reveal the changes English undergoes in the new territories of its steading – in the Anglophone creoles of the Caribbean area. The article reveals the TFN allomorphic and isomorphic features in the creoles under investigation.

Key words: semantics, metaphore, metonymy, thematic group.

Дроздов Владимир Александрович.
Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры теории и практики перевода.
E-mail: drozdov.va1950@gmail.com.

Drozdov Vladimir Alexandrovich.
Candidate of Philological Sciences, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of the department of theory and practice of translation.
E-mail: drozdov.va1950@gmail.com.

УДК 811.161.1

ПОНЯТИЕ «ЭЛИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ» В ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ

© 2019. *Н.В. Лешкова*

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье дается определение понятия «элитарность» и «элита», выделяются существенные черты, социальный тип, характеризующий эти два понятия. Описываются предпосылки формирования элитарной личности. В православном дискурсе личность священника анализируется с точки зрения элитарности, социальной принадлежности, духовного призвания. Личность, которая представляет самый высокий уровень индивидуально-личностного развития и бытия.

Ключевые слова: дискурс, элита, элитарность, элитарная личность, социальное положение.

В рамках социолингвистической парадигмы осознание элитарной личности как социального типа является продуктивным. Социальное положение человека, его индивидуальная судьба, жизненный путь личности, мера и средства реализации его жизненных устремлений и планов, как свидетельствуют история и наша повседневная жизнь, всегда вплетены в определенную эпоху, являются тем историческим общественным фоном, на котором разворачивается жизнедеятельность данного индивида. История народа, к которому относится эта личность, является также ее личной человеческой судьбой, в душу каждого человека запечатлен миниатюрный портрет ее народа. Но сам индивид как человеческая личность выступает более или менее активным творцом, творцом эпохи, накладывая неповторимый индивидуально-личностный отпечаток на ее социальный, культурный смысл, психологический колорит. Мера такого влияния определяется мерой, масштабностью личности, местом, которое она занимает в социальной иерархии общества, ее ролью в сложном плетении социальных отношений.

В личностной структуре общества можно определить элитарную личность как определенный социальный тип и наметить некоторые существенные черты, которые ее характеризуют.

Под влиянием социума современного человечества в каждом обществе живут люди, которые отличаются:

- по уровню и характеру своего личностного развития;
- по своей роли в жизнедеятельности человеческого сообщества и истории;
- по своему вкладу в культуру.

Разумеется, эти различия не обусловлены расовой принадлежностью. Естественная одаренность, высокий уровень воспитания и образования, направленные на формирование яркой, богатой индивидуальности, особые жизненные обстоятельства, которые делают возможным рост этого индивида, а также индивидуальные усилия по собственному личностному саморазвитию в результате дают возможность появления личности высокого уровня, которая возвышается над средними показателями. Таковы предпосылки формирования и элитарной личности.

Понятие «элитарная личность» – обобщенный тип личности, который теоретически базируется на основании выделения наиболее типичных сущностных характеристик элитарности. На эмпирическом уровне черты элитарности могут быть:

- выраженные неполно;

- в неповторимом сочетании, демонстрируя уникальность личности как индивидуальности, ее душевно-духовного склада и стиля жизни;

- поданы в искаженном деформированном виде псевдоэлитарности.

Элитарная личность может быть интегрирована в определенную целостность (слой, группу, организацию) по признаку политической, военной, профессиональной или другой социальной принадлежности (в нашем случае это священнослужители, соответственно, духовная элита), а может скорректировать свою жизнедеятельность как индивидуально-личностный мир, свободно определяя свои личностно значимые связи и отношения, и осуществляя различные виды деятельности на основе личностного выбора и предпочтений. «Можно управлять, не будучи государственным человеком, и возможно, не управляя, быть государственным человеком» [3].

В элите как в особом, привилегированном слое общества, той или иной социальной группе могут быть и не элитарные или псевдоэлитарные личности, не имеющие существенных характеристик элитарности, но демонстрирующие только те или иные внешние атрибуты привилегированного слоя общества или отдельных его структур (например, манеру одеваться, способ проведения досуга).

Учитывая это, стоит оперировать двумя понятиями: элитарная и элитная личность. В первом случае идет речь о личности как носителе качества элитарности, во втором – о личности, которая по своему социальному статусу относится к элите, но не имеет элитарных достоинств. Такое мнение обусловлено тем, что статус, должность не определяют автоматически психосоциальные качества личности, а, следовательно, вполне обоснованным является суждение А. Маслоу: «Обычный человек, справляющийся с задачей, которую ставит перед ним положение в обществе и семье, несмотря на свою «маленькую жизнь», является более «большим», чем «великий государственный деятель», чьи аморальные решения могут нанести непоправимое зло» [4].

Онтологической основой бытия элитарного типа личности является существование природных и социальных дистанций между людьми, их индивидуально-личностная неоднородность, которая порождает многообразие жизни и богатство человеческих индивидуальностей, что питает «таинственный пафос» [1] – стремление к увеличению дистанции в своей душе, достижение все более возвышенных, более редких, более отдаленных, более напряженных и широких состояний, которые могут оцениваться как возвышение типа «человек».

Социальная основа формирования элитарной личности – существование реального неравенства социальных условий развития индивидов и социальная селекция, которая сложилась в процессе исторической практики, и в той или иной степени (различной в разных культурах, цивилизациях, странах и социальных слоях), осуществляется в каждом обществе через семью, школу, церковь, правительственные органы, политические организации и партии, профессиональные организации, то есть фактически через все имеющиеся социальные институты и организации. Поэтому любому социальному реформатору, который занимается институтами и механизмами социальной селекции, следует обратить особое внимание на тестирующие и селекционные механизмы, которые имеют исключительно большое значение для будущего страны, более существенное, чем воспитательная и образовательная функции тех самых институтов. Социально-психологическая основа существования в обществе элитарных личностей – социально-психологические различия между людьми, обусловлены:

- природной одаренностью;

- соответствующими воспитанием и образованием;
- особыми жизненными обстоятельствами, которые стимулируют и обеспечивают личностные рост и развитие;
- личностным развитием, индивидуально-личностной жизнетворчеством.

При построении концептуальной модели элитарной личности следует иметь в виду, что формирование идеальной модели личности – дело весьма трудное. Как правило, эта модель кристаллизуется на основании соотношения реальной и нормативной моделей личности, присущих этому обществу, и с учетом этого появляется идеал, учитывая доминирующие в обществе ожидания, реальные тенденции возвышения качества человека как социокультурного и исторического образа. То есть идеал личности может быть более возвышенным или, наоборот, более приближенным к реальным качествам человека, существующего в обществе на этом этапе его развития.

Концептуальная модель элитарной личности, на наш взгляд, может быть теоретически построена на основе такой системы показателей:

- специфика индивидуально-личностного бытия элитарной личности;
- жизненный мир и система жизненных ценностей и приоритетов личности этого типа;
- мотивационная структура социального и индивидуального поведения личности.

В православном дискурсе, под которым мы понимаем (рече)мыслительную деятельность, которая осуществляет мониторинг реальности и направлена на формирование, трансляцию и модификацию догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта, действуют лица определённого психологического склада и уровня личностного развития. Среди них есть такие, которые «входят в религию» из-за компенсации своих потребностей и стремлений. Но в большей части это люди, для которых религиозная деятельность является их призванием. Духовная деятельность, подобно любой другой человеческой деятельности, может быть жизненным предназначением человека. Он переживает сильное влечение именно к этой деятельности и, как правило, имеет необходимые качества для занятия ею, которые присущи его характеру и являются своеобразным выражением натуры. Призвание быть священником иногда воспринимается как тяжелый крест, ибо отказаться от своего призвания человеку невозможно. Это было бы равносильно потере смысла жизни, ведь призвание является всегда проявлением каких-то очень глубинных стремлений человеческой души. Такими фигурами в истории были Иоанн Златоуст, Сергей Радонежский, Иоанн Крестыянкин и многие другие, которые прошли через тяжелые испытания, преследования, но остались верными своему жизненному выбору, своему призванию.

Элитарная личность в идеале – это индивидуальность, которая представляет самый высокий уровень индивидуально-личностного развития и бытия. Это более высокий и специфический способ взаимосвязи личностных структур и саморегуляции личности, который обеспечивает в определенной степени автономное существование личности в социуме и одновременно продуцирует более возвышенную индивидуализированную форму вовлеченности личности в жизнедеятельность общества. Вместе с тем элитарные личности обладают более или менее устойчивой внутренней структурой и организацией, которую они с той или иной мерой полноты и многогранности представляют в себе, в устройстве своей души и в состоянии своего духа. Личность является тем значимее, чем шире ее сфера действий, тот мир, в котором она живет, образуя при этом и свой жизненный мир. Элитарная личность в ее наивысшем развитии тяготеет к «атлантической личности» [7], то есть личности, которая живет интересами своей страны, всего человечества. Понятно, что мера

«служения миру и человечеству» в разных личностях элитарного типа является неодинаковой (это существенно зависит от масштабности самой личности и от жизненных обстоятельств, в которых она совершает свой жизненный путь).

Личность элитарного типа скорее проявляет самоотверженное отношение к миру, к построению своей жизни и к самой себе как индивидуальности. Такая модель жизнеутверждения впитывает в себя формирование своего образа мира, в котором она живет, и самого себя как составляющей этого мира, целостной картины своей жизни, как индивидуальной истории в ее временной и пространственной ретроспективе и перспективе, на основании чего составляется жизненный мир личности, который поглощает разработку стратегии жизни, планов и жизненной программы личности, в которых интегрируются ее жизненные цели, ожидания, мечты, притязания, корректировки ее жизненных помыслов и жизненного пути с учетом реальных жизненных обстоятельств и личностных возможностей; преодоление кризисных ситуаций как проявление противоречия жизни и факта несовершенства самого человека.

Диапазон жизненных проявлений личности существенно зависит от широты ее мышления, степени осмысления в ее сознании обстоятельств и событий жизни, от способности мыслить стратегически, жить перспективно. «Кто живет в толкотне дел и удовольствий, не продумывая пережитого, а лишь сматывая клубок жизни, у того исчезает осмысленное сознание. Дух его представляет хаос, а в его мысли закрадывается определенная путаница» [8].

Человек приобретает величие души и силу духа в деятельности, направленной на достижение благородных и высоких целей. В человеческой деятельности значительное место, как это доказано многими исследованиями, занимает подсознание. У религиозного деятеля она наиболее ярко проявляется в интуиции, которая позволяет личности достаточно свободно ориентироваться и быстро реагировать на события, принимать соответствующие действия в решении проблем, возникающих в сфере его деятельности.

Путь священнослужителя, который ведет публичную деятельность, ведь его действия, его жизнь более, чем частного лица или человека из других сфер деятельности, подвергается общественной оценке, находится под контролем прихожан. Очевидно, что при таких разных условиях личностные достоинства и прежде всего моральные качества имеют не только общественное, но и личное значение. Важны также и волевые качества человека, его способность мужественно преодолевать все возможные преграды на своем жизненном пути и в религиозной деятельности.

Личность, которая стремится или реально занимает высокие ступени в структуре общества или в той или иной его подструктуре, должна отмечаться высоким профессионализмом в своей области. Это качество является весьма важным в современных условиях, когда деятельность во всех отраслях становится все сложнее и ответственнее. Это в полной мере касается всех сфер, в том числе и духовенства, которые нуждаются в высокой религиозной компетентности.

Новый уровень социального развития человечества и отдельных цивилизаций, который основан на современных научно-технических достижениях, тотальной информатизации, быстром развертывании глобализационных процессов, остро испытывает потребность в одаренных личностях, которые мыслят неординарно, обладают потенциальными возможностями для творческого решения самых сложных задач. Именно с этим индустриально развитые страны связывают новый виток экономического и социального прогресса человечества в XXI веке, что диктует

необходимость радикального переосмысления концепции образования и воспитания, а также динамичной практической переориентации социальной политики государства и всех образовательных и воспитательных институтов.

Личность, которая способна быть лидером, влиять на других, отличается силой и цельностью своей натуры, ей меньше, чем личности другого состава, присущие амбивалентность, сосуществование в глубинной структуре личности противоположных взаимоисключающих установок (например, любви и ненависти) в отношении каких-либо объектов или лиц.

Элитарная личность – личность с высоким чувством собственного достоинства, осознанием важности выполняемых ею дел, своего призвания их осуществления, а тем самым – высокого чувства долга.

«Великой эпохе нужны великие люди» [2]. А эпоха, которую сейчас переживает человечество, является эпохой величественных преобразований. Поэтому она нуждается в священниках высокой мудрости, величия духа и благородства души.

Элитарная личность – это личность, которая берет на себя бремя ответственности. Уровень, диапазон ответственности зависит:

- от масштабности личности;
- от уровня развития ее самосознания;
- от исполняемых личностью ролей.

В структуре качеств, влияющих на авторитет личности, определенное место занимает личная привлекательность. Престиж священника может основываться только на месте в иерархии, он становится более крепкий и впечатляющий, если подкреплён симпатией прихожан.

Элитарная личность отличается особой мотивационной структурой, которая психологически обслуживает социальное и индивидуальное поведение личности. В этой структуре является установка на достижение успехов, которая может порождаться разными мотивами, заложенными в самом отношении к жизни, которые рожают в личности стремление расти, развиваться, достигать что-либо и тому подобное.

Особое место в мотивационной структуре элитарной личности занимает стремление к росту, который является осознанной установкой или подсознательным состоянием, то есть выступать как зов натуры, как знак отличия от других, а может оказаться не менее значимых личностей, но таких, которые не имеют такого стремления.

Элитарная личность содержит в себе не только добродетели, но и недостатки и те или иные изъяны, то есть ничто человеческое ей не чуждо. Однако в личности такого образца весь спектр личностных качеств даёт такое сочетание, которое обеспечивает ей лидирующее положение в обществе или группе. Это предопределяется властью, контролем личности над самой собой.

Тема качества элиты не только представляет теоретический интерес, но и имеет практическое значение. В связи с отвержением обществом формирования элитного сообщества в различных сферах и переходом на принципы конкурентности естественно возникает вопрос, с одной стороны, о правомерности предпочтений и выбора в ситуации личностных оценок по критерию «лучший», «высший» и тому подобное, а с другой стороны, вопрос повышения качества человеческих ресурсов общества, чтобы все сферы применения человеческого потенциала заполнялись лицами с высокими человеческими достоинствами.

Переходные эпохи человеческой истории создают альтернативные ситуации для личностного роста и развития. С одной стороны, возникает ситуация, при которой

значительные массы людей теряют возможность нормально жить в условиях социальной нестабильности и духовно-нравственного упадка общества, а с другой стороны, переходная эпоха – это появление новых ценностей и жизненных смыслов, а значит, и обретение новых социальных возможностей для личностей как носителей более высокого уровня социальности и культуры, более высокого исторического типа людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Стилизованное православие – Режим доступа: <http://www.vehi.net/florensky/berdyayev.html> (дата обращения: 14.08.2019).
2. Гашек Я. Собрание сочинений. Том первый – Режим доступа: <https://profilib.org/kniga/145440/yaroslav-gashek-sobranie-sochineniy-tom-pervyy.php> (дата обращения: 14.08.2019).
3. Кабе Э. Путешествие в Икарию / Э. Кабэ. – Москва : Изд-во АН СССР, 1948. – 519 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 400 с.
5. Огнева Е.А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday before Pentecost») / Е.А. Огнева // Научный результат. Серия : Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Том. 2. – № 1 (7). – С. 31–38.
6. Стернин И.А. Основы речевого воздействия / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
7. Томе Х. Современный психоанализ. В 2-х томах / Х. Томе. – Москва : Прогресс, 1996. – 1348 с.
8. Шопенгауер А. Мир как воля и представление. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (дата обращения: 14.08.2019).
9. Shchukina I. K vprašanju o nacionalni sliki sveta / I. Shchukina // Zbornik 12. mednarodne multikonference “informacijska družba. – IS 2009. – Ljubljana, Slovenia, 2009. – С. 386–389.
10. Ščukina I. Sredstva harmonizacije v religioznem diskurzu / I. Ščukina // Ars & Humanitas. – Vol. 6, No. 2. – Ljubljana, 2012. – С. 167–183.

Поступила в редакцию 16.08.2019 г.

THE CONCEPT OF "ELITE IDENTITY" IN THE ORTHODOX DISCOURSE

N.V. Leshkova

The article defines the origin of the concept of "elitism" and "elite", highlights the essential features, the social type that characterizes these two concepts. The prerequisites for the formation of an elite personality are described. In the Orthodox discourse the personality of a priest is analyzed from the point of view of elitism, social belonging, spiritual vocation. Personality, which represents the highest level of individual and personal development and being.

Key words: discourse, elite, elitism, elitist personality, social status.

Лешкова Наталия Викторовна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».
Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.
E-mail: nataleshkova@yandex.ru.

Leshkova Nataliya Viktorovna.

Candidate of Philology, Docent.
Gorlovka Institute for Foreign Languages.
Associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages.
E-mail: nataleshkova@yandex.ru.

УДК 811.161'42:398.8

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СВАДЕБНО-ОБРЯДОВОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© 2019. *Ж.В. Марфина*

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

В статье представлен концептуальный анализ народно-песенных текстов свадебно-обрядового дискурса, имеющего свои особенности в украинском и русском фольклоре. Концептосфера сватанья и свадьбы представлена как взаимодействие лексических и сценарных, предметных концептов. Также отмечена роль символов, вторичных номинаций в создании обобщенных словесных образов. Смоделированы концептуальные цепочки ({}), между компонентами которых установлены стойкие семантические отношения.

Ключевые слова: фольклорема, название родства, семейно-обрядовый дискурс, концептуальная цепочка.

Фольклор, как известно, является неотъемлемой составляющей культурного наследия любого народа. Его же жанровое разнообразие, широта мотивов и образов, богатство символики отображают, по мнению исследователей, глубину познания мира нашими предками и «является тем кодом, который должны прочесть, чтобы почувствовать себя наследником великого и мудрого народа» [8, с. 47]. Фольклорные тексты – надежный, неиссякаемый источник для исследований национально-языковой картины мира, моделирования образа языкового этнического мышления, в том числе и с учетом межкультурных связей (как неродственных, так и родственных). Ученые указывают на то, что «фольклорные образы, персонажи и лексика, используемая при их создании, представляют собой пусть и наиболее глубокий, «пассивный», но влиятельный слой концептуального содержания знака» [7, с. 45].

В русском и украинском фольклоре особое место занимают народные песни, что отмечали в своих исследованиях Н.И. Костомаров, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, А.Л. Метлинский, П.А. Кулиш, Н.В. Сумцов, И.Я. Франко, А.Н. Веселовский, Н.И. Толстой, Е.Б. Артеменко, П.П. Червинский, С.Е. Никитина, А.Т. Хроленко, С.Я. Ермоленко, В.В. Жайворонок, Н.А. Данилюк, С.Т. Лавриненко и мн. др. ученые. Широта ассоциативно-образного потенциала народно-песенного слова, «расскажет нам о мире человеческих чувств, очарует неожиданными ассоциациями между миром живой природы и человеческим поведением и эмоциями. Слово песни своим конкретно-чувственным содержанием помогает проникнуть в природу народной морали, этики, познать душу» [3, с. 117].

Из циклических песенных текстов определенное внимание привлекают свадебно-обрядовые, о чем свидетельствует множество опубликованных работ, авторами которых являются К.В. Чистов, Е.И. Соколова, И.М. Колесницкая, З.И. Власова, В.И. Харитоновна, В.П. Аникин, Ю.Г. Круглов, В.А. Поздеев, О.А. Чарина, Н.П. Колпакова, И.Е. Карпухин, Н.И. Савушкина, В.М. Потявин, Т.Н. Владимирова, О.В. Слюсарева и др. Причина актуальности таких исследований в том, что в их основе лежит мотив сватовства / женитьбы – один из центральных в народно-песенном наследии русского и украинского народов. Это обусловлено и ритуальной природой таких фольклорных текстов, и ценностно-аксиологической особенностью этнического языкового мышления – особым отношением к институту семьи, который входит в

систему важнейших ценностей традиционной славянской культуры, особой ролью семьи, дающей продолжение роду. Как отмечают исследователи, представление о семье прочно связано с такими сущностями, как справедливость, достоинство, труд, знание, умение, терпение [1, с. 154]. К созданию семьи у славян подходили осознанно и ответственно. Ученые обращают внимание на тот факт, что была сформирована сложная свадебная обрядность, в которой «нашли отражение мировоззренческие представления, этнические характерные черты, народная мораль, право, которые формировались на протяжении столетий» [2, с. 134].

Песня (народно-песенный текст) как обязательный атрибут традиционного свадебного обряда является, по мнению исследователей, важной частью метаязыка народной культуры [16], что и обуславливает интерес ученых к народному творчеству и его изобразительно-выразительным средствам, которые познаются с использованием все более широкого круга методологических подходов и теоретических концепций, всецело направленных на познание образно-речевой народной культуры восточных славян. Диалогическая природа обрядовых песен обеспечивает трансформацию ментальных стереотипов от поколения к поколению, поддерживая тем самым культурно-этнические константы, делая их доступными к воспроизведению и дальнейшей трансформации независимо от времени и места воспроизведения, актуализации уже давно сформированных и стабильно поддерживаемых констант культуры взаимоотношений в семье.

По нашему мнению, вопросы формульности, стилистических регистров народно-песенных текстов, лингвокультурного анализа основных словесных кодов – символов, вербализаторов концептов национальных речевых культур, ключевых словесных образов не новы, хотя без их обобщения всякий раз трудно сделать какие-либо объективные выводы об особенностях различных жанров национальных фольклорных систем. Сегодня остается актуальным познание фольклорной концептосферы, и в частности, особенностей отображения культуры брачных отношений в русском и украинском песенном фольклоре, ее иерархизации в системе базовых, ядерных, и вторичных, вспомогательных, концептов с учетом национально-этнических вариаций мотивирования смыслов, ценностно-аксиологических доминант.

Цель нашего исследования – установить систему ядерных и вторичных концептов, вербализированных в русском и украинском свадебно-обрядовом песенном фольклоре (лексические концепты как семантическое, эмоционально-ценностное обобщение культурного опыта), их связь со сценарными мотивами (ситуативными концептами).

Материалом исследования стали тексты народных русских и украинских свадебных песен, выбранные из фольклорных сборников.

Основным методом анализа народно-песенных контекстов стало моделирование концептуальных цепочек [5, с. 50], в которых может быть ведущим или одно (в нашем случае – название родства), или два (концепты одной либо отличных лексико-семантических парадигм) понятия. Между ними, благодаря означаемым словам (прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов), установлены стойкие семантические отношения, выражающие в результате их раскодирования и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки \leftrightarrow , \leftarrow , \rightarrow , $;$, $+$ указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания (корреляция, отождествление, следствие, наложение и т. под.).

По нашим наблюдениям, в семейно-обрядовых песнях наибольшее функциональное разнообразие сохранили названия родства (далее – НР), которые

приобрели в таких контекстах статус фольклором. Исследователи указывают на то, что наряду с понятиями «богатство», «разлука», «чужбина» НР концептуализируют свадебный обряд. Составляющие указанных концептуализированных сфер характеризуются глубокой архаичностью и отражают мифологические представления о магической силе свадебного обряда [16].

Проанализированный текстовый материал дает возможность дифференцировать основные сценарные мотивы, в которых используются НР-фольклоремы.

Во-первых, мотив выражения симпатии, любви молодых людей. Обращает на себя внимание то, что влюбленные ассоциируют себя с миром природы. Влюбленная пара ассоциируется с орнитонимами, а будущая семья – с потомством, которое появляется в гнезде [13, с. 324; 4, с. 145]. Соответственно концептуальный образ «парень – соловей» : «девушка – голубка» приобретает в конкретном тексте семантические свойства, которые воплощает концептуальная цепочка {[соловей] + [голубка] = [гнездо] → [муж] + [жена] + [семья] → [потомство : дети] ↔ [мать]}): *Ой з-за гори дим та дим, / Там соловейко гніздо звив / Ще й гарнесенько щибетав – / До себе галочку прикликав... / Іди, галочко, зо мною, / Будеш ти мені жноною, / А моїм діткам матір'ю, / Бо в мене дітки маленькі, / Ще й до матері раденькі.*

Девушка, проявляющая любовь или готовая к созданию пары, в украинском песенном фольклоре привлекает внимание в стереотипных действиях (сценарных концептах) – «поит коня», «подает ведро с чистой водой» как символом своей молодости и красоты, «выставляет бочку меда», «подметает двор васильками». Такие концепты воплощают символическое содержание, отождествляясь с такими качествами, как девичья душевная красота, святость, приязнь к молодым людям, которых она ждет на свой порог, желая любви. Эти факты подтверждены и более широкими народно-песенными контекстами, ср. лексикографический источник: *напування коня; додати меду* – ‘усилить впечатление’; *васильки* – ‘символ святости и чистоты; девичьей нежности, чести’ [4, с. 410, 382, 67 соответственно]. Свадебные обрядовые песни, отмечая эти особенности, также подчеркивают особую роль в такой ситуации матери или же отца-матери. Это воплощают концептуальные цепочки, составленные по следующей модели: {[мать¹] → /бранит/ → [сын] ← [любов] → [дочь] ← /бранит/ ← [отец-мать²]}. Например: *Ой на татарській границі / ... – Дівчинонько, голубонько, / Наній коня вороненького! / – Ой не буду напувати, / Буде мене мати ждати / Буде мене бити, сварити; Молодець коня пасе / ... – Дала б тобі відра, / Так боюся батька. (..) – Дала б тобі відра, / Да боюся матки. / – Не бійся ти матки: / А маткина гроза, / Як літня роса; Ой піду я понад річенькою – / млин меле, млин меле. / Ой не гнівався, мій батеньку, / на мене, на мене. / Ой поставлю я бочку медочку, / вина дві, вина дві. / Перепрошу я свого батенька на вині, на вині; Да вирвати в саду василечки, / Слід позамітати! / Ой у мене ненька / Раніше мене встала / Та вирвала в саду василечки, / Слід позамітала.* Подобные мифологизированные действия находятся под социокультурным табу со стороны матери-отца, которые берегут невинность дочери, ср. ситуативный концепт: *Мене мати не пускає.*

Второй из наиболее выразительных в украинском песенном фольклоре мотивов – мотив признания в симпатии дочери / сына к кому-либо. Его архетипическими знаками являются:

астральные символы пары на земле – месяц и звезды на небе (концептуальная цепочка {[дочь : звездочка] ↔ [любовь] ↔ [сын : месяц]}): *Ой ненько ж моя,*

матінко / Ой ньенько ж моя, матінко, / Ой снівся ж мені дивний сон: / Що є на небімісяць, / З правого боку зірочка, / – Я ж тобі сей сон розкажу);

прозрачная вода, отражающая счастливое будущее дочери [13, с. 338; 9, с. 128–138] (концептуальная цепочка {[**правда**] → [**отец** : месяц] ← [**дочь** : звездочка] ↔ [**любовь**: вода] : [**любовь**] ↔ [**муж**]}) : *Ой на горі під вербою / Стояв колодязь з водою, / Там дівчинонька воду брала, / До місяця промовляла: / «Мій місяченьку, мій батеньку! / Скажи ж мені всю правдоньку / Чи я поїду за нелюба, / Чи я поїду за милого?...*);

акциональная символика воды, отождествленная в девичьем восприятии с парованием, единением [13, с. 306, 292; 4, с. 113: *пити воду* ‘символ единения, удовлетворения желания любви’], а в материнском – с разлукой с немилым зятем: *«Ой пий, мати, тую воду, / Що я наносила, / Шануй, мати, того зятя, / Що я полюбила»*. / *«Буду пити, буду лити, / Буду розливати, – / Нелюбого полюбила, / Буду розлучати»*. С таким контекстом связываем концептуальную цепочку {[**дочь**] ↔ [**любовь** : вода] ↔ [**зять**] = /уважение/ = [**мать**]};

семейный ужин как символ единения рода [4, с. 83: *вечеря в 1 знач. ‘семейный ритуал, когда собирается вся семья за одним столом’*], от которого отказывается сын, влюбленный и желающий жениться ({[**мать**] ↔ [ужин] ↔ [**сын**] → /любовь/ ← [девушка]}): *Як там мати свого сина / Вечеряти просить. / «Ой вечеряй, моя мати, / Коли наварила, / А я піду на той куток, / Де дівчина мила»*.

Привлекая внимание девушки, сын предлагает «иди со мной, будешь верной женой». Он верит в то, что «верно наживется» с избранницей ({[**мать**] ← [**сын**] /верность/ [**жена**]}) : *«Иди, Марисю, зо мною: / Будеш моєю женою; / Будеш же ти мені жіночка, / Моїй матінці вірничка; / Будеш же ти вірити, / Моїй матінці служити; / Оддай мене, моя мати, / З ким вірно люблюся, / Хоч худоби не доб’юся – / Вірно наживуся. / З великою худобою / Носиться, возиться, / А з вірною дружиною / У світі наживиться»*.

Третий в русском и украинском свадебном песенном фольклоре – мотив отдания / принятия сына-сокола [13; с. 554] в связи тем, что пришло время идти замуж / жениться: {[**мать**] ← /отдание ↔ принятие ↔ благословение/ → [**дочь**]}, {[**теща, тесть**] → /отдание/ → [**дочь**] → /отдание/ → [**зять**]}. Ср. контексты: *А Леня дочкой набивається, / Ай, люли-люли, набивається, / «Ты возьми, Витенька, мою доченьку, / Ай, люли-люли, мою доченьку»; / Как увидела да узрела [прилетевшего «ясна сокола»] / Свет княгинина матушка: / «Ты дитя мое, дитячко, / Ты дитя, чадо милое! / Приголубь ты ясна сокола, / Ясна сокола залетного, / Доброго молодца заезжего!»; «Матушка, со стени образ снимают, / Матушка, меня благославляють». – / «Дитячко, господь бог с тобою, / Свет милое, господь бог с тобою»; / Вьюн на воде извивається, / А зять у ворот убивається: / «Ах тесть, ты мой тесть ласковой! / Отдай мой дар, мое суженое»; – / Підеш замуж, донько, / Підеш замуж, любко, / Підеш замуж, чорнушенько, / Сивенька голубко. / – Та за кого, мамко; / Хоч мене мати / За милого дати.*

При этом мать готовится к определенным действиям – ритуальной ментальной актуализации сценарных концептов. Например, она варит символический ужин (вечерю) ({[**мать**] ← /отдание/ → [**сын**]}) : *Вари, мати, вечеряти / Вари, мати, вечеряти, / А я ляжу спати; / Кому мила, кому любя, / То прийде до хати. / Вари, мати, вечеряти / Гречані галушки; / Кому мила, кому любя, / Прийде на подушки.*

Свою будущую супружескую жизнь (архетип *сна*) будущие пары видят счастливой, что воплощено в символах пшеницы, сада: *Всі курочки докупочки / ...*

*Насіяна пшениченька, / Та нікому жати; / Питається син матері, / Которую брати: / – Ой чи тую багатую, / Що мати веліла, / Ой чи тую сиротину, / Що серце боліло; **Ой піду я у садспати, / А ти мене не буди, мати, / Нехай мене той збудить, / Ой хто мене вірно любить.** / Ой млин меле, вода реве, / А колесо перестать хоче. / За гидкого, за бридкого / Мене мати да й оддать хоче.*

С этим мотивом в русских текстах связан дискурс полного послушания, что выражают и определенные предикаты, и вторична номинация матери – *государыня*, отца – *государь-батюшка* ({[мать] ← [уважение] → [отец]}): *Споносила меня маменька, / Споносила государыня / Во утробе ровно сорок недель; Ты кормилице государь батюшко! / Обострочь меня, девушку, / Хоть на летьшко красное.*

Четвертый мотив воплощает в русской и украинской народной культуре те сценарные концепты, когда случалось в старину, что дочь шла замуж за старого, злого, нелюбимого мужа, следствием чего являлись супружеские измены, грубость в отношениях ({[муж] → /битье/ → [жена]}; {[неверность] → [жена] → [муж]}): *И хочет батюшко ведь замуж выдавать, / И родна матушка ведь с волей разлучать, / И выдать девушку ли, меня, не за ровню, / Не за ровнюшку ли замуж – за старого, / И за старым я, девка, в любви жить не буду, / И за старым мужем я да погуливать стану, / И себе ровнюшку я буду прибирать; Хотит батюшко девку замуж отдавати, / (...) А старого мужа стану проклинати, / Себе ровнюшку стану выбирать, / Далекую ровню буду провожати; Бо лихого мужа маю, / Буде бити добре знаю, / І щіткою, кружівкою, / Веретеном, гребінкою; **Поняв старий / Молодую жінку.** / Іще ж не поняв, / **Та хвалиться бити,** / Та похваляється з товаришем / Нагайку купити.*

Пятый мотив связан со сменой социальных ролей в семьях (сценарный концепт названия). Наибольшее количество народно-песенных контекстов сопровождают мотив сватовства, в дискурсе которого обозначены роли членов семьи как исходной, так и будущей, в которой определяются новые для молодых людей и их родителей роли – жена / муж, свекровь / свекр, теща / тесть, невестка / зять и др.: *«Вы подружки мои, все голобушки, / Вы придумайте мне, пригадайте мне: / Уж я как же буду звати люта свекра? / Уж я как называть люту свекровь? / Уж я как звеличать да деверьщев? / Уж я как назову да золовушек? / Приубавлю я спеси-гордости, / Я прибавлю смиренства и кроткости, / Назову ли я люта свёкра батюшкой, / Назову ли я люту свекровь матушкой, / Назову ли я деверьщев братцами, / Назову ли я золовушек сестрицами, / Назову ли я Григория душечкой, / Назову ли я Васильевича ягодкой»; «Сестрицы мои, подруженьки! / Придумайте мне, пригадайте, / как-то мне прийти к свекру, / Как-то мне назвать свекра-та? / Мне свекром назвать – осердится, / Мне батюшкой назвать – не хочется: / Убавлю я спеси и гордости, / Прибавлю ума-разума, / **Назову свекра батюшкой, / Лютую свекровь – матушкой;** – Ой добрий вечір, ласкава теще. / Ой рано, рано, ой рано еще! / – Ой здоров, здоров, мій рудий зятю! / Чого ж тихочеш, мійрудий зятю? / – **Я в тебе хочу котору дочку.** / – На тобі цюю, хоч найменшюю. / – Ой нащо мені така малая, / Така малая, неспособная? / – Ти, зятю, ще не брав, а вже гордуєш. / – Я не гордую, тільки **шлюбую.** Отмеченную особенность воплощает, например, концептуальная цепочка {[дочь] → / называть, звать/ → [свекровь, свекор, деверь и др.]}*

Прежде всего, обращают на себя внимание эпитеты свадебно-обрядового дискурса, подчиненные концептуальной оценке «чужая / чужой», которая пронизывает восприятие перемен в жизни ({[чужой] ← [новая семья] ← [дочь]}): *Да ты не слушай хоть, Анна, у Петровича, / Да что Василья-то гусельцы звончатые, / Они звончатые гусли, перебарчатные, / Да они скоро-то перезовут на чужу сторону. / Да на чужу сторону к*

чужу батюшку, / Да на чужу сторону к чужой матушке; Уж теперь отдаст меня маменька / На чужую дальнюю сторонушку, / На чужую, дальнюю, незнакомую, / Ко чужому свекру-батюшке / Ко чужой свекровке-матушке, / Ко чужим деверьям-брателкам, / Ко чужим золовкам-сестрицам; Как чужого отца-мать буду как называть? / Как чужого отца-мать буду как называть? / Назову ль я свекра батюшкой, свекровь матушкой / А чужого дитя назову ли я по имени и по отчеству?».

В отношении самых близких родственников в эпитетике НР-фольклором подчеркнута сему 'близость' ({[дочь / сестра] → /близость/→[семья]}): *Я спрошу тебя, родной батюшка, / и родимая моя матушка, / Кто у вас были: гости торговые? / Аль синя моря корабельщики? / Торговал мне родимой батюшка / На мой-то да могучи плеча (...) Торговал мне да родной братец миленькой / (...) Торговала мне родна сестрица / на мою же да буйну голову; ...Не пропускай, брат родименький, / Ты ни конного, ни пешего; / Останови моего суженого; Уж ты, родимой батюшко, / Ты какие думы думаешь, / Ты какие мысли мыслишь, / Не меня ли замуж выдаешь; Тяжело да расставатися / Со родимым-то батюшкой, / Со родимую-то матушкой, / Со своим родом-племенем и т. д.*

В свадебно-обрядовом дискурсе молодая, отдавая дань уважения членам семьи будущего мужа, настраивается и на позитивное восприятие новой родни, что также подчеркивают соответствующие эпитеты: *Я в веночке, я в зеленочке, / Хожу ль я, хожу вокруг городочка, / Ищу ль я, ищу ласкова тещя. [...] Ищу ль я, ищу ласкову тещу. / [...] Ищу ль я, ищу ласковых шурьев. [...] Ищу ль я, ищу ласковых своячен.*

Шестой мотив – это мотив отношений молодых с родителями мужа / жены (концептуальная цепочка {[дочь / сын] ↔ [любовь] → [свекор / тесть] → [нелюбовь] → [невестка / зять]}): *Тужит ли, тужит ли / По мне свекор-батюшка? / Не тонет, не тонет / Мой золотой веночек, / Не тужит, не тужит / По мне свекор-батюшка; А мой свёкорка стоит, / На меня косо глядит. / Люли-люляшеньки, / На меня косо глядит; Ты немного богу молися, / Ты не низко тещю кланяйся, / Ты пониже – теще матушке, / По поклону – красным девушкам. Средством непрямой оценки родителей является именование их с помощью народно-песенных стереотипов: *А мой батька – ясен месяц, / Моя матка – красное солнце, / Мои братья – соловьи в лесе, / Мои сестры – в жите перепелки.**

Седьмой мотив семейно-обрядового дискурса связан с усилением функции вторичной номинации, касающейся именованья членов семьи с помощью ряда номинаций.

Обращает на себя внимание актуализация мифопоэтической символики орнитонимов в соответствующих народно-песенных текстах, которые усиливают интимизацию контекстов: *А сегодня вот, матушка, / Прилетал млад ясен сокол, / Что садился млад ясен сокол / На переднее окошечко; / Говорил млад ясен сокол / Человеческим голосом: / «Ты не плачь, красна девица, / Веселись, дочь отецкая! / На чужой дальней стороне / Три поля пиена насяны, / Весельем да обгорожены, / Радостью да исполиваны. / Течет реченька медовая, / По ей жилочка золотая»; «Ой ты, матушка-голубушка, / Ой да ты родный батюшка, / Не гоните вы лебедушку, / Не гоните вы лебедушку, / Из родимого из гнездышка. / Там во небе сизый селезень, / Он сгубитсизую лебедушку, / Он сгубит вашу лебедушку – / Ваше дитячко родимое»; Да тут не паванька плавала, / Да не пава перья ронила, / Да тут сестра брату жалилась, / Брату милому, любимому; Ой вербо, вербо зелена, / Спусти гиллячко додолу, / Де соловейко гнізде в'є, / А сивая зозуля воркує. / То не соловейко – свекорко, / Не сива зозуля – свекруха. / Та свекорко Ганночку чарує, / Золотий перстеньок дарує, / А свекруха Ганночку чарує / Хрести-дукати дарує.*

Как известно, в свадебном цикле фольклорных текстов молодых могут именовать «князь» и «княгиня»: *Среди пола дубового, / Среди напротив матицы. / Он крест по писаному кладет, / Он поклон по ученому ведет / На все стороны кланяется: / Как на первую-то сторону – / Княгининому батюшке, Карпу Ивановичу, / На вторую-то сторону – / Княгининой матушке, Доманы Даниловне, / На третью сторону – / Ко княгининым братицам, / На четвертую сторону – / Ко княгининым сестрицам, / На пятую сторону – / Ко княгине за завесу, / Анне Карповне.* Сценарный концепт «поклон» сопровождается упоминанием всех членов семьи: *Ты заедешь, сын, на красно крыльцо – / Воздавай свашеньке поклон.*

Положительное и отрицательное, настороженное, восприятие перемен в личной жизни дочери меняются, но остается следующий стереотип: ожидание прихода в новый дом работницы, готовой или не готовой к тяжелому женскому труду ({[дочь] → [новаясемья] → [дочь = работница]}): *Неужели я тебе, кормилец батюшка, / Не работница была, не заботница, / Твоему дому не рачительница?; Алым ленточкам убиралась; / Уж ты пела веселы песенки, / А теперь ты, моя мила сестра, / Отпоешь веселы песенки; / Ты пойдешь на тяжку работушку, / Обливаться будешь горячим слезами.* Как работника воспринимали и сына: «Сына женить». – / «На что сына женить?» – / «Чтобы пашеньку пахати, / Хлеба промышляти».

Восьмой мотив характеризуется тем, что в нем объединены и лексический эмоционально-оценочный концепт, и сценарная концептуальная оппозиция «плач» / «радость», поскольку речь идет об уходе из дома отца-матери. Дочь покидает дом с предчувствием печали, тоски, символами которых являются мифопоэтические образы *темный лес, горе, слезы* ({[замужество] → /печаль/ → [дочь]}): *Я пойду с горя в темны леса, – / Я хожу в лесах, аукаюсь. / Никто в лесе не отукнется, / Что ни батюшка, ни матушка, / Ни соколы-братцы милые, / Ни голубушки белы сестры. /.. «Ты родимая моя матушка! / Заблудилась я в чужих людях, / Заплелась я в горе-кручинушке; Перекатно красно солнышко / Закатилось за облачко, / Закатившись, затуманилось. / Перехожя красна девица (...) / Во слезах да слово молвила: / «Государь ты мой, тятенька, / государыня ты, маменька, / нельзя ль думушку отдумати, / Мою свадебку остановить / До иного года нового, / Хоть до летечка до красного?»* и подоб. Печаль одолевает не только дочь, но и ее родителей, которым непросто проститься с дочерью ({[замужество] → /печаль/ → [дочь] ← [мать]}): *Не бела лебедь вскрикнула – / Мать по дочери всплакнула: / «Воротись, мое дитячко, / Воротись, мое милое! / Позабыла ты, дитячко, / от терема золоты ключи / Со шелковым со поясом / И с кольцом со серебряным»; А станешь ли, мой батюшка, цветки поливать? / Цветики поливать утреней, вечернею порою? (...)»* / – «Стану я, мое дитячко, твои цветки поливать, / Утреней, вечерней зарею – / Своею горючею слезою». Наибольшее число примеров реализации отмеченного мотива дают русские народно-песенные тексты свадебно-обрядового дискурса.

Ожидание встречи с родными подчеркивает в народно-песенной поэзии эмоциональные перемены в дочери, в памяти которой пробуждаются положительные ассоциативно-образные связи ({[дом] ← [радость] → [дочь]}): *дом – сад, батюшка – радость, похвала, сладость* и т. д.: *Зеленейся, зеленейся, / Мой зелен сад в огороде (...) / Ко мне будут, ко мне будут, / Ко мне гости дорогие. / Сударь батюшка родимый / Будет по саду ходити, / Изюм-ягоду щипати, / Меня, младу, похваляти.*

Девятый мотив, обрядовый, связан с переходом дочери в статус жены. С ним связана функциональная нагрузка символов, или предметных концептов, *венки* [13, с. 317; 9; 4, с. 101: *вінок давати 'женский оберег'*], *коса* [4, с. 329: *прощання з косою*

‘символ замужества’], *косынка* [4, с. 665: *хустка* ‘атрибут свадебного обряда’]: *Положу этот веночек на головку, / Ай да наголовку! / Я на душечку прекрасну красну девицу, / Ай да на девицу! / На родиму на сестрицу, / Ай да сестрицу!*; «*Да тебя завтра будет, косынька, / Тебя завтра будет, русая, / Да расплетать будут подруженьки, / Да чесать будет милая сестра, / Чесать будет и то – милая сестра. / Примочи, родима матушка, / Примочи, родима матушка, / Что своим то горячим слезам, / Что своим-то горячим слезам*»; *Танец сводила, / Венок сронила. / Матушка, поди, / Венок подыми! / Матушка идет, / Венок не несет...; Погляди, моя матушка, / На мою на русу косу! / Уж не долго мне, матушка, / Во косе красоватися, / Во русой величатися!*. С этим мотивом связана концептуальная цепочка {[сестра] → [замужество : веночек] → [мать]}.

Следующий, десятый, мотив – мотив дарения, передачи приданого ({[дочь / сестра] → [дар] → [новая семья]}). В таких контекстах актуализированы артефакты, или предметные концепты, *сундук* [4, с. 582: *скриня* ‘символ достатка, богатства’], *короб*, *рушники* [4, с. 549: *рушник* ‘атрибут обрядасватанья, свадьбы’], *платок*, *косынка* и т. д.: *Ах, как на дворе у нас да две радости: / Отец сына женит, дочку замуж дает. / Еще коробы с двора, сундуки на двор. / Да кому мы спели, тому добро; «Ой, вставай, сестра, не лежи, / Ой, раным-раным, не лежи. / А тебе, сестра, много надо. / Ой, раным-раным, много надо: / Сорок сороков рушников, / Свекра с свекровью дарити, / Красных золовок, ох, золовок, / Молодцов, деревьев, / Ой, раным-раным, деверьев*» и др.

Все вышеуказанное дает основания утверждать, что в народно-песенной свадебно-обрядовой лирике функционирование НР-фольклором – это одна из ключевых особенностей, поскольку именно бытовая лингвокультура является средой сохранения, продолжения и воспроизведения тех или иных лексических, сценарных, предметных концептов, актуализируемых ритуально при непосредственном участии человека – члена своего рода. НР-фольклоремы в свадебно-обрядовом дискурсе приобрели ряд вторичные номинаций, хранящих в своей внутренней форме и указание на смену вида деятельности, и ее оценку. Абстрагированность и обобщенность воплощенных в народно-песенном свадебном фольклоре действий, оценок свидетельствует о концептуализации взаимодействия членов семьи в ритуально-обрядовых текстах как репрезентантах высокого стиля в украинской и русской народной лингвокультуре. Народнo-песенному свадебно-обрядовому дискурсу не чужды мифопоэтические символы, связанные с оценкой человека и предвкушением чего-то нового, неизвестного.

Все десять мотивов, воплощенных во многочисленных концептуальных цепочках, повторяются в текстах и русского, и украинского народов. Мы вправе говорить о преобладании того или иного мотива в определенном фольклорном дискурсе: в русском – мотивов отношений молодых с родителями мужа / жены, прихода в новый дом работницы или работника, плача, перехода дочери в статус жены, которые проводят мать и сестры, дарения, передачи приданого, в украинском – мотивов выражения симпатии, любви молодых людей, признания в симпатии дочери / сына к кому-либо. При общности мотивов объективны некоторые несовпадения в использовании вторичных номинаций, например, дочери (*зозулька* ‘кукушка’ – *лебедушка*), отца-матери как *государей* в русской традиции, отца как *месяца* – в украинской.

Концептуализация свадебно-обрядового дискурса в русском и украинском песенном фольклоре отражает общее и индивидуальное в этнокультурной памяти народов.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Голованова Е.И. Русский язык и традиционные ценности славянской культуры / Е.И. Голованова // Известия ВГПУ. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (266). – С. 153–155.
2. Гордиенко-Митрофанова И.В. Язычество восточных славян / И.В. Гордиенко-Митрофанова, В.С. Аксенов. – Киев : Миллениум, 2003. – 224 с.
3. Єрмоленко С. Мова і українознавчий світогляд / С. Єрмоленко. – Київ : НДІУ, 2007. – 444 с.
4. Жайворонок В.В. Антологія знаків української етнокультури: Словник-довідник / В.В. Жайворонок. – Київ : Наукова думка, 2018. – 760 с.
5. Жайворонок В.В. Магія слова – обрядові мовні формули на етнокультурному тлі / В.В. Жайворонок // Мовознавство. – 2017. – №4. – С.49–58.
6. Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості : пісні, прислів'я, загадки, скоромовки / Упоряд. Н.С. Шумада. – Київ : Веселка, 1989. – 606 с.
7. Кидямкина С.А. Лингвокультурологический анализ текстов семейных песен / С.А. Кидямкина // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2010. – № 1. – С. 45–48.
8. Коротя-Ковальська В.П. Українська народнопісенна творчість в українознавстві / В.П. Коротя-Ковальська. – Київ : НДІУ, 2008. – 254 с.
9. Костомаров М.І. Слов'янська міфологія / М.І. Костомаров. – Київ : Либідь, 1994. – 385 с.
10. Лавриненко С.Т. Мовні знаки концептуалізації правової культури у фольклорному тексті / С.Т. Лавриненко. – Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2014. – 467 с.
11. Народные лирические песни / Второе изд. – Ленинград : Советский писатель, 1961 – 610 с.
12. Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Желункина, А.Н. Розов. – Москва : Современник, 1989. – 735 с.
13. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 2000. – 480 с.
14. Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – Москва : Правда, 1989. – 624 с.
15. Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сборник / Сост. К. Чистов. – Ленинград : Худож. лит., 1984. – 528 с.
16. Слюсарєва О.В. Епітетика українських весільно-обрядових пісень (структурно-семантичний і функціональний аспекти): автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О.В. Слюсарєва. – Харків, 2006. – 18 с.
17. Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові / Упоряд. О.М. Хмільєвська. – Київ : Музична Україна, 1967. – 735 с.

Поступила в редакцію 27.10.2019 г.

CONCEPTUALISATION OF WEDDING AND CEREMONIAL DISCOURSE IN RUSSIAN AND UKRAINIAN SONG FOLKLORE

Zh.V. Marfina

The article deals with the conceptual analysis of folk song lyrics of wedding and ritual discourse in the Ukrainian and Russian folklore. Conceptual sphere of matchmaking and wedding, i.e. premarital and marital relations of different families' members, is presented as interaction of lexical, scenario and subject concepts. The role of symbols, the secondary nominations in creation of the generalized verbal images in the appropriate linguistic cultures are considered. Modeling of conceptual chains ({}) became the main method of the analysis of folk song contexts including components with resistant semantic relations (correlation, identification, consequence, imposing, etc.).

Key words: folklore, name of relationship, family-ritual discourse, conceptual chain.

Марфина Жанна Викторовна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет».

Заведующий кафедрой филологических дисциплин.

E-mail: kvitkakvitka.2016@gmail.com.

Marfina Zhanna Viktorovna.

Candidate of Philology, Docent.

Lugansk National Agrarian University.

Head of the Department of Philological Disciplines.

Email: kvitkakvitka.2016@gmail.com.

УДК 82.09

**ЧИТАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ТЕОРИИ ЦЕЛОСТНОСТИ М.М. ГИРШМАНА:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

© 2019. *О.Р. Миннуллин*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья продолжает серию публикаций о выдающихся донецких литературоведах – представителях Донецкой филологической школы. В работе рассматривается проблема читателя в теории художественной целостности Михаила Моисеевича Гиршмана. В аксиологическом (ценностном) аспекте критически проанализированы ключевые понятия рецептивной части теории ученого, его понимание задач литературоведения и особой позиции исследователя-литературоведа.

Ключевые слова: М.М. Гиршман, теория художественной целостности, читатель, ценность.

Актуальность предложенной темы связана с необходимостью осмыслить круг идей Донецкой филологической школы, который формировался в 1960-2000-х гг., четче артикулировать ряд идей, которые озвучивались на конференциях, семинарах, в отдельных публикациях, существуя часто в виде некоей не вполне структурированной совокупности, имеющей лакуны, «темные места». Потенциал теории не до конца воплотился и в силу того, что многие корреспондирующие друг с другом идеи участников этого научно-творческого процесса остались в пространстве некоторой взаимной глухоты, либо просто не были достаточно четко сформулированы. Сюда следует отнести круг вопросов, связанных с фигурой читателя.

Те или иные размышления, анализы и комментарии, связанные с теорией художественной целостности, в большей степени сосредоточены на таких категориях как «автор», «литературное произведение», «художественный мир», «композиция», «архитектоника», «жанр», «стиль». В одной из дискуссий вокруг идей основателя Донецкой филологической школы М. М. Гиршмана в 1990-е годы в докладе «Лакуны в применении категории художественной целостности» С.В. Кочетков обратил внимание на методологическую непроработанность рецептивной части теории. По мысли ученого нужна «целостная теория рецепции», которая будет строиться «на новом представлении об онтологии» восприятия [7, с. 71].

Цель настоящей статьи – обозначить ключевые компоненты рецептивной части теории художественной целостности и уяснить роль читателя в событии литературно-художественного произведения с научных позиций Донецкой филологической школы.

В рамках общей цели выделим три **задачи**: 1) обозначить отдельные существенные компоненты теории художественной целостности, связанные с вопросом о ее рецептивной составляющей, с проблемой читателя; 2) непосредственно проанализировать рецептивный аспект теории в аксиологическом аспекте, т.е. разобраться в роли читателя в событии художественного произведения; 3) прояснить особую позицию литературоведа как позицию «метачитателя», которому вменяется некая сверхответственность, осмысленную в кругу донецких теоретиков.

Прежде, чем перейти напрямую к проблеме, заявленной в заглавии, сформулируем некоторые существенные моменты теории художественной

целостности. Это позволит лучше обозначить смысловые ориентиры описываемой филологической концепции и яснее представить проблемное поле.

Главным основанием, философской платформой для теории художественной целостности в ее классическом виде (1960–80-е гг.) предстает концепция Г.В.Ф. Гегеля, чей язык положен в основу научного изъяснения М.М. Гиршмана. Вот характерная «гегелевская» вариация формулировки целостности из итоговой работы ученого: «Целостная индивидуальность представляет собой первоначальное единство, саморазвивающееся обособление и глубинную неделимость абсолютного духа» [4, с. 36]. Это в значительной степени обуславливает диалектический характер развития всего теоретического построения ученого. Свойства *бытийной целостности* в искусстве становятся «непосредственно воспринимаемыми» [4, с. 47]. Невозможная в реальной действительности конкретного, социально и исторически детерминированного человека полнота бытия, по мысли ученого, возможна в произведении искусства.

Литературное произведение – одна из центральных, «бесспорных» [4, с. 19] категорий концепции М.М. Гиршмана, средоточие смысла и ценности творчества, «вселенная в миниатюре» (В.Г. Белинский), где «частица» несет в себе смысл целого. Вслед за теоретиками романтизма донецкий филолог отмечает, что в творческом акте художник видит мир в «гармонической живой целостности», происходит «преображающее включение» в него всех сторон жизни [4, с. 23]. Теоретик приводит ставшую сегодня хрестоматийной мысль Ф. Шеллинга об «универсуме в образе искусства», в чем выявляется «самостоятельная ценность» произведения [3, с. 26]. Художественное произведение «воссоздает» и «удостоверяет» существование «гармонической полноты, к творческой мощи которой причастен каждый человек» [4, с. 38].

Ученый пишет об историческом смысле художественного произведения как важнейшего элемента культуры, реализующего «всеоживляющую связь» [7, с. 81] «людей, наций, исторических эпох друг с другом» [7, с. 71], «единый, постоянно развивающийся смысл» [2, с. 109]. В бесконечном развертывании этого смысла, в которое включается конечный человек, происходит обретение импричастности превышающей его полноте бытия. Смысл произведения исторически изменчив, но всегда устремлен к абсолютному. В трактовке художественного произведения есть и определенный историзм: М.М. Гиршман соотносит произведение с «последним целым, моделью мира», которая с течением времени «перестраивается» [4, с. 464].

По мнению ученого, истоки которой в той же традиции немецкой классической эстетики, «в произведении... присутствуют три смысловых плана: общечеловеческий, конкретно-исторический, индивидуально-личный» [4, с. 45]. Эта мысль сближается с концепцией, сформулированной художником В. Кандинским в трактате «О духовном в искусстве», который в данном случае черпал свои идеи из того же источника – немецкой классики. Этот вопрос рассмотрен в статье «Об одном истоке теории художественной целостности: Василий Кандинский «О духовном в искусстве» (2017) [9].

Полнота бытия пронизывает эти три плана: «Произведение осознается в своей социально-эстетической и культурологической сущности как творческое воссоздание не отдельно взятого данного общества и этапа истории, а внутренней связи людей и времен в Мире и Человеке – едином целом» [2, с. 109].

Общая формула взаимосвязи искусства и полноты бытия такова: художественное произведение – это «эстетическое явление полноты бытия» [4, с. 47], она реализуется через категорию художественного образа. «Целостность человеческого бытия

эстетически выявляется в художественной целостности произведения искусства» [4, с. 16], воплощается в нем **автором**.

Автор, «живой человек», «говорящий индивид» определяется как «формирующий центр произведения, субъект преобразования знака в плоть целостного смысла» [4, с. 31], именно субъект – носитель главной ценностной активности, «чувственного присутствия» полноты бытия в «реальности поэтического создания» [там же]. В художественном произведении, по мысли М.М. Гиршмана, «скрепляющей основой мира оказывается индивидуально-неповторимое человеческое бытие, целостная индивидуальность» [4, с. 50].

Эта взаимосвязь оказывается осуществимой благодаря установке, заложенной в подлинном произведении искусства, – его «обращенности к единственной личности», только так по мысли ученого бытие-общение переходит из разряда абстрактных категорий в действительность жизни, становится «духовной реальностью» для конкретного человека, «языковой знак преобразуется в плоть духовного представления» [4, с. 31]. Эстетическая (и любая другая) ценность обретают реальное воплощение только через личность, «в индивидуальном контексте» [4, с. 464].

В работе, посвященной теории художественной целостности («Ответственность общения: о книге М.М. Гиршмана «Литературное произведение...»»), Н.Д. Тамарченко поясняет бытие-общение в произведении как «встречу целенаправленной созидательной деятельности автора и ответной активно сотворческой деятельности читателя», «диалог сознаний» [11, с. 72]. Это взаимодействие осуществляется в тексте и мире произведения – поэтому общение – реальность автора и реальность читателя, оно онтологично. Художественное произведение понимается как пространство диалога, где в «духовной глубине» могут и должны «сойтись разные личности», здесь происходит «встреча с настоящим и будущим читателем». По мысли М.М. Гиршмана, «мера глубины здесь – это в то же время и мера художественной ценности» [3, с. 138].

На конференции, посвященной теории художественной целостности, А.О. Панич отмечает: «Последний горизонт произведения – социум, поэтому теория целостности произведения может строиться только на ценностях, общих каждому и роднящих всех без изъятия» [7, с. 93]. В этом социальном аспекте опять же важной оказывается категория общения, через которую в теории М.М. Гиршмана вполне раскрывается аксиологическая сторона художественного творчества.

Аксиологический аспект теории М.М. Гиршмана во многом выявляется в рецептивной плоскости в пространстве диалогического мышления. Диалог предполагает не только говорение, но и слушание: «Слушай, и мы будем жить...», – цитирует М.М. Гиршман О. Розенштока-Хюси. Во-первых, «от того, насколько адекватно мы сумеем “прочитать” и осмыслить глубинную неделимость мира, зависит... само существование человеческой жизни» [2, с. 112]. Во-вторых, по его мысли уяснение «подлинной ценности и смысла художественного произведения» дает возможность развития «человеческого взаимопонимания» [4, с. 10]. Такая внешняя по отношению к автономной сфере искусства этическая составляющая отсылает и к античной калокагатии, и к иудейской этике общения. Художественное высказывание здесь осознано как «социальное событие» [4, с. 98]. Именно эта социальная событийность, возможность общения в слове, встречи есть то, что выводит эстетическую ценность в ряд, внешний по отношению к автономной сфере искусства.

По мысли ученого художественное произведение открывает для читателя возможность «осознавать свои творческие силы и в какой-то мере превращаться в художника-творца, в то же время, оказываясь благодаря этому самим собой» [4, с. 96].

Речь идет о некотором возвращении к себе, обретении себя, возможном в общении с другим, которое дает искусство, общение, проникнутое идеалом полноты бытия. Художественное произведение – это «воспроизведенный процесс общения» [4, с. 112], который происходит «на границе человеческих содержаний» [4, с. 97].

При художественном восприятии читатель дает своей «единственный ответ на смыслообразующие вопросы», выявленные произведением. В рецептивной части теории художественной целостности подчеркивается единственность, незаместимость позиции конкретного читателя: «Художественное произведение и его интерпретация создают две различные, но равно необходимые сферы объединения коллективных усилий, где каждый делает свой никем и ничем не заменимый шаг в открытии и осуществлении истины» [2, с. 111].

Общение – одна из центральных категорий диалогической теории искусства М.М. Гиршмана. Понимая риск вложения в это философское понятие «всего что угодно», ученый специально обращает внимание на этику чтения, направленность реципиента на произведение, ответственность читателя, противостоящую интерпретационному беспределу, «вчитыванию» значений в текст и элементарному непониманию.

Мысль о читателе как элементе внутренней структуры высказывалась М.М. Гиршманом уже в середине 1970-х годов. В рецензии на книгу Н.К. Гея «Художественность литературы» в ответ на соображения автора книги о невозможности «чисто объективного» описания художественности он предлагает «поискать... читателя в произведении как внутреннюю позицию» [1, с. 270–271].

О.В. Червинская (Черновцы), комментируя рецептивный аспект теории художественной целостности (монография «Пушкин, Набоков, Ахматова...», 1999), обратила внимание, что идеи М.М. Гиршмана созвучны идеям западноевропейской рецептивной эстетики с её понятийным аппаратом («имплицитный читатель», «внутритекстовая интерпретация», «вариантность», «горизонт ожидания» и др.) [11, с. 96–97].

Ценность художественного произведения в читательской перспективе определяется через описанное понятие полноты бытия: произведение дает ощутить причастность этой полноте. В случае, когда эта причастность не до конца ощутима, событие художественного произведения оказывается проблематичным. В описанном случае встреча читателя и автора, читателя и произведения не состоялась, эстетическое отношение не установилось, чтения в полном смысле слова не было.

Однако чувство от восприятия художественного произведения у разных читателей, да и у одного и того же читателя в разные моменты могут существенно различаться, диапазон – пусть во многом и заданный самим произведением – огромен. Эта полнота бытия иногда как бы неполная, переживание ее не «концентрированное», а «разреженное». Скажем, есть достаточное ощущение того, что в произведении «что-то есть», внутренний, вкусовой «датчик прекрасного» показывает присутствие гармонического инобытия. Нечто откликнулось в читателе именно в эстетическом отношении в строгом смысле, но до события переживания эстетического завершения, катарсиса не дошло.

В логике теории художественной целостности эта «средняя» ситуация оказывается полностью на совести читателя (в виду «презумпции эстетической неприкосновенности» произведения [4, с. 537]). При обращении к неприкосновенной классике острота этой ситуации невелика – до Пушкина и Толстого читателю приходится дотягиваться, дорастать – недопонимание всегда вменяется именно реципиенту.

А вот с литературным творчеством современников асимметрия, производимая этим самым положением читателя, продиктованная «презумпцией эстетической неприкосновенности», отсутствует. У М.М. Гиршмана в свою очередь есть работы, где он прямо указывает на несовершенство произведения. Например, литературовед говорит о «недоволенности» смысла при всей «умелости» отделки стихотворения С.М. Гандлевского «Все громко тикает. Под спичечные марши...» [5, с. 97–98]. Здесь целое проблемное поле, которое выводит нас в пространство литературной критики со своими «вкусowymi» и жанровыми законами.

С рецептивной проблематикой непосредственно связаны размышления о месте литературоведа как особого читателя. Основоположник теории художественной целостности, ставит вопрос о «необходимости уяснения основ... деятельности» [7, с. 38] литературоведа, статусе литературоведения и о позиции литературоведа, который принял для донецких филологов форму постоянного личного вопрошания. Здесь не столько постановка проблемы границ профессиональной сферы, сколько осознание потребности «укрепления самостояния каждого» [там же], кто обращается к осмыслению литературы.

М.М. Гиршман намечает одну из детально разработанных его учеником А.А. Кораблевым проблем соотношения «литературоведческой ситуации» и «целостного мировоззрения» конкретной личности ученого-филолога [4, с. 14]. Подробно об этом рассказано в статье «А.А. Кораблев о смысле и ценности поэтического творчества: онтология, феноменология, рецепция» [10]. Именно личность с ее «не-алиби в бытии» (М.М. Бахтин) является существенным объединителем художественного, познавательного, этического планов, точкой пересечения «события бытия-жизни» (М.М. Бахтин) и автономной области искусства. «Литературоведческое познание предполагает... включение в свои результаты... личности исследователя», – пишет М.М. Гиршман в методологической работе «Путь к объективности» [4, с. 533].

Филолог предостерегает от опасности утраты смысла в деле литературоведа. Как и другие сферы деятельности, наука о литературе может стать пространством раскрытия человека в полноте его возможностей, воплощения своего высокого предназначения, а может обернуться пустотой «дурной работы». Он пишет: «любой вид человеческой деятельности содержит ... риск между... возможностью человеческого самоосуществления и превращения в... функцию, в элемент профессионального крестинизма... и литературоведение сопряжено с этой опасностью» [7, с. 52].

Диалогическая установка сказывается в самом подходе к делу литературоведа. Перефразируя известные слова С.С. Аверинцева, М.М. Гиршман говорит, что «филология... учит пониманию другого» [4, с. 10]. Но и здесь есть свои «границы», связанные с положением литературоведения как науки – ведь понимание другого нужно каждому, не только филологу. В ситуации стремительного расширения проблематики и границ филологии в целом и науки о литературе, как ее составляющей, расширения, в котором участвовал и сам основатель Донецкой филологической школы, приходится напоминать, в том числе и самому себе, о научном статусе того, чему посвятил жизнь.

В возникшей полемике с Д.П. Баком по поводу позиции литературоведа М.М. Гиршман различает позицию ученого и позицию читателя и настаивает на «познавательной доминанте» в деятельности специалиста по изучению литературы. Донецкий ученый не принимает мысли московского коллеги, который видит задачу литературоведа в том, чтобы «вернуть заверченный, вычлененный из жизненного потока результат встречи трех участников эстетического события (автора, героя и

читателя. – О.М.) в сферу реального ответственного поступка-дела» (цит. по [4, с. 53]. М.М. Гиршман указывает, что названная задача относится к любому читателю – это нужно «каждому живущему здесь и сейчас человеку» [там же].

Литературовед, с которого не снимается эта задача, вступает еще и в чисто «познавательные отношения» и получает в нагрузку миссию максимально возможной объективации эстетического опыта, прояснения в «конкретной историко-культурной и индивидуально-творческой ситуации» связи актуального смысла произведения с полнотой бытия, целостностью, превышающей конкретику отдельного опыта.

В этом состоит «общественная ответственность литературоведения» [11, с. 72], о которой пишет Н.Д. Тамарченко, характеризуя теорию художественной целостности М.М. Гиршмана. В этом же ключе размышляет И.В. Козлик (Ивано-Франковск). Он отмечает, что М.М. Гиршман мыслит положение литературоведа как позицию «метачитателя», который должен «придерживаться канонического ценностного ориентира филологов, когда «не литература существует для литературоведения, а литературоведение для литературы» [6, с. 20]. Литературовед – это и профессионал понимания, и хранитель ценности, и ответственный за смысл – словом, спросится с него не меньше, чем с автора, тем более в ситуации, когда само существование последнего поставлено под вопрос.

Подведем **итоги**. Читатель – неотъемлемый компонент события литературного произведения, которое понято в теории М. М. Гиршмана в свете философии диалога как бытие-общение. Субъект восприятия составляет ту свободную, «открытую» часть структуры этого события, которая размыкает произведение в «событие бытия-жизни» (М. М. Бахтин). Через читателя осуществляется реальная встреча изолированной автономной сферы искусства и неготового, переменчивого реального мира, и произведение обретает полновесный смысл. Позиция читателя задана в нём как структурный элемент (имплицитный читатель), но только реальный субъект, способный к личному ответственному переживанию встречи с прекрасным, примиряя свой опыт с этой позицией в структуре, сообщает художественному произведению подлинную, а не виртуальную ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиршман М.М. В русле современных исканий: рецензия на монографию Н. К. Гея «Художественность литературы» / М.М.Гиршман // Вопросы литературы. – 1976. – № 9. – С. 268–275.
2. Гиршман М.М. «От текста – к произведению, от данного общества – к целостному миру» / М.М. Гиршман // Вопросы литературы. – 1990. – № 5. – С. 108–112.
3. Гиршман М.М. Избранные статьи: Художественная целостность. Ритм. Стиль. Диалогическое мышление / М.М. Гиршман. – Донецк: Лебедь, 1996. – 160 с.
4. Гиршман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / М.М. Гиршман. – Москва: Языки славянской культуры, 2007. – 560 с.
5. Гиршман М.М. «Гармония – абсолютна, а дисгармония – относительна» / сост. Э.М. Свенцицкая. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2016. – 184 с.
6. Козлик И.В. Понимание целостности: некоторые соображения в методологической плоскости / И.В. Козлик // Литературоведческий сборник. – Донецк, 2012. – Вып. 49-50. – С. 17–30.
7. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Опыт полифонического осмысления / сост. А.А. Кораблев. – Донецк: Лебедь, 1997. – 176 с.
8. Кораблев А.А. Путь к объективности» М.М. Гиршмана как научная одиссея/ А.А. Кораблев // Профессия: литератор. Год рождения:1937:Коллективная монография. – Елец:Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2017. – С.155–163.
9. Миннуллин О.Р. Об одном истоке теории художественной целостности: Василий Кандинский «О духовном в искусстве» / О.Р. Миннуллин // Культура в фокусе научных парадигм. – Донецк, 2017. – С. 87–90.

10. Миннуллин О.Р. А.А. Кораблев о смысле и ценности поэтического творчества: онтология, феноменология, рецепция / О.Р. Миннуллин // Новая Русистика. — Врно, Česká asociace slavistů. – 2019. – № 2 (12). – С. 31–45.

11. Михаил Моисеевич Гиршман: Библиографический указатель к 70-летию со дня рождения / сост. А.А. Кораблев, Л.Е. Клименко. – Донецк: Юго-Восток, 2007. – 118 с.

Поступила в редакцию 03.11.2019 г.

**READER OF A LITERARY WORK IN M. GIRSHMAN'S THEORY OF WHOLENESS:
AXIOLOGICAL ASPECT**

O.R. Minnullin

This article adjoins a series of publications about outstanding Donetsk literary scholars – representatives of the Donetsk Philological School. The paper deals with the reader's problem, which is viewed within the framework of M. Hirschman's theory of artistic integrity. The most important concepts of the receptive part of the scholar's theory are critically examined in terms of axiological aspect.

Key words: M. Girshman, theory of wholeness, reader, value.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры истории русской литературы и
теории словесности.
E-mail: papulia@yandex.ru

Minnullin Oleg Ramilevich.

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of the History
of Russian Literature and Theory of Literature.
E-mail: papulia@yandex.ru

УДК 81'373.2

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ТОПОНИМИИ ДОНБАССА

© 2019. В. И. Мозговой

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье описываются этапы перехода древних номинаций в современную топонимию Донбасса. Её уязвимость, связанная с молодостью, отсутствием устоявшегося права обычая, искажением и уничтожением топонимического фонда, требует правового закрепления норм функционирования имён собственных как активаторов истории и культуры. Задача историков в связи с этим – провести паспортизацию топонимов, исходя из исторической ценности, а филологов – предложить методику их именованья, восстановления и переименования.

Ключевые слова: топонимия, именованье, история, язык, право.

Введение. Проблема сохранения исторической памяти в топонимии регионов, подобных Донбассу, где в процессе постоянного обновления индустриально-промышленного потенциала переплетаются интересы разных цивилизаций, ощущается с особенной остротой. Это обусловлено спецификой его освоения народами, заселившими этот край в древние века, и «далёкими иностранцами» из Западной Европы: «Достаточно будет взглянуть на основные отрасли тяжёлой промышленности, созданные в России в конце XIX века, чтобы увидеть, какую решающую роль сыграли в их развитии иностранцы. Современную угольную и сталелитейную промышленность Донецка и Кривого Рога основали англичане, а финансировалась она совместным английским, французским и бельгийским капиталом» [8, с. 288]. Пренебрегать сегодня этим фактом невозможно, как нельзя игнорировать и наличие в современной истории Донбасса её топонимических маркеров.

Цель статьи – описать исторический путь развития топонимии Донбасса и связанные с ним процессы социальной конфликтности, разрушающие историческую память.

Основная часть. Опыт Донбасса с его «молодостью» топонимической истории уникален в том смысле, что его можно сравнительно легко учесть, и показателен, поскольку связан с прямо противоположными тенденциями созидания и разрушения ономастического фонда.

Первая тенденция акцентировала исторически сложившееся стремление народов к развитию на основе идеологии свободы. Особые природно-геологические условия степного края обусловили появление здесь психологии сплочённости втянутых в процесс его освоения национальностей, которые, фиксируя в топонимии опыт сравнительно молодой русскоязычной общности, испытали две волны «реформирования» своей номинативной истории:

1. XVI – XVII века. Этот период характеризовался преимущественно южнославянским и русско-украинским влиянием, в результате чего возникли прежде всего именованья водных объектов, полученных в «наследство» от кочевых тюркоязычных цивилизаций и воспринятых новым языковым носителем как гидронимы:

– *Днепр, Днестр, Дон, Донец* «...означают, по-видимому, «широкая река» и «быстрая река»... Каждое из этих названий этимологически соотносится с двумя

языками: скифы не образовывали этих названий, а лишь добавили свой географический термин *Dn, Danu* – «река» к исходным компонентам, которые представлены в современных русских формах как *-енр, -естр* и исторически являются древнейшими, доскифскими названиями соответствующих рек. Эти древнейшие названия принадлежат фракийскому языку» [1, с. 11];

– *Самара, Самарчик, Самарка*, по всей видимости, характеризующих реку с извилистым течением, образующим «мешок» (ср. чагат. *самар* – «мешок»), «седло» (ср. тур. *семер* – «седло») [7, с. 18 – 25].

– *Миус* и *Кальмиус*, которые так или иначе восходят к *Калке*, в древнейшие времена назывались сначала *Калкой* (или *Калой*), а затем *Миусом*. «Такая топонимическая неразбериха (две реки имели одинаковое название *Миус*) приводят к тому, что славяне для их разделения в одной из них сливают две формы: славянскую *Калка* (из индоевр. **kal* – «черный, грязный» и тюркскую *Миус* – «угол, рог» (*Калка* + *Миус* = *Кальмиус*, т. е. «не Миус»). Первичное название *Калка*, таким образом, полностью соответствует гидрографической характеристике Кальмиуса – реки с грязной и очень минерализованной водой, вязким грунтом и берегами» [2, с. 218].

2. XVIII – нач. XX века. В этот период было обеспечено формирование практически всех известных сегодня номинативных конструкций. Донецкая топонимия приобрела черты полифоничности, объединившей в восточнославянской онимной истории элементы греко-татарской, немецкой, английской, итальянской, французской, бельгийской, польской, сербской и других европейских проприальных культур в разных разрядах онимной лексики:

– ойконимии: *Анадоль, Бахмут, Беловодск, Белолуцк, Бельгийская деревня Донецко-Юрьевского металлургического общества, Большая Каракуба, Гришино, Дебальцево, Докучаевск, Дружковка, Еленовка, Енакиево, Ёвсуг, Иловайск, Катык, Краматорск, Кременная, Комар, Константинополь, Луганск, Макеевка, Мангуш, Мариуполь, Новая Астрахань, Новопсков, Святогорск, Славянск, Славяносербск, Старая Карань, Старобешево, Староигнатьевка, Стыла, Хацапетовка, Чернухино, Чистяково, Урзуф, Харцызск, Чердаклы, Юзовка, Ялта, Янисоль;*

– гидронимии: *Белая, Волноваха, Волчья, Домаха, Крынка, Лугань, Ольховая, Оскол, Северский Донец;*

– хоронимии: *Донбасс, Екатеринославская губерния, Новороссия, Пришиб-Змиевский уезд, Бахмутский уезд;*

– эргонимии: *Азовский металлургический завод, Александровский рудник, торговые фирмы Джербулини, Галлеано, Донецкая каменноугольная железная дорога, Торговые фирмы Мембели, де Мартино (итальянцы), Видовича, Ковачевича, Триковича (южные славяне), Луганский чугунный завод, Русское общество пароходства и торговли, Съезд горнопромышленников Юга России, Юзовский металлургический завод, Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства, Азово-Донской банк, Бельгийское общество по разработке угля, Бельгийская фирма «Кокерилл», Русско-Бельгийское общество «Любимов, Сольве и Ко» Бельгийская фирма «Огнеупорные материалы и пластичные земли Сьель-де-Анден и Буфью», Русско-польско-Бельгийский концерн «Общество Лильпоп, Рау и Левенштейн», Луганский завод Русского общества машиностроительных заводов Гартмана», Армяно-Григорианское училище (Юзовка), училище Талмуд Тора (Юзовка), Велико-Анадольская образцовая лесная плантация, Макеевская спасательная станция;*

– урбанонимии: *Первая – Двадцатая линии в Юзовке, Итальянская улица в Мариуполе, Народный дом в Юзовке;*

– каронимии: суда и корабли «Петр Регир», «Новороссия», «Натфорд» («Прогресс»), «Белоруссия», «Ольга» и т. п.

Вторая тенденция, расширив до максимума способы именования, сузила социально-правовую сущность собственного имени до размеров субъективного восприятия его идеологической составляющей.

Первый этап идеологической «коррекции» (1917 – 1991 гг.) был связан первично с попыткой «подогнать» стереотипы коллективной сплочённости и многонациональной общности Донбасса под нормы коммунистической морали, используя советские символы интернационализма и равенства, не выходящие, между тем, за рамки внутренних изменений, происходящих в самом обществе: *Карло-Либкхнеговск, Нью-Йорк, Дзержинск, Счастье, Новый Свет, Золотое, Ленинское, Желанное, Веселое, Беззаботовка, Московское, шахта «Красная Звезда», площадь Ленина, Калининский район* в Донецке, *Червоногвардейский и Советский районы* в г. Макеевка и т. п.

Затем продолжающееся «совершенствование» теории классовой борьбы стало толкать советских лидеров на акты переименований и восстановлений, что подтачивало культурно-историческую память и стабильность социальных процессов: *Остгейм – Тельманово, Юзовка – Сталино – Донецк, Катык – Шахтерск, Алексеевка – Алексеево-Леоново – Чистяково – Торез, Соляное – Славянск, Грюнталь – Мичурино, Гришино – Красноармейск, Чермалык – Заможное, Софиевка – Карло-Марксово, Сорокино – Краснодон, Хацапетовка – Углегорск, Тор – Красный Оскол, Петро-Марьевка – Первомайск, Павловск – Мариуполь – Жданов – Мариуполь, Новониколаевка – Будённовка – Новоазовск, Луганск – Ворошиловград – Луганск, Кривая Коса – Седово, Большой Янисоль – Великая Новосёлка, Бахмут – Артёмовск, Алчевск – Ворошиловск – Коммунарск – Алчевск, Кадиевка – Серго – Стаханов – Кадиевка, Михайло-Леонтьевская – Новошахтинск, Старый Керменчик – Старомлиновка* и др.

На втором этапе (с 1991 г.) «коррекция» превратилась в акцию захвата Донбасса «новыми собственниками» при помощи «перевода» собственных имён исключительно в украинскую национальную парадигму (*Горловка – Горлівка, Никольское – Микільське, Красный Молочник – Червоний Молочар, Углегорск – Вуглегірськ, Константинополь – Костянтинівіль*), закончившегося уничтожением онимосферы, хоть как-то связанной с русской культурой.

Явные переименования были спровоцированы Постановлением Верховной Рады Украины от 01.09.2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». В Донбассе они коснулись наибольшего количества городов, посёлков и сёл (здесь планировалось переименовать 47 населённых пунктов) и всех «неудобных» микротопонимических объектов хозяйственной деятельности и городской инфраструктуры. Сегодня уже переименованы *Красноармейск в Покровск, Тельманово в Бойково, Красный Партизан в Бэтманово, Юнокоммунарск в Бунге, Кировское в Крестовку, Комсомольское в Кальмиусское, Тринадцатая Рота в Калинино, Ольховая в Успенку, Кировское в Голубовку. Красный Луч в Хрустальный, Вахрушево в Боково-Хрустальное, Петровское в Петрово-Красноселье, Артёмовское в Кипучее, Свердловск в Должанск, Стаханово в Кадиевку, Каменка в Медвежье, ул. Свердлова в ул. Деконскую (г. Артёмовск // Бахмут), ул. Молодогвардейская в ул. Героев Украины (г. Славянск), ул. Лазо в ул. Героев Небесной Сотни (г. Краматорск), ул. Николая Островского в ул. Ивана Мазепы (г. Святогорск)* и т. п.

Скрытые переименования появились как противодействие бесконтрольным моделям номинаций, возникшим на постсоветском пространстве. При появлении

огромного количества «новой» эргонимии стала эксплуатироваться мода на иностранные «лейблы» и фразеологические жаргонизмы: *Бар «Качелли», Ресторан «Velvet», Bar Boss, Оптовый магазин «Самогона нет», «Купи продукты у Али», Кафе «BarBoska», Модный Bassar, Модный салон «Elena Sherenkova», «КомиссиОночка», Донбасс Арена, Магазин «Ой, мамочки», Веревоочный парк «Лень в пень», NZ – «Вода, напитки, мороженое», Агрохата, Gastro-Bistro «Буфет».* «Проблема анархии в нейминге, опирающемся исключительно на маркетинговые цели, зрела как реакция на плановую социалистическую экономику, которая не нуждалась в брендах...» [6, с. 345], но вскоре охватила своим влиянием всеобщий процесс номинативного усовершенствования. Маркетинговый нейминг, используемый частными предпринимателями для привлечения покупателей и клиентов, был перенесён на объекты государственной, муниципальной или коммунальной собственности. В результате они утратили свою правовую силу из-за множественности «собственников» и «скрытости» при помощи кавычек реального юридического лица:

– *ЖЭУ Калининского района > Коммунальное предприятие «Управляющая компания Калининского района г. Донецка» (Коммунальное предприятие и «Управляющая компания»);*

– *Детский сад «Ягодка» > Муниципальное дошкольное образовательное учреждение «Ясли-сад компенсирующего типа для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата № 167 г. Донецка» (Муниципальное учреждение и «Ясли-сад»);*

– *Поликлиника № 3 > Коммунальное учреждение «Центр первичной медико-санитарной помощи № 3 г. Донецка» (Коммунальное учреждение и «Центр медико-санитарной помощи»);*

– *Григорьевская международная школа > Государственное бюджетное нетиповое учреждение «Республиканский многопрофильный лицей «Григорьевская школа» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики» (Государственное учреждение и «Республиканский лицей», «Григорьевская школа»);*

– *Донецкий национальный университет > Государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный университет» – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» (Государственное заведение или учреждение и «Донецкий национальный университет»);*

– *Донецкий медицинский институт – Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького – Государственное высшее учебное заведение «Донецкий медицинский университет» – Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького» (Государственное заведение или организация и «Донецкий национальный медицинский университет»);*

– *Шахта «Краснолиманская» – Государственное предприятие «Угольная компания «Краснолиманская» (Государственное предприятие и «Угольная компания»);*

– *Шахта им. газеты «Социалистический Донбасс» – Публичное акционерное общество «Шахтоуправление «Донбасс» (Публичное акционерное общество и «Шахтоуправление»).*

За процессами фактического переименования объектов скрывается, между тем, ностальгия по советской регулятивной системе, которую предлагается «поддержать» другими способами в условиях торжества частной собственности. В итоге важнейшее условие существования собственных имён – наличие в них адресной и статусно-

правовой информации о конкретном объекте («школе», «гимназии», «детском саде», «больнице», «заводе», «шахте», «фабрике»), активирующей явления культуры, истории и права – извращается попыткой «шифровки» объектов. При этом на передний план выносятся «идея» об их подчинённости государственным или хозяйственным субъектам, например: *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики».*

Объективно существующая, выработанная общественным сознанием на протяжении веков и однозначно трактуемая всеми историческая память заменяется многочисленными вариантами её субъективных интерпретаций.

Появившаяся на постсоветском пространстве новая волна частных собственников считает отныне нормой никем не ограниченную волю и фантазию, которая, по их мнению, не должна зависеть от исторической традиции, этических, грамматических и графико-орфографических предпочтений социума: *Кафе «ЧАЙка» (Донецк), ТЦ «НОВОСТРОЙ» (Новотроицкое), Закусочная «СтолКа» (Макеевка), «Ешьбургер» (Донецк), Радиоккомпания «Radio100Liza», Ресторан «Sorri, бабушка» (Донецк), Кафе «ПроКофий» (Святогорск), Магазин приятных вещей «Рай Центр» (Славянск), Хозтовары «Железяка» (с. Дробышево, Краснолиманский район), Столовая «ЇжачОК» (Донецк), Магазин «ВаВу» (Донецк), Стадион «Донбасс Арена» (а не «Донбасс-арена»), Магазин «Для людей. Водка, пиво, сигареты» (Донецк), Ресторан «Дерёвня» (г. Донецк);*

Но государственные институты, стремясь к мнимой «точности» нормы, «...узурпировали право на официальную фиксацию СИ, превратив его в ложную лексему...» [4, с. 60] и предмет административного нейминга. Реальный объект стал вуалироваться, а за его пределы была вынесена статусная характеристика, не имеющая никакого отношения к собственному имени (*Муниципальное общеобразовательное учреждение среднего образования «Школа «Гимназия № 12 города Донецка»* – это не школа и не гимназия, а *муниципальное общеобразовательное учреждение!*), игнорирующая адресность и логику употребления прописной, строчных и заглавной букв в русской традиции [3; 5]:

– *Факультет «Техносферная безопасность» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Академия гражданской защиты» МИНИСТЕРСТВА по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Донецкой Народной Республики», но не Факультет техносферной безопасности Академии гражданской защиты ДНР;*

– *Государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «ДОНЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ», но не Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования;*

– *ГОУ ВПО – «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ», но не Донецкая академия управления и государственной службы при главе Донецкой Народной Республики;*

– *Министерство Государственной Безопасности ДНР, но не Министерство государственной безопасности ДНР и т. п.*

Таким образом, отсутствие социальных критериев в номинации привело к тому, что реальный собственник и главный потребитель собственных имён – социум – оказались вычеркнутыми из системы именования.

Заключение.

1. Потенциально бесконечное расширение возможностей номинативной базы и форм её презентации в речи, сопряжённая с нелогичным для этого процесса ограничением языковых средств или установлением несуществующих «графико-орфографических норм», превращает онимотворчество в трудно поддающийся контролю процесс, губительный по своим социальным последствиям для национальной истории, мировой культуры и права.

2. Сформированные в современной действительности три разновекторных отношения к онимной лексике (у учёных – на основе языка как механизма, сохраняющего осознанную реальность; у политиков, предпринимателей и чиновников – на основе внеязыковых коннотаций, воздействующих на социальные коллективы и определяющих их поступки и действия; у общества – на основе социальной объективности и стабильности) должны быть заменены едиными принципами номинации, призванными сохранять бесконфликтное развитие правовых отношений между организациями и собственниками.

3. Научное понимание ономастики как науки о социальных методиках изучения и способах защиты первичного или исторического сложившегося собственника от разрушения осмысленной, освоенной и присвоенной им проприальной культуры не укладывается в навязанные извне процедуры именования, а политико-идеологический контроль над онимосферой постепенно превращает представителей исторической, филологической и правоведаческой наук в статистов.

4. Уязвимость ономастики Донбасса, связанная с её молодостью, отсутствием устоявшегося права обычая и искажением топонимического фонда, требует научно-правовой закреплённости имён собственных как активаторов истории и культуры. Задача историков в связи с этим – провести паспортизацию топонимов, исходя из их исторической ценности, а филологов – предложить методику их именования, восстановления и переименования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпенко Ю. А. О гидронимах Днепр, Днестр, Турунчак / Ю. А. Карпенко. // Русское языкознание : Респ. междувед. научн. сб. Вып. 4. – К. : Вища школа, 1982, с. 11 – 14.
2. Мозговой В. И. Там, где было Дикое поле... Очерки истории Донецкого края / В. И. Мозговой, В. Г. Ляшенко. // Общая ред, предисловие, составление приложений – В. И. Мозговой. – Донецк : «Кардинал», 2001 – 336 с. с илл.
3. Мозговой В. И. Имена собственных и не собственные / В. И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – т. 3, № 3. – Севастополь : СГУ, 2017, с. 44 – 51.
4. Мозговой В. И. О судьбе ономастики в связи с трансформациями собственных имён в условные номинации. / В. И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Языкознание. Научный журнал. – т. 4, № 3. – Севастополь: СГУ, 2018, с. 59 - 64.
5. Мозговой В. И. Логика и смысл русской пунктуации в контексте синтаксиса речи. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – т. 4, № 1. – Севастополь: СГУ, 2018, с. 61 – 67.
6. Мозговой В. И. Нейминг и норма / В. И. Мозговой. // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы / под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. – М. : Изд-во Московского университета, 2019, с. 345 – 346.
7. Отин Е. С. Гідроніми Східної України / Є. С. Отін. – Киев – Донецк : Вища школа, 1977, с. 16 – 26.
8. Пайпс Ричард. Россия при старом режиме / Ричард Пайпс. – М. : Экопрос, 1993. – 453 с.

Поступила в редакцию 27.08.2019 г.

PROBLEM OF HISTORICAL MEMORY IN THE TOPONYMY OF DONBASS

V.I. Mozgovoi

This article addresses the transition of ancient nominations into the modern toponymy of Donbass. The author focuses on the stages of this process. The toponymic system is vulnerable, which is caused by its young age, lack of customary law, as well as distortion and destruction of the toponymic layer. Such state of things requires a legal provision of functioning norms of proper names as activators of history and culture. In this regard, the historians' objective is to conduct a toponyms' passportization based on the historical value criterion. As for philologists, they are to suggest a methodological procedure of naming, renaming, and reconstruction

Key words: *топониму, naming, history, language, law.*

Мозговой Владимир Иванович.

Кандидат филологических наук, доцент.

Доцент кафедры русского языка

ГОУ ВПО «Донецкий национальный

университет».

E-mail: mowi48@mail.ru.

Mozgovoi Vladimir Ivanovich.

Candidate of Philology, Docent.

Associate Professor of Department of the Russian Language.

Donetsk National University.

E-mail: mowi48@mail.ru

УДК 159.964.225: 811.161.1

СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАНТЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «ДОНЕЦКОЕ ВРЕМЯ»)

© 2019. А.Н. Осипова

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»

В статье анализируются парантетические конструкции в аспекте их суггестивного потенциала. Разграничиваются понятия «влияние» и «воздействие», подробно анализируется суггестия как вид воздействия (даётся её определение, описывается механизм). Основное внимание сосредоточено на функциях парантез, используемых в публицистическом стиле русского языка как средства суггестивного воздействия.

Ключевые слова: парантеза, воздействие, суггестия.

На сегодняшний день всё более популярными становятся исследования, посвящённые проблеме воздействия различных языковых единиц на сознание и поведение реципиентов, на формирование их отношения к сообщаемой информации. Вопросам теории воздействия посвящены изыскания в различных научных отраслях: лингвистике (А.Н. Баранов, А.А. Горячев, В.З. Демьянков), психологии (А. Авер, М.Р. Душкина), социологии (В.М. Бехтерев, Р.М. Блакар), психолингвистике (В.П. Белянин, В.П. Глухов), нейролингвистическом программировании (Р. Бэндлер, Р. Дилтс) и проч. Вместе с тем остается немало дискуссионных вопросов, требующих тщательного изучения, таких как чёткое разграничение понятий *воздействие*, *влияние*, *убеждение*, *суггестия*, *внушение*; ключевые составляющие этого процесса; перечень языковых единиц, способных оказывать максимальное воздействие; факторы его осуществления; способы защиты от воздействия и многие другие. Нередко учёные отмечают отсутствие устоявшихся критериев определения типов влияния (см., например, утверждение И.М. Дзялошинского: «Влияние можно классифицировать по различным основаниям» [1, с. 478]), что подтверждает сложность и многогранность рассматриваемого феномена.

Цель предложенной статьи – проанализировать суггестивный потенциал парантезы в публицистическом стиле современного русского языка.

Необходимость чёткого определения воздействия требует обращения к толковым словарям. Как правило, понятия *влияние*, *воздействие*, *внушение* употребляются как синонимы, что зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова [8], «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [3] и др. Однако, по мнению исследователя проблем коммуникативного воздействия И.М. Дзялошинского, названные термины нельзя считать синонимами, поскольку значение понятия *влияние* намного шире, чем лексемы *воздействие*. «Понятие *воздействие*, – утверждает лингвист, – охватывает только такие формы влияния, которые предусматривают ранее поставленную цель» [1, с. 14]. Воздействие, таким образом, носит осознанный (умышленный) характер. Данный подход к разграничению терминов *влияние* и *воздействие* считаем взвешенным, аргументированным и берём его за основу в нашей работе.

Воздействие может быть убеждающим или суггестивным. Последнее связано со снижением уровня осознания и критичности реципиента при восприятии информации.

При суггестии смысл сообщения не подвергается рациональному анализу и оценке (ср. дефиницию, данную Б.М. Бим-Бадом в «Педагогическом энциклопедическом словаре»: суггестия – «процесс вербального (словесного) и невербального, эмоционально окрашенного воздействия на психику человека с целью создания у него определённого состояния, порождения некоторых представлений, побуждений к каким-либо действиям» [6, с. 281]). Термин *суггестия* [см., например, 4] восходит к латинскому *suggestio*, которое, в свою очередь, происходит от *gestus* – жест, свидетельствующий о большой значимости «языка тела» для усиления воздействия. К.Н. Омеляненко, ссылаясь на «Краткий оксфордский словарь» акцентирует, что глагол *to suggest* в XVI в. буквально обозначал «подстрекать» или «соблазнять ко злу» [7]. Таким образом, в этимологии этой лексемы подчёркивается принудительный характер внушения при помощи вербальных и невербальных средств, который нередко осложнён негативным оттенком.

Суггестия является, безусловно, двунаправленным процессом, в котором объект (суггестант) и субъект (суггестор) зависят друг от друга. Восприимчивость суггестантов может значительно различаться, что зависит от многих – объективных и субъективных – факторов: готовности чувствовать воздействие и подчиняться ему, характера взаимоотношений между суггестором и суггестантом, способа конструирования сообщения, употреблённых языковых средств и др.

Суггестия может проявляться не только в устных сообщениях, но и в письменных текстах (рекламных, пропагандистских и проч.). Существенным суггестивным потенциалом обладают парантетические конструкции, которые активно используются в публицистической речи. Пресса современного Донбасса – не исключение; в материалах газеты «Донецкое время» примеры употребления таких конструкций достаточно распространены, ср.: *Далее следовала высадка десантов в Одессе, Николаеве, Таганроге, Ейске, Бердянске и Херсоне: в результате провозглашалась Южно-Русская Республика, президентом которой Шмидт видел – ни много ни мало – самого себя* (<http://gazeta-dnr.ru/psixopatyi-i-klikushi/>); *Тётя Шура меня как родную обхаживала. Проснусь после ночной смены, а она уже одежку мою шахтную выстирала в щёлке (с мылом было туго) и вывесила над грубой, где теплый воздух поднимается* (<http://dnr-news.com/prensa/44697-vosstanovlenie-shaht-donbassa-dusha-naraspashku.html>); *Примерно на это время (напомним, что летом 1942 года Красная армия окончательно оставила Донбасс) приходится начало активной боевой деятельности партизан в Донбассе* (<http://dnr-news.com/prensa/44699-ko-dnyu-osvobozhdeniya-donbassa-front-za-liniey-fronta.html>) и под.

На сегодняшний день фиксируем значительный разнобой в наименовании рассматриваемых языковых единиц: лингвисты употребляют как синонимичные термины *внесение, вставка, вставочная конструкция, вводная конструкция, парантеза, парантетическое внесение*. Иногда учёные пытаются разграничить такие конструкции. Так, Г. Свит, группируя их, выделяет вставные (*inserted*), вводные (*parenthetic*) и «привешенные» (*appended*) конструкции. К первой группе исследователь относит придаточные предложения, занимающие интерпозицию, ко второй – независимые предложения, которые вклиниваются в другое предложение и логически главенствуют во всей конструкции; третья группа представлена самостоятельными предложениями, стоящими в постпозиции [10, с. 163].

Считаем целесообразным использование как синонимических двух терминов – парантеза и парантетическая конструкция. Следом за Т.В. Жеребило, парантезу определяем как «самостоятельное, интонационно и графически выделенное высказывание, введённое в основной текст и имеющее значение добавочного

сообщения, разъяснения или авторской оценки» [2, с. 255]. Парантетические конструкции могут быть выражены вводными, вставными словосочетаниями, предложениями (как простым, так и сложными) или группами предложений. С базовым высказыванием они не имеют формально-грамматических средств связи. Ввиду специфики письменной речи парантетические конструкции «делимитируются графически, отличаются от других средств осложнения предложения специфическими структурными, позиционными и коммуникативно-прагматическими свойствами; при этом дистинктивным признаком данных построений является пунктуационное выделение [9, с. 121], ср.: *Иногда целые группы, как, например, молодёжь села Банного (позже город Славяногорск, сегодня Святогорск), которая активно помогала партизанскому отряду Михаила Карнаухова* (<http://dnr-news.com/pressa/44699-ko-dnyu-osvobozhdeniya-donbassa-front-za-liniey-fronta.html>); *В художественном музее представлены не все произведения Петра Петровича, но те, что есть, – «Противостояние», «Последняя затяжка» и «Победитель» – вполне раскрывают отношение автора к выбранной им тематике* (<http://dnr-news.com/pressa/44566-leningradskie-korni-doneckogo-hudozhnika.html>) и т. п.

Выбор пунктуационного знака – скобок или двойного тире – при выделении парантетических конструкций зависит от характера передаваемой информации, её внутренних суггестивных ресурсов, а также степени связанности парантезы с основным предложением. При заключении парантетической конструкции в скобки создаётся впечатление значительной её отдалённости от включающего предложения, тогда как парное тире сближает парантезу с последним. Более того, скобки имеют больший суггестивный потенциал, поскольку такое контрастное визуальное обособление мгновенно фиксируется читателем, а значит, воздействует сильнее.

Парантетические конструкции, обладая уникальным свойством одновременно вносить определённую информацию и заострять на ней внимание, нередко становятся средством суггестивного воздействия. Целесообразно говорить о следующих функциях парантез в публицистическом тексте, отражающих их суггестивные свойства:

1. Преодоление барьера недоверия суггестанта через максимальное уточнение и разъяснение информации (нередко приводятся наименования конкретных объектов, статистические данные, выраженные в числах, процентах и под., служащие для аргументации тех или иных утверждений), например: *Уже в первые недели Великой Отечественной руководству СССР стало понятно, что война будет трудной, затяжной и основная борьба будет идти за русские столицы (Киев, Ленинград, Москва) и (в большей степени) за ресурсы* (<http://dnr-news.com/pressa/44460-vse-samoe-cennoe-v-tyl.html>); *Удалось также вывезти оборудование (котлы, турбины, генераторы, трансформаторы) крупных электростанций – Зуевской и Кураховской* (<http://dnr-news.com/pressa/44460-vse-samoe-cennoe-v-tyl.html>); *В месяц всего два выходных, работали по 12 часов (на 6 часов перешли в 1957 году)* (<http://dnr-news.com/pressa/44565-vosstanovlenie-shaht-donbassa-pigalicy-i-limonadka.html>); *Все мы помним трагедии на шахте Скочинского (63 жертвы), на шахте Засядько (более сотни погибших за несколько лет)* (<http://dnr-news.com/pressa/44984-v-poiskah-rogibshogo-rodstvennika.html>) и проч. При введении при помощи парантезы различных чисел на адресата воздействуют как непосредственно сами данные (размер денежной суммы, процентное соотношение и под.), так и тот скрытый предтекстовый выбор автора, отдавшего предпочтение именно этой информации.

2. Формирование у суггестанта ярких, запоминающихся образов и ассоциаций, обостряющих восприятие и направленных на визуализацию сообщения, а значит – на

усиление эффекта от воздействия, например: *Буфетчица Галя Сало (фамилию забыла, у неё прозвание было такое)* наливала желающим сто граммов водочки (<http://dnr-news.com/pressa/44565-vosstanovlenie-shaht-donbassa-pigalicy-i-limonadka.html>); *Не боялся ли он, что травма ломает не только карьеру в ММА, но – вместе со здоровьем – и все будущее?* (<http://dnr-news.com/pressa/44457-mirovoy-boec-iz-telmanovo.html>); *Случались они и у меня: и операцию делали (вырезали гематому), и микросотрясения мозга были, и растяжения, и переломы, но серьезных, слава Богу, не получал* (<http://dnr-news.com/pressa/44457-mirovoy-boec-iz-telmanovo.html>); *С Холиным Швеце занимался не слишком долго – бойцу-профессионалу высокого уровня требуется много внимания, – а Холин уделить одному человеку столько времени не мог* (<http://dnr-news.com/pressa/44457-mirovoy-boec-iz-telmanovo.html>) и т. п. Последние три примера – из статьи об успешном бойце смешанных единоборств Максиме Швеце. Создание публицистических текстов именно такой тематики – связанных с концептами достижений, успеха, самосовершенствования, – требует от авторов максимально рельефного, зримого описания опыта героя, поэтому особая детализация тех или иных аспектов их жизни и профессиональной деятельности, заключённая в парантезу, способствует созданию у суггестанта необходимых ассоциаций.

3. Отражение эмоционального состояния суггестора с целью привития суггестанту его системы оценок, например: *Если у кого-то случилось горе – не дай Бог, прямое попадание, – выбегаем, помогаем, вытаскиваем из-под завалов* (<http://dnr-news.com/pressa/44560-chelovek-goda-dnr-glava-zaycevskoy-semi.html>); *Название взяли из одноименной философской сказки писателя – надо сказать, малоизвестной, далеко не в каждом собрании сочинений представленной* (<http://dnr-news.com/pressa/44456-doneckaya-kaplya-v-more-zhizni.html>); *Донецк посетили заведующая тургеневским музеем в Орле Елена Мельник, заслуженный работник культуры РФ, кандидат филологических наук, научный сотрудник музея Людмила Балыкова, а также представитель управления культуры и архивного дела Орловской области Лариса Бутрина (наша землячка, кстати)* (<http://dnr-news.com/pressa/44456-doneckaya-kaplya-v-more-zhizni.html>) и др. Парантетические конструкции в таких случаях отражают особенности мышления автора, помогают ему выразить собственное мнение, прояснить позицию и т. п.

Функционирование парантетических конструкций, их суггестивный потенциал зависит также от позиции в основном предложении. Как утверждает К.В. Машанова, позиционные характеристики парантезы нельзя считать произвольными или случайными, так как они направлены на реализацию определенной семантической функции. «Анализ контекста, – акцентирует лингвист, – подтверждает, что при помещении парантезы в начало микротекста, она способна своей семантикой определить тональность информации, представленной в главной части предложения. При интерпозитивном введении парантеза разъединяет составные элементы предикативного ядра микротекста и замедляет реализацию предикативной связи. Благодаря этому возникает эффект ожидания смыслового и структурного завершения предложения, активизирующий процесс восприятия текста. Включение парантезы в конец предложения позволяет выделить слово или фразу, предшествующие данному внесению» [5, с. 17].

Таким образом, парантетические конструкции, обладая значительной смысловой и структурной самостоятельностью, являются одним из мощных средств воздействия на реципиента информации, применяемых в публицистической речи. Рассматриваемые единицы выполняют различные функции: уточняющую, разъясняющую,

эмоциональную, оценочную, текстообразующую и проч. Ввиду таких особенностей публицистического дискурса, как широкие возможности для отражения всего многообразия жизни сквозь призму авторской позиции, суггестивная роль парантезы в реализации прагматической установки автора видится ещё более важной. Благодаря способности парантетических конструкций выражать авторскую позицию и выделять коммуникативно-важную информацию, они способствуют формированию у читателей мировоззрения, становлению нужной суггестору системы ценностей и, как следствие, побуждают к конкретным действиям.

СПИСК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии : монография / И.М. Дзялошинский. – Москва : НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жебрило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Кутуза Н.В. Экспериментальные аспекты изучения суггестогенности рекламных слоганов / Н.В. Кутуза // *Perswazja językowa w różnych dyskursach / pod redakcją Żanny Śladkiewicz i Aleksandry Klimkiewicz.* – Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017 б. – Т. 2. – S. 46–54.
5. Машанова К.В. Языковые средства воздействия в публицистических текстах бизнес-тематики (на материале английского языка) : автореф. дисс. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / К.В. Машанова. – Москва, 2015. – 23 с.
6. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – Москва : Большая рос. энцикл., 2002. – 527 с.
7. Омеляненко К.Н. Управление состоянием человека путём суггестивного воздействия / К.Н. Омеляненко. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/369732-Omelyanenko-k-n-upravleniesostoyaniem-cheloveka-putyom-suggestivnogo-vozdeystviya.html>.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>
9. Шишкина И.С. Парантеза в английском и немецком языках: семантико-синтаксические особенности и графическое оформление / И.С. Шишкина // *Вестник ВятГГУ.* – 2009. – № 2 (2). – С. 120–125.
10. Sweet H. A new English grammar: Logical and historical. P. 1. / H. Sweet. – Oxford : The Clarendon press, 1900. – 499 p.

Поступила в редакцию 28.10.2019 г.

SUGGESTIVE POTENTIAL OF PARANTHETIC CONSTRUCTIONS (ON THE MATERIAL OF THE NEWSPAPER *THE DONETSK TIME*)

A.N. Osipova

The article deals with parenthetic constructions in the aspect of their suggestive potential. The concepts of influence and impact are differentiated. Suggestion is analyzed in detail as a type of impact, with its definition being given, and the mechanism being described. The focus is made on the functions of parenthesis in the Russian language publicistic style, in which it is used as a means of suggestive influence.

Key words: parenthesis, impact, suggestion.

Осипова Анна Николаевна.

Кандидат наук по государственному управлению.
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики».
Доцент кафедры краеведения.
E-mail: osipova.anna.52@mail.ru.

Osipova Anna Nikolaevna.

Candidate of Science in Public Administration.
Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic.
Assistant Professor of Local History Department.
E-mail: osipova.anna.52@mail.ru.

УДК 800.732: 82-1:882

ОПТИМИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© 2019. Б.Г. Солдатов¹, Н.В. Солдатова²

¹ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,

²ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»

Статья посвящена актуальной проблеме – оптимизации формирования правовой культуры студентов в процессе изучения иностранного языка. Авторами статьи исследованы основные требования к содержанию курса дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» как средства формирования правовой культуры студентов. Подчеркивая значимость новых обучающих технологий как средства развития творческого потенциала и формирования правовой культуры студентов, авторы статьи уделяют особое внимание кейс-методам.

Ключевые слова: правовая культура, инновационные методы, балльная оценка успеваемости, обучающие технологии, кейс-задачи.

Введение. В современных условиях социального развития каждый член общества должен иметь определенный уровень правовой культуры, проявляющийся не только в законопослушной, но и в развитой правовой деятельности, владении навыками эффективного использования правовых знаний, в том числе и на иностранном языке, для достижения запланированных результатов. Это, в свою очередь, предполагает формирование основ правовой культуры для каждого студента.

В связи с этим задача создания условий для формирования правовой культуры студентов-юристов становится сложной. Анализ практики формирования правовой культуры в процессе изучения иностранного языка показывает, что образовательный процесс подготовки будущих юристов происходит в отрыве от правовой реальности, что неизбежно влияет на уровень правовой культуры их выпускников, приводит к инерции мышления выпускников, затрудняет моделирование их профессиональной деятельности, не приводит к формированию устойчивых знаний и навыков использования иностранного языка в своей профессиональной деятельности [2, с. 140].

Определяющую роль в формировании будущего юриста играет содержание обучения профессионально-ориентированному иностранному языку. Поэтому вопросы методических условий формирования правовой культуры студентов-юристов при изучении иностранного языка являются одними из основных в соответствующей педагогической системе. В то же время преподаватели испытывают определенные трудности в процессе проектирования содержания обучения профессионально-ориентированному иностранному языку, что связано с критериями отбора и структурирования учебного материала, направленного на эффективное формирование правовой культуры студентов-юристов.

Основная часть. Когда речь идет о критериях отбора, исследователи обычно имеют в виду определенные характеристики, которым должно удовлетворять исследуемое явление или процесс. В педагогической науке до сих пор нет единых, общепринятых требований к тому, как эти критерии следует выделять. Однако большинство исследователей разделяют мнение о том, что при выборе критериев

выбора конкретного содержания образования следует исходить из цели, на которую ориентировано содержание образования. Как известно, цели в виде требований к результатам обучения сформулированы в федеральных государственных стандартах образования по соответствующим направлениям и уровням подготовки.

Учитывая это, мы выделяем следующие критерии отбора содержания образования: когнитивный, мотивационно-ценностный и поведенческий. Первый критерий ориентирован на соответствие содержания образования требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Второй критерий направлен на формирование ценностного отношения к закону, принятие требований закона в качестве правовых норм. Третий критерий предполагает отбор содержания образования, обеспечивающего формирование у выпускников готовности использовать юридические знания и навыки для решения профессиональных и жизненных проблем в определенных ситуациях и условиях [4, с. 56].

Поскольку обучение – это трехсторонний процесс, мы рассматриваем содержание обучения профессионально ориентированному иностранному языку как взаимосвязь трех компонентов: содержания юридического образования, содержания правового воспитания и содержания правового развития. Правовое воспитание предусматривает формирование у студентов юридических профессиональных компетенций, выражающихся в системе правовых знаний, умений и навыков их использования в будущей деятельности. Правовое воспитание ориентировано на формирование отношения правовому поведению как важнейшей ценности. Правовое развитие предполагает методологическую организацию процесса обучения, которая решает проблему формирования правового мышления у студентов и развивает память, воображение, творческое отношение к изучаемому предмету.

Остановимся подробно на вопросе разработки содержания обучения иностранному языку студентов-юристов на уровне учебного материала, представленного в виде учебников и учебных пособий. Традиционный подход здесь чаще всего ограничивается реализацией информационной функции образования и выражается в том, что авторы учебников и учебных пособий раскрывают теоретические основы конкретного вопроса и формулируют вопросы для самоконтроля и (или) задания для самостоятельной работы. Такое структурирование содержания учебного материала не отвечает современным требованиям к обучению. Содержание современного учебника должно реализовывать информационную функцию и мотивировать студентов изучать различные виды социального опыта для формирования ключевых универсальных компетенций, а также предметных и межпредметных знаний. Структура учебника должна способствовать приобретению знаний студентом, возможности углублённо изучать темы, самостоятельной проверке приобретённых знаний, развитию навыков обобщать и структурировать материал.

Отдельная глава учебника должна представлять собой законченный модуль, который включает в себя восемь единиц: единицу актуализации, историческую, теоретическую, прикладную, обобщающую, углубляющую и расширяющую единицы, единицу самостоятельной работы и литературу. Единица актуализации должна быть ориентирована на накопление знаний и навыков, известных студентам из жизненного опыта, которые важны для усвоения нового материала. Историческая единица должна содержать краткий материал по истории вопроса. Теоретический блок раскрывает современный уровень проработки проблемы в отечественной юридической литературе.

Блок приложения содержит вопросы и задания для студентов, предлагая их активные усилия в понимании знаний: с одной стороны, даются следующие задачи: выделить

основные характеристики, раскрыть соотношение понятий и т. д.; с другой стороны – задания, позволяющие осмыслить свою деятельность и то, как влияет изучаемая тема на развитие собственной мотивации к учебной деятельности и формирование эмоциональной сферы в процессе усвоения материала. Единица углубления и расширения способствует повышению интереса к изучаемому материалу, стремлению понять содержание проблемы. Этот блок, как правило, включает в себя оригинальные статьи на иностранном языке, материалы из монографий, аналитические материалы.

Современные источники, интернет-источники, отражающие различные аспекты тем, должны быть включены в блок рекомендуемой литературы.

Блок самостоятельной работы содержит задания, предполагающие самостоятельную проработку оригинальных источников, анализ практической деятельности, изучение глоссария терминов, реферирование аналитических текстов, выполнение проектов и решение кейс-задач. Студентам предоставляется возможность выбирать задания, которые соответствуют их уровню подготовки, определять условия и сроки презентации материала, предварительно согласовав их с преподавателем [3].

Чтобы учебный материал способствовал реализации творческих способностей студентов, формированию правовой культуры и имел практическую направленность, при обучении иностранному языку студентов правового профиля преподавателям следует использовать образовательные технологии, имеющие прикладной характер по отношению к будущей деятельности студентов-юристов в правовой сфере. Инновационные методы, которые основаны на деятельностном и индивидуализированном подходе к обучению, помогают студентам проводить анализ вербальной информации, руководствоваться теоретическими знаниями, стремиться к профессиональному совершенствованию. Инновационные методы (проектное обучение, кейс методы, методы исследования, тренинги, дискуссии, деловые игры), нацеленные на совершенствование процесса обучения и формирующие у студентов творческие качества и способность к самоконтролю, способствуют подготовке конкурентоспособных специалистов в области юриспруденции в современном обществе [7, с. 102].

Важным аспектом обучения иностранному языку и формирования правовой культуры являются учебные ситуации, когда студенты-юристы самостоятельно принимают решения, исходя из приобретенных базовых знаний по специальным дисциплинам. В процессе изучения «Иностранного языка в сфере юриспруденции» следует обратить внимание на факторы, которые являются необходимыми при проведении занятия:

- формулировку практической, общеобразовательной, воспитательной и развивающей целей занятия;
- готовность студентов к межкультурному взаимодействию и общению при изучении иностранного языка;
- приемы и методы обучения, направленные на познавательную деятельность и формирование правовой культуры;
- активные и интерактивные методы, обеспечивающие активную деятельность студентов;
- эмоционально-положительное взаимоотношение студентов в группе, для того чтобы можно было использовать технологию совместного обучения преподавателя и студентов [5, с. 104].

Практические занятия должны иметь свой сюжет, а вся деятельность на занятиях – свою мотивированность. Средствами, которые обеспечивают высокую активность студентов, являются:

- содержание учебного материала занятия, который обеспечивает мотивацию студентов к деятельности;
- системность в подаче материала;
- применение разных форм наглядности;
- регулярная проверка усвоения материала;
- индивидуализация обучения.

Новые обучающие технологии в процессе изучения иностранного языка способствуют формированию навыков коммуникации и правовой культуры у студентов-юристов и создают методологические условия для раскрытия их творческих возможностей. Для этой цели в учебном процессе применяются такие обучающие технологии, как проекты, ролевые игры и кейс-задачи, классификация которых зависит от условий и целей их проведения. Особый интерес заслуживают кейс-задачи, на которых следует остановиться подробнее [3].

Рассмотрим в качестве примера кейс-задачу «Правовые основы регистрации бизнеса», проводимую на втором курсе юридического факультета. Целью является обсуждение на иностранном языке основных этапов и особенностей процесса регистрации предпринимательской деятельности на законных основаниях, в рамках формирования у студентов элементов общекультурной компетенции ОК-5 и общепрофессиональной компетенции ОПК-7.

Первым этапом рассмотрения кейс-задачи является дискуссия по теме занятия. Исходя из того, что профессионально обученный юрист должен знать действующие в стране законы, связанные с ведением бизнеса, в ходе дискуссии обсуждаются следующие вопросы:

- How must a lawyer act in the situation of a conflict?
- What are the key points for effective legal advice?

Второй этап – разговор юриста с сотрудником консалтингового агентства. Цель визита юриста в консалтинговое агентство – выяснить, какие документы должны быть оформлены для успешной регистрации нового предприятия.

Фразы, используемые студентом, выступающим в роли юриста:

- You are launching a new business. What documents are required?
- Our company will specialize in ...
- What can I do for you?
- How many employees are you going to employ?
- You need the following documents: ...

При подготовке диалога оба участника изучают информацию о правилах регистрации новых предприятий на соответствующих интернет-сайтах.

На третьем этапе юрист, подготовив необходимые к регистрации нового предприятия документы, обсуждает ситуацию с сотрудником регистрационной палаты. Фразы, используемые студентом, выступающим в роли юриста:

- You are launching a new business. I've got all the necessary documents for business registration. I'd like to register my new business.
- I've received a license from the state government.

Фразы, используемые студентом, выступающего в роли сотрудника регистрационной палаты:

- What papers have you got?
- What's the address of your enterprise?
- Show me the list of your bank accounts, please.

На заключительном этапе подводятся итоги занятия и оценивается участие каждого студента в разборе ситуации. В зависимости от активности, степени грамотности оформления языковых высказываний и правильности составления документов, необходимых для проведения анализа данной ситуации, каждый студент может набрать от 0 до 5 баллов по балльной системе оценки успеваемости. Дополнительные 5 баллов могут быть также начислены за компьютерные презентации, подготовленные к занятию [6, с. 24–25].

Инновационные методы могут быть реализованы в традиционной и дистанционной технологиях обучения при соблюдении методологических условий формирования правовой культуры студентов, а применение балльной оценки успеваемости студентов развивает самостоятельность студентов и повышает качество их подготовки.

Методологические условия формирования правовой культуры студентов должны основываться на определённых факторах:

- разработке модели формирования творческих способностей личности студента;
- применении разнообразных форм и методов самостоятельной работы студентов;
- использовании интенсивной методики организации учебного процесса (ролевые игры, дискуссии, модульное обучение).

При этом балльная оценка успеваемости демонстрирует степень усвоения студентами пройденного материала и сформированности у студентов общекультурной компетенции ОК-5 и общепрофессиональной компетенции ОПК-7 по дисциплине «Иностранный язык в сфере юриспруденции».

Отечественная система высшего образования накопила большой опыт в этом направлении. Балльная оценка характеризует развитие творческого мышления студентов и уровень подготовки специалиста юридического профиля. Так как при подготовке современных специалистов юридических специальностей требуется найти пути развития творческой личности студента и формирования правовой культуры, преподаватели осуществляют переход от авторитарного руководства учебным процессом к поддержке и стимулированию познавательной деятельности студентов. Следовательно, процесс обучения можно рассматривать как межличностное взаимодействие в системе «преподаватель-студент» и «студент-студент» [1, с. 164].

Заключение. Таким образом, разработка контентной составляющей педагогической системы для формирования правовой культуры предполагает разработку комплекса правовых образовательных программ с учетом различных факторов, среди которых наиболее важными являются: требования федеральных государственных образовательных стандартов; уровень научных исследований в области содержания учебного процесса; современные технологии для организации обучения иностранному языку студентов юридических специальностей.

Продуктивное и целостное формирование правовой культуры студентов может быть обеспечено при условии, что содержание материала в учебнике основано на принципах модульности, проблемности, историчности. В то же время общая структура учебного модуля должны включать следующие взаимосвязанные единицы: формулировка проблемы, актуализация, обобщение, углубление и расширение, самостоятельная работа, литература.

Данные методологические условия соответствуют модели обучения, предполагающей формирование правовой культуры в процессе изучения иностранного языка и продуктивной познавательной деятельности студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воеводина Е.В. Система контроля и оценки сформированности профессионально значимых компетенций в обучении иностранным языкам / Е.В. Воеводина // Язык и коммуникация в контексте культуры. Сборник статей по материалам 6-ой международной научно-практической конференции 22–24 июня 2011 г. – Рязань, 2011. – С. 163–168.
2. Гуляихин В.Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки / В.Н. Гуляихин // Юридические исследования. – 2013. – № 4. – С. 135–158.
3. Кириллов А.В. Роль правового воспитания в формировании правовой культуры России / А.В. Кириллов // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XXIII междунар. студ. науч.- практ. конф. – № 12(23). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/12\(23\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/12(23).pdf) (дата обращения: 18.08.2019).
4. Муравьева К.А. Формирование правовой культуры будущих юристов средствами иностранного языка: диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / К.А. Муравьева – Астрахань, 2011. – 152 с.: ил. РГБ ОД, 61 11-13/882.
5. Папанова Т.В. Методологические основы формирования правовой культуры как профессионально-личностного качества бакалавров педагогического образования / Т.В. Папанова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – №2 (32). – С. 217–220.
6. Солдатов Б.Г. Правовое пространство: международная коммуникация и унификация терминосистем / Б.Г. Солдатов // Юристъ-Правоведъ. – №1 (62). – Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2014. – С. 23–26.
7. Солдатова Н.В. Современные технологии обучения: проблемный метод / Н.В. Солдатова // Академический Вестник. – №1 (14). – Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2013. – С. 101–107.

Поступила в редакцию 08.11.2019 г.

FOREIGN LANGUAGE IN OPTIMIZATION OF FORMING STUDENTS' LEGAL CULTURE

B.G. Soldatov, N.V. Soldatova

The article deals with optimization of forming students' legal culture in the process of foreign language learning. The authors address the main requirements to the content of the course "Legal foreign language", which can be considered a means of forming students' legal culture. Emphasizing the importance of new teaching technologies in developing the creative potential and forming the legal culture of students, the authors pay a special attention to case-methods.

Key words: legal culture, innovative methods, score assessment of academic performance, educational technologies, case-problems.

Солдатов Борис Георгиевич.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет».
Доцент кафедры «Мировые языки и культуры».
E-mail: bsoldatov@rambler.ru.

Soldatov Boris Georgiyevich.

PhD in Linguistics, Docent.
Don State Technical University.
Associate Professor of the World Languages and
Cultures Department.
E-mail: bsoldatov@rambler.ru.

Солдатова Наталья Викторовна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
Ростовский филиал.
Доцент кафедры иностранных языков.
E-mail: bsoldatov@rambler.ru.

Soldatova Natalia Victorovna.

PhD in Linguistics, Docent.
Russian Customs Academy, Rostov Branch.
Associate Professor of the Foreign Languages
Department.
E-mail: bsoldatov@rambler.ru.

УДК 81'373

**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СЛОЖНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА
КОМПОЗИТНОГО ТИПА В СОСТАВЕ ФИЛЬМОНИМОВ
(на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов)**

© 2019. *Н.А. Ярошенко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов выявляются структурные и ономаσιологические типы сложных номинаций лица в составе фильмонимов. Фильмонимы систематизируются по формальным и содержательным параметрам. Выделяются ономаσιологические базисы, ономаσιологические признаки и ономаσιологические модели рассматриваемых дериватов.

Ключевые слова: номинация лица, сложная номинация лица, оним, идеоним, фильмоним, структура фильмонима, композит, ономаσιологическая модель, ономаσιологический базис, ономаσιологический признак.

Одной из особенностей современной ономастики является активизация исследований периферийных разрядов имён собственных, которые наряду с ядерными классами онимов формируют ономастическое (онимное) пространство того или иного языка.

По определению А.В. Суперанской, ономастическое пространство – это «сумма имён собственных, употребляемых в языке данного народа для именованя реальных, гипотетических и фантастических объектов» [15, с. 9]. Другими словами, ономастическое (онимное) пространство – это комплекс собственных имён всех разрядов и уровней, употребляемых определённым народом в определённый период [15, с. 141, с. 147–148; 12, с. 104].

Стратификация ономастического пространства на ядерные и периферийные разряды проприальной лексики осуществляется, как известно, в рамках полевого подхода, который В.И. Супрун предложил в качестве одного из способов исследования ономастической системы. По мнению В.И. Супруна, «ономастическое пространство представляет собой полевою структуру с ядерными и периферийными конституентами» [16, с. 6].

А.В. Суперанская под ономастическим полем понимает «определённую сферу соотносённости имени. Знание границ и иерархии ономастических полей необходимо для понимания и употребления имени» [15, с. 280]. И.А. Королева ономастическое поле трактует как «определённым образом организованное ономастическое пространство, состоящее из различных разрядов ИС, внутри которого реализуются закономерности их систематизации и функционирования» [6, с. 86].

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской периферийные разряды имён собственных классифицируются по двум основным разновидностям: 1) *идеонимы* как названия объектов умственной деятельности, включающие артионимы, библионимы, геортонимы, гемеронимы, документонимы, поэтонимы и хрононимы; 2) *прагматонимы* как названия объектов прагматической деятельности, охватывающие хремотонимы, порейонимы, ойконимы, ойкодомонимы, урбанонимы, дромонимы, агроонимы и др. [13, с. 16]. В указанном лексикографическом источнике также приводятся эргонимы, политонимы и

фалеронимы, хотя они и не нашли отражения в классификации периферийных разрядов онимов, представленной в предисловии к словарю.

В.И. Супрун называет следующие периферийные разряды имён собственных: гемеронимы, геортонимы, фалеронимы, документонимы, прагмонимы, эргонимы, товаронимы. При этом исследователь отмечает, что периферия включает в свой состав «и другие менее значительные по объёму разряды имён собственных, имеющие структурно-семантическое разнообразие и обладающие чертами апеллятивно-онимического пограничья» [16, с. 12].

Итак, идеонимы как имена собственные объектов, связанных с духовной сферой деятельности человека, являются сектором ономастического пространства языка и относятся к его периферийной области.

Н.В. Подольская, характеризуя термин *идеоним* в «Словаре ономастической терминологии», уточняет, что «под этим термином, пока условно, объединены различные категории имён собственных, имеющие денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [13, с. 61]. А.В. Суперанская в монографии «Общая теория имени собственного» говорит о том, что «названия произведений искусства – картин, скульптур, фильмов, музыкальных и литературных произведений – образуют свои специфические ряды со своими характерными признаками» [15, с. 201]. При этом исследовательница обращает внимание на том факт, что это особая область ономастики, которую «едва ли можно считать предметной» [15, с. 201].

Таким образом, термин *идеоним* является родовым, обобщающим по отношению к ряду видовых разновидностей. Подтипами идеонимов являются *библионимы* (заглавия литературных произведений), *артионимы* (названия произведений живописи), *фильмонимы* (названия фильмов и спектаклей), *мелонимы* (названия музыкальных произведений), *гемеронимы* (названия СМИ, теле- и радиопрограмм), *ойкодонимы* (названия произведений ваяния и зодчества), *документонимы* (названия различных документов) (см. [11, с. 18]).

Как справедливо отмечает К.В. Першина, центр идеонимного поля формируют библионимы [8, с. 264], и именно заглавия литературных произведений лучше всего изучены среди идеонимов. В то время как, например, названия фильмов, или *фильмонимы*, относятся к числу малоизученных классов проприальной лексики. Вместе с тем в настоящее время названия фильмов и телесериалов представляют собой довольно многочисленную и активно пополняющуюся группу идеонимов, являясь актуальным лексическим разрядом для представителей различных возрастных групп и социальных слоёв (см. [9, с. 118]).

Как известно, в отечественной ономастике традиция использования термина *фильмоним* для обозначения названий кинофильмов восходит к работам Е.В. Кныш [5] и Ю.Н. Подымовой [14]. При этом киноназвания, занимая сильную позицию и являясь своего рода квинтэссенцией всего фильма, вполне оправданно рассматриваются как заголовочные комплексы. Название фильма, как и название художественного произведения, в сжатой форме отражает его идею, представляет героя (героев) или же время и/или пространство действия.

Говоря о степени изученности фильмонимов в отечественной ономастике, приходится констатировать тот факт, что киноназвания главным образом изучаются в контексте проблемы перевода (см., например, [1; 2; 3; 4 и др.]). При этом материал русского языка в этом аспекте исследуется практически исключительно как фон при изучении способов перевода на русский язык заголовков иноязычных фильмов. Своего

рода исключением из данного правила можно считать работы К.В. Першиной, посвящённые анализу таких фильмонимов, как «Весна на Заречной улице» [7], «Дело было в Пенькове» [10], рассмотрению на материале русского языка особенностей функционирования антропонимов и топонимов в структуре идеонимов в целом и фильмонимов в частности [8; 9]. Однако разноаспектное комплексное исследование, посвящённое названиям русскоязычных фильмов и сериалов, в русистике до сих пор отсутствует.

Предлагаемая статья продолжает цикл публикаций автора, посвящённых комплексному анализу тех названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов, в состав которых входят номинации лица (см. [20; 21]). Киноназвания указанного типа связаны с такой важной категорией любого художественного произведения, как герой, персонаж. С точки зрения лингвистики речь идёт об онимной или безонимной номинации главного героя фильма, действующего лица фильма (персонажа) или же группы действующих лиц (персонажей).

В нашей предыдущей статье, посвящённой анализу фильмонимов русского языка, в состав которых входят сложные номинации лица, мы проанализировали 109 разноплановых в структурном и семантическом отношении фильмонимов, распределив их по 16 группам на основании способа словообразования [21]. При этом нами было отмечено, что «в состав первых семи из шестнадцати выделенных нами групп входят номинации лица композитного типа при широком понимании термина *композит*, т. е. такой подход предполагает привлечение в качестве материала исследования всех номинаций, в структуре которых выделяется более одного корня (независимо от того, в полном или сокращённом виде этот корень представлен в сложном слове), а также сложных заимствований и сложнопроизводных слов» [21, с. 72–73] (ср. [17, с. 5]).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы осуществить комплексный анализ фильмонимов русского языка, содержащих в своём составе сложные номинации лица композитного типа.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки фильмонимов — номинаций лица с таких популярных русскоязычных кинопорталов, как www.kinopoisk.ru [22] и www.kino-teatr.ru [23]. **Временной диапазон выборки** охватывает названия российских и совместных русскоязычных фильмов и сериалов, которые снимались в период с 1992 по 2019 год включительно.

Таким образом, выборка, результаты анализа которой представлены в настоящей статье, включает 73 фильмонима, которые реализуют в своей структуре номинации лица композитного типа в широком понимании термина *композит*.

Объектом исследования являются современные фильмонимы русского языка обозначенного типа. В то время как **предмет исследования** составляют структурно-семантические и ономаσιологические параметры рассматриваемых фильмонимов.

Осуществляя анализ фильмонимов в семантическом и ономаσιологическом аспектах, мы в первую очередь опираемся на следующую особенность киноназваний как периферийного разряда имён собственных: наличие у них ономастического и доономастического значения. Именно существование доономастического значения предполагает, что фильмонимы сохраняют значение онимов или апеллятивов, от которых они образованы.

В работе используем предложенную В.И. Теркуловым трёхчленную типологию композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса: 1) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса; 2) лексико-семантическая группа

однструктурных единиц (ЛСГОЕ) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой ЛСГ, в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта); 3) ономаσιологическая модель номинатемы, включающая «ономаσιологический базис» и «ономаσιологический признак» наименования» [17, с. 232].

Все анализируемые номинации лица, представленные в структуре рассматриваемых фильмонимов, являются существительными (в том числе субстантивированными), обозначающими биологических субъектов.

В составе 19 из анализируемых фильмонимов реализованы отсубстантивные модификационные производные. В эту группу входят такие структурные разновидности:

1. Сложнопроизводные композиты со значением женскости, т. е. названия лиц женского пола: *домработница* в составе фильмонимов *Домработница* (2011)¹, *Домработница* (2013), *Домработница* (2015), *домохозяйки* в составе фильмонима-предложения *Лекции для домохозяек* (2012), *Лжесвидетельница* (2011), *Одноклассницы* (2013), *Одноклассницы* (2016), *первокурсница* в составе фильмонимов *Первокурсница / Пер-р-р-вокурсница*² (2002), *Пер-р-р-вокурсница / Первокурсница* (2002), *Первокурсница* (2016), *Самозванка* (2012), *Сердцеедки* (2008), *скалолазка* в структуре фильмонимов *Скалолазка* (2013), *Скалолазка и последний из седьмой колыбели* (2007), *Сумасбродка* (2005), *Телохранительница* (2008), *Управдомша* (2019).

2. Суффиксальные названия лиц женского пола, образованные на базе сложносокращённых номинаций мужского пола (сложнопроизводные слова): *бомжиха* в составе фильмонимов *Бомжиха* (2007) и *Бомжиха-2* (2009).

В свою очередь производящие существительные как номинации лиц мужского пола по базовому слову являются отсубстантивными и отглагольными дериватами или же представляют собой результат аббревиации (*без определённого места жительства, управляющий домом*). Вместе с тем попытка проанализировать ономаσιологические базисы и ономаσιологические признаки «исходных» номинаций мужского пола автоматически переводит нас в плоскость анализа искусственно созданных (гипотетически сконструированных) фильмонимов, поскольку для этих случаев в нашем материале в составе фильмонимов зафиксированы именно названия лиц женского пола.

Можно лишь отметить, что, как свидетельствует лексико-семантический анализ номинаций лица со значением женскости, они на основе общности лексических значений композита в целом и его компонентов в частности могут быть распределены по следующим группам:

1. Номинации лица женского пола, указывающие на статус субъекта (при этом для производящих номинаций лиц мужского пола ономаσιологический базис «**статус субъекта**» реализуется в сочетании с ономаσιологическим признаком «**локатив**», понимаемым здесь как «**место деятельности**»): *первокурсница* в составе фильмонимов *Первокурсница / Пер-р-р-вокурсница* (2002), *Пер-р-р-вокурсница / Первокурсница* (2002), *Первокурсница* (2016), *домохозяйки* в составе фильмонима-предложения *Лекции для домохозяек* (2012), *одноклассницы* в составе фильмонимов *Одноклассницы* (2013),

¹ Здесь и далее в круглых скобках указывается год выхода фильма или сериала на основании данных, представленных на сайтах www.kinopoisk.ru и www.kino-teatr.ru.

² Здесь и далее через наклонную черту приводятся варианты названий фильма или сериала, которые зафиксированы на сайтах www.kinopoisk.ru и www.kino-teatr.ru.

Одноклассницы (2016). Через семантику словосочетания *место жительства (без определённого места жительства)* в эту группу семантически относятся и производящая единица *бомж*, и производная номинатема *бомжиха* в составе фильмонимов *Бомжиха* (2007) и *Бомжиха-2* (2009).

2. Номинации лица женского пола, которые образованы на базе отглагольных номинаций лиц мужского пола и через соотнесенность с производящими номинациями характеризуют и лицо женского пола по выполняемому им действию. При этом для производящих номинаций лиц мужского пола, а косвенно и для связанных с ними номинаций лиц женского пола, ономасиологический базис «агент»/«субъект действия», т. е. «производитель действия», конкретизируется с помощью следующих ономасиологических признаков:

1. «**Локатив**» (место деятельности, место реализации действия): *домработница* в составе фильмонимов *Домработница* (2011), *Домработница* (2013), *Домработница* (2015), *скалолазка* в структуре фильмонимов *Скалолазка* (2013), *Скалолазка и последний из седьмой колыбели* (2007), *Управдомша* (2019), где *управдомша* < *управдом* < *управляющий домом*. При этом ономасиологическую модель для *управдом* ‘управляющий учреждения, обеспечивающего эксплуатацию жилых домов’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=управдом&all=x>] и *домработница* < *домашняя работница* ‘женщина, нанятая для ведения хозяйства и выполнения домашней работы’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=домработница&all=x>] можно также опередить и как «должность + зона деятельности» и «статус + место деятельности».

2. «**Аллатив**» (объект действия): *телохранительница* < *телохранитель* в составе фильмонима *Телохранительница* (2008), *сердцеедки* < *сердцеедка* < *сердцеед* в структуре фильмонима *Сердцеедки* (2008).

3. «**Квалитатив**» (качество действия, способ его совершения): *лжесвидетельница* (2011) (*лжесвидетельница* < *лжесвидетель*), *Сумасбродка* (2005) (*сумасбродка* < *сумасброд*), *Самозванка* (2012) (*самозванка* < *самозванец*).

Однако ещё раз подчеркнём, что фильмони́мы двух вышеприведённых подгрупп прежде всего содержат в своём составе модификационные производные — номинации лица со значением женскости. Для них ономасиологические модели могут быть только гипотетически реконструированы через корреляцию с производящими номинациями лица мужского пола.

В составе остальных 54 из рассматриваемых фильмонимов представлены названия лиц мужского пола.

В их числе выделяются отглагольные производные, которые входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц с ономасиологическим базисом «агент»/«субъект действия», т. е. «производитель действия». Названный ономасиологический базис конкретизируется в рамках следующих ономасиологических моделей:

1. «**Агент + аллатив**», где ономасиологический признак определяет объект, на который направлено действие: *зверобой* ‘промысловый охотник на морского зверя (тюленя, моржа и т. п.)’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=зверобой&all=x>] в составе фильмонимов *Зверобой* (2008), *Зверобой-2* (2010), *Зверобой-3* (2011), *следопыт* ‘охотник, выслеживающий зверя по следам; человек, опытный в распознавании следов’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=следопыт&all=x>] в составе фильмони́ма *Следопыт* (2009), *крысолов* ‘тот, кто ловит крыс с целью их истребления’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=крысолов&all=x>] в составе фильмони́ма *Крысолов* (2011), *людоед* ‘о жестоком, кровожадном человеке, убийце многих людей’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=людоед&all=x>] в составе фильмони́ма *Людоед* (1992), *казнокрад* ‘должностное

лицо, обкрадывающее казну, присваивающее государственную собственность' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=казнокрад&all=x>] в составе фильмонима *Казнокрады* (2011), *телохранитель* 'сотрудник личной охраны какого-л. высокопоставленного лица' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=телохранитель&all=x>] в составе фильмонимов *Телохранитель* (2014), *Телохранитель-1* (2006), *Телохранитель-2* (2009), *Телохранитель-3* (2009), *кукловоды* < *кукловод* 'тот, кто руководит чьими-л. действиями' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=кукловод&all=x>] в составе фильмонима *Кукловоды* (2016), *меченосец* 'воин, вооружённый мечом' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=меченосец&all=x>] в составе фильмонима *Меченосец* (2006).

Следует отметить, что композиты типа *зверобой* семантически восходят к глаголу *бить* в соответствующем значении как к своему производящему, но также коррелируют и со значением глаголов *забить*, *забивать* 'убить, убивать' (о целесообразности квалифицировать композиты типа *быкобоек* 2 'участник боя быков', *свинобоек* 'рабочий, занимающийся убоём свиней', *скотобоек* 'рабочий, занимающийся убоём скота' в качестве деривационных, а не универбализационных композитов см. в [18, с. 114]). В дериватах этого семантического типа объект действия обозначает убитое живое существо (ср. также *волкобой*, *китобой* и под.).

2. «Агент + фактитив/финитив», где ономаσιологический признак указывает на результат действия: *чудотворец* 'тот, кто творит, делает что-л. поразительное, удивительное' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=чудотворец&all=x>] в составе фильмонима *Чудотворец* (2014). Подробное обоснование того факта, что «производные типа *языкотворец*, *законотворец*, *чудотворец* и под. логичнее считать деривационными, рассматривая их как сложно-суффиксальные дериваты» [19, с. 345], несмотря на возможность интерпретировать их как универбализационные композиты, опираясь на наличие в речевой практике соответствующих контекстов (словосочетаний) типа *языкотворец* = *творец языка*, *законотворец* = *творец закона* (законов), *чудотворец* = *творец чуда* (чудес), *мифотворец* = *творец мифа* (мифов), *стихотворец* = *творец стихов*, см. в. [19, с. 345–346].

3. «Агент + дистрибутив», где ономаσιологический признак указывает на распределительные отношения: *плотогоны* < *плотогон* 'рабочий, занимающийся сплавом плотов' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=плотогон&all=x>] в составе фильмонима *Плотогоны* (2010), *звездочёт* 'предсказатель, гадающий по звёздам; астролог' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=звездочёт&all=x>] в составе фильмонима *Звездочёт* (2004).

4. «Агент+ квалитатив», где ономаσιологический признак указывает на качество действия, способ его совершения: *дальнобойщики* < *дальнобойщик* 'водитель грузового автомобиля, занимающийся грузоперевозками на большие расстояния' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=дальнобойщик&all=x>] в составе фильмонимов *Дальнобойщики* (2000–2001), *Дальнобойщики-2* (2004), *Дальнобойщики-3*. *Десять лет спустя* (2011), *однолюбы* < *однолюб* 'мужчина, который всю жизнь любит только одну женщину' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=однолюб&all=x>] в составе фильмонима *Однолюбы* (2012), *самозванец* 'тот, кто выдаёт себя за другого человека, присваивает себе его имя, звание' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=самозванец&all=x>] в составе фильмонима *Самозванцы* (1998–2002), *самоубийцы* < *самоубийца* 'человек, покончивший жизнь самоубийством' [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=самоубийца&all=x>] в составе фильмонима *Самоубийцы* (2011).

5. «Агент+ темпоратив», где ономаσιологический признак указывает на временные характеристики: *молодожёны* 'супруги, недавно вступившие в брак'

[<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=самоубийца&all=x>] в составе фильмонимов *Молодожёны* (2011–2012), *Молодожёны* (2012).

6. «Агент+ контрагент», где ономасиологический признак указывает на объект, против которого направлено действие: *огнеборцы* < *огнеборец* = *борец с огнём* в составе фильмонима *Огнеборцы* (2003).

Отсубстантивные производные номинации-композиции (в том числе сложносuffixальные, а также suffixальные типа *ленинградец*, образованные на базе композита) входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц с такими ономасиологическими базами: 1) «статус субъекта», т. е. «положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии» и 2) «профессия», т. е. «род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования».

Указанные ономасиологические базы конкретизируются в рамках следующих ономасиологических моделей:

1. «Статус субъекта + локатив», где ономасиологический признак указывает на местонахождение в пространстве как место деятельности (место реализации статуса субъекта): *одноклассники* < *одноклассник* ‘человек, который учится или учился в одном классе с кем-л.’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=одноклассник&all=x>] в составе фильмонимов *Одноклассники* (2008), *Одноклассники* (2009), *Одноклассники* (2013), *первоклашки* < *первоклашка* ‘школьник (школьница) первого класса’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=первоклашка&all=x>] в составе фильмонима *Первоклашки* (2013), *старшеклассники* < *страшеклассник* ‘ученик старшего, близкого к выпуску класса’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=старшеклассник&all=x>] в составе фильмонима *Старшеклассники* (2006–2010), *красноармеец* ‘боец Красной Армии’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=красноармеец&all=x>] в составе фильмонима *Война и мир красноармейца Ивана Чонкина* (2007), *ленинградец* = *житель Ленинграда* в составе фильмонима *Ленинградец* (2006), *афромосквич* в составе фильмонима *Афромосквич* (2004).

Значение композита *афромосквич*, представленного в составе фильмонима *Афромосквич* (2004), можно определить, как ‘лицо африканского происхождения, которое проживает на территории Москвы’. Это квазикомпозит, образованный по существующей в языке модели по аналогии с такими дериватами, как, например, *афроазиат*, *афроамериканец*, *афроеврей*, *афроевропеец*, *афроканадец*, *афрокитаец*, *афророссиянин*, *афротурок*, *афрукраинец* и др. Следует отметить, что, как свидетельствуют данные поисковых систем, номинация лица *афромосквич* впервые появилась именно в структуре фильмонима – названия сериала «*Афромосквич*» (2004). Ср. эту номинацию уже как сугубо апеллятив в тексте повести В. Н. Запольского «*Пожарная команда номер раз*» (2014 г.): – *Левый угол подними! – командовал мэр-афромосквич; Трудолюбивый афромосквич, по мнению большинства жителей, являлся самым достойным кандидатом на пост градоначальника* (<https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%97/zapoljskih-vyacheslav-nikolaevich/pozharnaya-komanda-nomer-raz>).

2. «Статус субъекта + поссессив», где ономасиологический признак указывает на объект владения: *домохозяин* ‘владелец, хозяин дома’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=домохозяин&all=x>] в составе фильмонима *Домохозяин* (2017) (ср. синоним *домовладелец*).

3. «Статус субъекта + интенсив», где ономасиологический признак указывает на интенсивность проявления признака, качества, присущего лицу: *доброволец* ‘человек, вступающий в армию по собственному желанию, добровольно’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=доброволец&all=x>] в составе фильмонима *Доброволец* (2009).

4. «Профессия + объект деятельности»: *кинооператор* = *оператор кино* ‘специалист, производящий киносъёмку’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=кинооператор&all=x>] в составе фильмонима *Кинооператор* (2009).

Номинации-субстантивы, которые представляют собой результат субстантивации сложных прилагательных и причастий, реализуют следующие ономаσιологические модели:

1. «Агент+ квалитатив», где ономаσιологический признак указывает на качество действия, способ его совершения: *ясновидящая* < *ясновидящий* = *видящий ясно, тот, кто видит ясно* ‘обладающий даром ясновидения; проницательный, прозорливый’ [<https://kartaslov.ru/значение-слова/ясновидящий>] в составе фильмонима *Ясновидящая* (2009).

2. «Статус субъекта + темпоратив», где ономаσιологический признак указывает на временные характеристики: *тридцатилетние* < *тридцатилетний* = *тот, кому тридцать лет* в составе фильмонима *Тридцатилетние* (2007).

3. «Статус субъекта + атрибутив», где ономаσιологический признак указывает на качественную характеристику лица: *разнокожие* < *разнокожий* в составе фильмонима *Вождь разнокожих* (2011). При этом, как понятно подготовленному зрителю, окказионализм *разнокожие* в составе фильмонима *Вождь разнокожих* (2011) был образован в результате переосмысления названия юмористической новеллы О. Генри «*Вождь краснокожих*» и её экранизаций (см. [21, с. 75]).

Помимо ономаσιологических базисов «статус субъекта» и «профессия» (см. выше), рассматриваемые номинации лица также входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц с таким ономаσιологическим базисом, как «должность», т. е. «служебное место в учреждении или предприятии, связанное с выполнением определённых обязанностей».

Сложносокращённые номинации (в том числе и суффиксальные типа *гаишники*, образованные на базе аббревиатуры), представленные в нашем материале, реализуют следующие ономаσιологические модели:

1. «Статус субъекта + локатив», где ономаσιологический признак понимается как место деятельности (место реализации статуса субъекта): *бомж* < *без определённого места жительства* в составе фильмонимов *Б.О.М.Ж* (2009), *Бомж* (2006).

2. «Должность + отрасль», где ономаσιологический признак указывает на отрасль деятельности субъекта: *судмедэксперт* < *судебно-медицинский эксперт* в составе фильмонима *Судмедэксперты* (2010).

3. «Профессия + отрасль»: *стройбата* в составе фильмонима *Стройбата* (2010). Как было отмечено нами ранее, «номинация *стройбата* в составе фильмонима *Стройбата* (2010) представляет собой результат телескопного словообразования с одновременной аппликацией (*стройбата* < *стройбат* + *бата* и *стройбата* < *стройбат* + *бата*)» [21, с. 74]. Эту ономаσιологическую модель также реализует сложносокращённая номинация лица мужского пола *физрук* ‘учитель физкультуры; тот, кто проводит занятия по физкультуре’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=физрук&all=x>] в составе фильмонима *Физрук* (2014–2017).

4. «Профессия + статус»: *спецкор* < *специальный корреспондент* в составе фильмонима-предложения *Спецкор отдела расследований* (2009).

5. «Профессия + место деятельности»: *гаишники* < *государственная автомобильная инспекция* в составе фильмонима *Гаишники* (2007–2010), *морпехи* < *морпех* < *морской пехотинец* < *морская пехота* в составе фильмонима *Морпехи* (2011).

Также среди номинаций лица, реализованных в составе анализируемых фильмонимов, представлены заимствованные номинации лица, которые уже в языке-источнике являются сложными словами, а также номинации лица, восходящие к названиям типа *фотография*, образованным за счёт объединения корней греческого происхождения. На основе компонентного анализа значений таких лексем, а также с помощью анализа по непосредственным составляющим структуры таких номинаций, в том числе и в языке-источнике, можно утверждать, что они реализуют следующие ономаσιологические модели:

1. «Профессия + отрасль»: *географ* ‘специалист по географии’, ‘учитель географии’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=географ&all=x>] в структуре фильмонима-предложения *Географ глобус пропил* (2013), *геолог* ‘специалист по геологии’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=геолог&all=x>] в составе фильмонима *Геолог. Сильнее смерти* (2014), *фотограф* ‘специалист по фотографии; тот, кто занимается фотографией’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=фотограф&all=x>] в структуре фильмонима *Фотограф* (2008).

2. «Профессия + место деятельности»: номинация *бармен* ‘служащий бара’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=бармен&all=x>] в составе фильмонима *Бармен* (2015), *гастарбайтер* в составе фильмонима *Гастарбайтер* (2009), где номинация *гастарбайтер* [нем. *Gastarbeiter* – рабочий-иммигрант от *Gast* – гость и *Arbeiter* – рабочий] имеет значение ‘рабочий-иммигрант, приехавший на заработки в одну из промышленно развитых стран западной Европы’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=гастарбайтер&all=x>].

Окказиональный феминитив-контаминация *Психологини* (2017) представляет собой результат телескопного словообразования на базе лексем *психолог* и *богиня* (= *психологиня/психологини*) (см. [21, с. 75]). При этом названная окказиональная номинация *психологиня* сохраняет семантическую связь с узуальной лексемой *психолог* в значении ‘специалист по психологии’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=психолог&all=x>]. Номинация *психолог* реализует ономаσιологический базис «**профессия**», т. е. «род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования», который конкретизируется в рамках ономаσιологической модели «**профессия + отрасль**».

Таким образом, фильмонимы, содержащие в своей структуре номинации лица композитного типа при широком понимании термина *компози́т*, разнообразны как в структурно-семантическом, так и в ономаσιологическом плане. При этом разноплановость ономаσιологических моделей рассматриваемых дериватов прежде всего достигается за счёт пёстрой палитры ономаσιологических признаков. В целом же номинации лица мужского пола, входящие в состав рассматриваемых фильмонимов, в первую очередь направлены на характеристику лица (субъекта, героя, персонажа) по таким основным параметрам: 1) характерное действие, выполняемое субъектом (героем фильма); 2) статус субъекта (героя фильма); 3) профессия и 3) должность героя фильма. Уточнение этих базовых параметров происходит через добавочные характеристики, т. е. за счёт ономаσιологических признаков, представленных в рамках ономаσιологических моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.И. Оригинальные и переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы / О.И. Александрова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. – 2017. – Vol. 8. – № 4. – С. 1191–1199.
2. Алиева С.А. Семантический анализ особенностей названий фильмов на английском и кыргызском языках / С.А. Алиева // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2016. – № 1. – С. 172–176.

3. Воронцова И.И. Тенденции перевода фильмонимов в контексте современного российского кинематографического рынка / И.И. Воронцова, Н.Л. Ткаченко // Новый филологический вестник. – 2015. – № 3 (34). – С. 139–149.
4. Горшкова В.Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла / В.Е. Горшкова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – № 10. – С. 33–34.
5. Кныш Е.В. Наименование кинофильмов как объект ономастики / Е.В. Кныш // Актуальные вопросы русской ономастики : Сб. науч. тр. – Киев, 1988. – С. 106–111.
6. Королева И.А. Ономастическое пространство и поле в языке / И.А. Королева // Русская речь. – 2003. – № 2. – С. 83–84.
7. Першина К.В. Русская идеонимия: «Весна на Заречной улице» / К.В. Першина // Логос ономастики. – 2008. – № 2. – С. 105–110.
8. Першина К.В. Антропонимы в составе идеонимов (на материале русского языка) / К.В. Першина // Състояние и проблеми на българската ономастика. Т. 11. – Научен сборник. Материали от международна научна конференция «Славянска и балканска ономастика», посветена на 70-годишнината от рождението на проф. ДФН Людвиг Селимски (Велико Търново, 25–26 септември 2009 г.). – Велико Търново : Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2010. – С. 262–269.
9. Першина К.В. Об участии топонимов в организации идеонимного поля русского языка / К.В. Першина // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – 2010/1–2. – С. 117–124.
10. Першина К.В. «Дело было в Пенькове»: возникновение и взаимодействие фильмонима с речевой составляющей фильма / К.В. Першина // In Nominum Spatio: Материали I Международных ономастических чтений имени Е.С. Отина (Донецк, 16–18 октября 2016 г.). – Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2016. – С. 226–234.
11. Першина К.В. Основы ономастики. Часть I : Учебно-методич. пособ. по спецкурсу «Основы ономастики» для студентов направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Русский язык и литература») / К.В. Першина. – Донецк : ДонНУ, 2018. – 68 с.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 198 с.
13. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.
14. Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 26 с.
15. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 366 с.
16. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : Дис. в виде научного доклада д-ра филол. наук / В.И. Супрун. – Волгоград, 2000. – 76 с.
17. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономастическом аспекте : Дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / В.И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
18. Ярошенко Н.А. Структурные и ономастические типы сложных наименований лица в составе деривационного гнезда глагола *бить* / Н.А. Ярошенко // Тезисы III Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 20–21 октября 2017 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2017. – С. 114–115.
19. Ярошенко Н.А. Ономастические типы сложных наименований лица в составе деривационных гнезд глаголов созидательной деятельности (на материале гнезд глаголов *делать*, *производить* и *творить*) / Н.А. Ярошенко // Русский язык в поликультурном мире : Сб. науч. статей II Международ. симпозиума (Ялта, 8–12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : В 2-х т. – Т. 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 341–348.
20. Ярошенко Н.А. Структурно-семантические типы однословных фильмонимов – номинаций лица в современном русском языке / Н.А. Ярошенко, Я.И. Саркисова // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. науч. трудов III Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2018 г.) ; отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2018. – Вып. 4. – С. 186–191.
21. Ярошенко Н.А. Сложные номинации лица в структуре фильмонимов: состав и основные модели (на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов) / Н.А. Ярошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – № 1. – С. 69–79.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

22. <https://www.kinopoisk.ru/>
23. <https://www.kino-teatr.ru/>

Поступила в редакцию 11.11.2019 г.

**ONOMASIOLOGICAL PATTERNS OF FILMONYMS WITH COMPOUND NOMINATIONS
OF PERSON OF COMPOSITE TYPE
(on the material of Russian films and serials' titles of the period of 1992–2019)**

N. A. Yaroshenko

The article deals with structural and onomasiological peculiarities of filmonyms with compound nominations of person. The focus is made on the Russian films and serials' titles of the period of 1992–2019. *The* filmonyms have been classified according to formal and informative parameters. Onomasiological bases, onomasiological attributes as well as onomasiological models of derivative words under *analysis* have been considered.

Key words: nomination of person, compound nomination of person, onym, ideonym, filmonym, structure of filmonym, composite, onomasiological pattern, onomasiological base, onomasiological attribute.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Заведующий кафедрой общего языкознания и
истории языка имени Е.С. Отина.
E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
Head of General Linguistics and History of Language
Department named after E.S. Otin.
E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

УДК 654.197

ПРЯМОЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕПОРТАЖА: ПРОБЛЕМАТИКА КЛАССИФИКАЦИИ

© 2019. С.В. Карпий

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Значительное количество научно-исследовательских работ в сфере тележурналистики наглядно демонстрируют отсутствие в теоретической базе детального рассмотрения такого феномена, как прямое телевизионное включение. Причиной этого пробела является непрерывный процесс трансформации репортажного жанра в условиях глобальных изменений в медиакоммуникационной среде. Изменения привели к тому, что стандартная классификация не отвечает современным требованиям, диктуемым нынешним информационным обществом, из-за чего возникла необходимость в рассмотрении основных причин оказывающих воздействие на популярный жанр журналистики и определения в нём роли прямого включения, а также его видов.

Ключевые слова: трансляция, вещание, репортаж, прямое включение, эфир, телевидение, контент, медиапространство, телеаудитория.

Введение. Теория прямого включения не может не базироваться на основе уже существующих представлений о жанре «репортаж» и его видах, которые из-за инвариантных признаков нуждаются в пересмотре и в упорядочивании. В данном случае стоит отталкиваться от архаичной структурной организации репортажа предложенной ранее различными исследователями, пытавшимися решить проблематику классификации репортажа, опираясь на его различные признаки и руководствуясь различными критериями. Это происходило, потому что по сегодняшний день у теоретиков нет единства мнений по поводу окончательной его трактовки, что оказывает негативное влияние на функционирование всех систем СМИ.

Репортаж не является информационным жанром в чистом виде, ведь, как утверждают Б. Собчак, М. Вуйчак, «с точки зрения генологии репортаж находится на пересечении публицистики и художественной литературы, принадлежит к так называемой литературе факта» [32, с. 42]. Более того, некоторые учёные приписывают ему гипержанровость со свойственной синтетической природой. На это обратила внимание и Н.Н. Борщева. Исследовательница отмечала: «Одни ученые относят репортаж к информации, но написанной в наглядной увлекательной форме, другие – видят в нём признаки аналитических жанров, например, корреспонденции. Именно в этой вариации репортажа и заключается методологическая сложность изучения» [7, с. 203]. Данный конфликт касается и прямого включения.

Целью статьи является исследование трансформации, мутации и диффузии жанра репортажа в контексте возникновения и эволюции новых медиа.

Задачами исследования являются: детальное рассмотрение существующей теоретической базы, исследование эволюции прямого телевизионного включения в контексте всеобщей трансформации жанра, выявление проблематики, изучение классификации и вычленение типов и видов телерепортажа.

Основная часть. Трансформация жанра, как утверждает И.И. Волкова, началась ещё во время советского периода становления тележурналистики под воздействием игровых форм на телевидении: «два магистральных воплощения игры – спорт и лицедейство, – по сути, содержали в себе код будущих телеформатов, востребованных

современной медиапрактикой» [14, с. 42]. Проблематику классификации репортажного жанра описывали Р.А. Сайфутдинов, Р.Р. Сайфутдинова и пришли к выводу о смене информационного приоритета репортажа на аналитический: «он остается на границе аналитического и новостного начала» [30, с. 100]. К вопросу классификации жанра обращались и А.В. Кихтан, В.В. Кихтан. Анализируя его современные виды, они пришли к результату: «Репортаж можно поделить на два вида: тот, в котором присутствует информационное начало, и тот в котором содержится аналитика» [22, с. 174]. Отсутствие систематизации репортажа и его видов – проблема и для публицистики, в которой он занимает доминирующую позицию, например, в части публичных выступлений: «...изучение истории и традиций жанра является актуальным на современном этапе, поскольку делает возможным установление зависимости развития теоретической мысли от политической ситуации в стране» [19, с. 233]. Такая же ситуация возникает в журналистике виртуальной реальности. В ней происходят процессы модификации эффекта присутствия и погружения. Это становится темой для дополнительных рассуждений над тем, какими компетенциями должен обладать журналист-практик для реализации данного вида репортажа с использованием 360-градусного видео, активно развивающегося в американской медиасреде: «Изменяется не только репортаж как жанр, его составляющие элементы и функции, но и функции и значение работы корреспондента» [24, с. 66]. К тому же жанр стал причиной порождения понятия «сторителлинг», суть которого заключается во влиянии на аудиторию посредством последовательного изложения истории с описанием причастных к ней персонажей. Влияние на жанр репортажа оказали и интернет-СМИ несмотря на то, что в них есть свои недостатки, сказывающиеся на качестве контента. Как отмечают А.А. Шестакова, М.А. Деминова: «он становится менее обработанным, но более ярким и субъективным, более развёрнутым за счёт гиперссылок, более зрелищным в связи с возможностью использования подкастов видеоматериалов, более демократичным, так как репортёром может стать любой человек с мобильным телефоном в руках» [41, с. 88]. На еще одну особенность, являющуюся отличительной чертой репортажа, обращает внимания другой учёный, Д.А. Бученко: «общение в нём является: дистантным, опосредованным, монологическим, преимущественно имеет устную форму проявления» [8, с. 86]. Некоторые же его виды при этом становятся «интегральной частью новостного пространства современного общества, обеспечивая первичную (фактологическую) и вторичную (аналитическую) информацию» [28, с. 139], отмечает Е.В. Постевая. При этом, как полагает Д.И.Тупик, выделяется ещё один гибрид репортажа – «блог-репортаж», возникновение которого способствовала: «социокультурная обусловленность восприятия СМИ» [35, с. 209].

Трансформационные процессы, вызванные стилевыми чертами других жанров, не ведут к ликвидации репортажа как такого, утверждают В.П. Антонов, В.С. Кабардина: «...процесс наложения признаков разных типов жанров друг на друга приводит к «мутации» привычных, устоявшихся текстовых форм (жанров), но не к исчезновению их как таковых» [2, с. 3]. Е.Н. Несин для частичного решения проблем в изучении теории репортажа предлагает использовать философскую теорию в качестве методологической базы для исследования природы, первоосновы и видовой трансформации жанра. В качестве причины этого определяется тот факт, что «репортер, показывая динамику развития события, выражает своё отношение к происходящему, формирует психологическую установку реципиента» [26, с. 234]. Чтобы упорядочить существующие знания, М.О. Грачёва предлагает прагматический

взгляд на дискурс в тележурналистике по следующим параметрам: «1) отношение диктора к тексту; 2) интерпретация речи слушателем» [18, с. 107].

Тем не менее, жанр является высоко востребованным, потому что, считает Н.В. Бергер, «секрет тут в особом сочетании объективного и субъективного начал» [4, с. 153]. Е.А. Ушакова уверена: вопреки тому, что репортаж – сложный жанр публицистики, неувыдаемый секрет его притягательности кроется в раскрывающихся возможностях для практиков: «познавательные и выразительные возможности репортажа позволяют современным журналистам наглядно и предметно отображать даже самые сложные явления действительности» [36, с. 67]. Свобода в творческой деятельности журналиста порождает новые процессы: «репортёр часто отклоняется от следования канонам и нормам, принятым для создания репортажных материалов. Сказанное проявляется в том, что журналист привносит в свои репортажи черты других жанров» [2, с. 2]. Эту мысль поддерживают ещё несколько исследователей. Так, Романенко Н.В., Назар Р.Н. доказывают отсутствие универсального определения по причине того, что «каждый репортаж, прежде всего, – это личность репортера, его творческая одаренность» [29, с. 288]. А Н.В. Сергеева отмечает особую роль повествования, реализация которого осуществляется: «через представление автором развития событий, в их последовательности» [31, с. 5]. Из этого следует вывод, что эффективность и вариация репортажа зависят от сложившейся коммуникативной ситуации. Из-за этого другая исследовательница на основе категориально-текстового анализа делит репортаж еще и на субжанры: «оперативно-информационный и оценочно-комментирующий» [21, с. 20]. Но, как показывает практика, он всё равно таким же образом нуждается в выделении в своей структуре нового типа со свойственными ему видами. Такая ситуация актуальна даже несмотря на то, что является, как утверждает Б.Я. Мисожников, жанром минувшего века [25, с. 19].

Основными же признаками, которыми наделён репортаж, Л.А. Вискаря считает «оперативность, динамичность в описании события, информативность, позволяющая аудитории ощутить всю полноту события» [13, с. 521]. Е.В. Постева, рассматривая жанр в контексте специфического дискурса СМИ, выделяет принципы отбора информации, которую можно отнести к категории репортажа: 1) принцип неожиданности (или удивления); 2) принцип конфликта; 3) принцип количества; 4) принцип регионального значения; 5) принцип нарушения нормы; 6) принцип представления суждений; 7) принцип представления сопутствующих обстоятельств; 8) принцип актуальности; 9) принцип выражения мнений [28, с. 3]. Все это доказывает трансформацию жанра в соответствии с современными тенденциями, на что в своё время обратила внимание и Н.Н. Борщева. Она анализировала эти объекты как разрушение традиции или новую жанровую систему, в которой есть жанры-гибриды, жанры-мигранты [7, с. 203]. Все данные процессы в комплексе могут оказывать влияние на развитие нынешних средств массовой коммуникации.

Подобные результаты исследований подтверждают теорию, что в системе репортажа происходят глобальные изменения, в корне меняющие представления о нём. А.Р. Гатауллина же, говоря о репортаже как о жанре, который генерирует новости, а также реализует технологию эмоционально-психологического воздействия, утверждает, что жанр отвечает принципам медиатизации. Это 1) принцип включенности; 2) принцип прямой и обратной связи; 3) принцип исторической соотнесённости [16, с. 201]. Внимание на модификацию жанра телерепортажа в эфире отечественных телеканалов обратила и Т.Ю. Астахова; по мнению исследователя, реальный «репортаж не отвечает тому положению, что он исключительно относится к

информационному жанру, идёт формирование нового типа репортажа, для которого характерно явное выражение авторской позиции, эмоциональное повествование» [3, с. 6]. При этом стоит обратить внимание на основные жанрообразующие факторы репортажа. К ним, по мнению Т.А. Терашвили, относятся: «событийность, эффект присутствия адресата и "Я репортёра"» [37, с. 117].

Иное видение этих элементов - у исследователя тележурналистики Л.П. Шестёркиной: она исходит «из предмета репортажного отображения, авторской задачи, методов отображения» [42, с. 191].

Другие же специалисты в данных составляющих видят категории в аспекте модификации, с соответствующими компонентами, например, в «событийности»: «собственно событие, время и пространство, участники, наблюдатель» [21, с. 23]. Исследованием классификации жанра в различный период его развития занималась еще один теоретик журналистики О. Быкова. Она пришла к выводу о том, что «видение и применения разделения репортажа на жанровые разновидности, характеристики их идентификационных и типологических особенностей являются относительно новыми в теории и практике социально-коммуникационных исследований» [10, с. 36]. Телевизионному репортажу к тому же присущи различные особые выразительные средства, на которых акцентируют внимание Д.М. Чупалова, Н.А. Булейко. В их числе: синхрон, стенд-ап, монтаж. В комплексе они и представляют, по мнению исследователей, сущность тележурналистики: «познавательный и выразительный потенциал репортажа должен давать возможность журналистам наглядно и предметно освещать даже самые заурядные события» [39, с. 16].

Несмотря на многогранность жанра, исследователи регионального телевидения отмечают локальный характер репортажа, который охватывает лишь события местного уровня. Их тематика по-прежнему остаётся разнообразной, но при этом сложно реализуема: «скудность видеоряда, статичность действующих лиц в кадре, официальный язык политиков, широкий терминологический ряд» [38, с. 59]. На еще одну проблемную особенность, которая прослеживается в репортаже, обращает внимание Н.В. Вальтер. Она сказывается на качестве распространяемой информации: «в репортаже на первый план выходит личностное восприятие события, что не противоречит объективности этого информационного жанра» [11, с. 377]. На этом вопросе концентрирует своё внимание В.В. Витвинчук: «демонстрируется нарастание субъективности, иногда перерастающей в личный произвол автора» [12, с. 290]. Именно поэтому в данном контексте особое значение приобретают детали, составляющие сущность репортажа как информационно-аналитического жанра. Эту особенность в своих научных трудах выделяет и Е.А. Шишканова: «деталь позволяет не только передать достоверность описываемых событий или их персонажей, но и косвенно поддерживает главную оценочную характеристику события или персонажа» [43, с. 267]. На отличительной роли телевизионного репортажа настаивает в своих исследованиях Г.М.Соловьев: жанр «неисчерпаем и с течением времени будет развиваться, приобретая – в соответствии с информационными запросами телезрителей – все новые и новые модификации» [33, с. 39].

Одна из них – «любительский репортаж», который стал следствием стремления индивида к запечатлению локальных или масштабных событий с помощью подручных средств. Научный дискурс по этому поводу начала М.А. Бережная: «любительское видео существует на ТВ в соответствии с информационной политикой телеканалов, форматами телепрограмм, используется как дополнительный источник информации» [5, с. 4]. Данный феномен также порождён репортажем и дополняет его жанровый арсенал.

Однако одновременно это заставило исследователей говорить о качестве тележурналистики и размышлять над тем, насколько зафиксированное обывателями событие может конкурировать с профессиональной работой телерепортёров. Проблематику исследовал В. Волхонский. Он отмечал: «...мутные изображения свидетельствуют либо о плохом качестве оборудования, в первую очередь телекамер и объективов, либо о неправильном выборе параметров сжатия» [15, с. 53].

Прецедент объясняется общедоступностью различных видеофиксирующих средств, от чего страдает качество контента. Ведь он так и или иначе попадает в эфир, порождая новые научные споры по поводу расстановки приоритетов на качестве или зрелищности за счёт любых способов. С другой же стороны данные явления свидетельствуют о глобальности и мобильности телевидения, связующим звеном чего является прямое включение. На эту особенность обратил внимание С.В. Ерофеев, рассуждая о будущем отрасли: «Любой репортёр или любитель мог подсоединить свою видеокамеру к уличному телефонному аппарату и передать свой репортаж прямо на телестудию в прямом эфире. Если это случится когда-нибудь, подумал я, то телевидение станет мобильным и глобальным» [20, с. 224]. По-видимому, в этой связи репортаж А.А. Грабельников, Н.С. Гегелова рассматривают не как жанр, а метод сбора информации, который: «делает изображение динамичным, информационно насыщенным и предельно документальным» [17, с. 167].

Временные рамки – еще одна особенность жанра со свойственными ему функциями. На неё указывал В.В. Шабалин: «...телевизионный репортаж завязан на прямой поступательности потока времени, вектор которого всегда направлен вперед» [40, с. 267]. Этот фактор является ключевым и в прямом включении, в рамках которого с развитием медиатехнологий появились новые возможности. Данную черту обобщает профессор Т.В. Лебедева: «...о событии стало возможно рассказывать в эфир с места и во время его свершения» [23, с. 139]. Более того, как отмечает Е.А. Суворова, «в репортаже соединяются три человека: автор (репортер), герой репортажа, аудитория (телезритель)» [34, с. 36].

В комплексе, как полагает А.Б. Бушев, репортажи «демонстрируют значительную внутреннюю вариативность, позволяющую говорить о необходимости внутривидеовой и внутривидеовой дифференциации» [9, с. 120].

Заключение. Такое количество поднятых спорных вопросов вокруг жанра говорит не только о его глобальной трансформации и инновационной модификации под воздействием технического прогресса и возникновения новых медиа. Этот масштаб дискусионности и ее векторы свидетельствуют и о специфической уникальности репортажа, которая свойственна ещё одному его типу – прямое телевизионное включение. Также прослеживается ряд попыток учёных в зависимости от объекта исследования подкорректировать и дополнить представление о данном объекте. Эти установки по-своему свидетельствуют о диффузии жанра в различных его проявлениях (мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность). Поэтому исследователями журналистики предлагаются различные теории для научного обоснования того или иного процесса, чтобы облегчить деятельность практиков в социально-коммуникационной среде.

Теоретический анализ впервые продемонстрировал весь спектр феноменов, порожденных архаичным репортажем, в числе видов которого присутствует прямое включение. Оно же в свою очередь стало следствием возникновения новых форм подачи информации в эфире телеканалов, представляющих не меньшую значимость из-за того, что жанр находится на пересечении публицистики и художественной

литературы и относится к сфере факта. Одни исследователи видят в репортаже признаки информационных жанров, другие же – аналитических.

Постепенная смена приоритетов и привела к трансформации репортажа, начавшейся ещё в советский период с появлением игровых форм на телевидении. Те же, в свою очередь, стали причиной возникновения современных телеформатов. Отсутствие систематизации видов репортажа – проблема и для публицистики в целом, потому что в ней он играет одну из ведущих ролей. Репортаж свойственен и для журналистики виртуальной реальности, создаваемой за счёт съёмки 360-тиградусного видео. Им порождено такое явление как сторителлинг. Кроме того, жанр оказал влияние на интернет-СМИ, где он менее обработан, но ярок и субъективен, из-за чего жанр стал более демократичным. Помимо типа прямого включения он стал причиной возникновения гибридов: «любительский репортаж», веб-репортаж, блог-репортаж. На такую мутацию и диффузию влияет наложение множества признаков. Востребованность же репортажа в СМИ объясняется не только интересом аудитории, но и наличием в нём объективного и субъективного начал. Ему присущи собственные признаки, в том числе принцип отбора информации, жанрообразующие факторы, выразительные средства, временные рамки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграновский В. Вторая Древнейшая. Беседы о журналистике / В. Аграновский. – М.: Изд-во ВАГРИУС, 1999. – 189 с.
2. Антонов В.П. Гипержанровость как отличительный признак репортажных материалов журнала «Русский репортёр» / В.П. Антонов, В.С. Кабардина // Материалы X Международной научно-практической конференции. науч. ред. И. В. Пекарская; отв. ред. В. П. Антонов, 2015. – С. 119–122.
3. Астахова Т.Ю. Композиционные модификации репортажа на российском ТВ / Т.Ю. Астахова // Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – С. 126–133.
4. Бергер Н.В. Оперативная подача материалов журналистского расследования в информационных жанрах. Репортаж / Н.В. Бергер // Вестник Волгоградского государственного университета, 2008. – №7. – Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – С. 152–160.
5. Бережная М.А. Любительское видео на эфирном телеканале / М.А. Бережная // Медиаскоп, 2014. – № 1. – С. 4.
6. Борщева Н.Н. Трансформация жанров: разрушение или новая жанровая система, жанры-гибриды, жанры-мигранты / Н.Н. Борщева // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. – № 5 (360) Филология. Искусствоведение. – Вып. 94. – С. 202–207.
7. Борщева Н.Н. Трансформация жанра «Специальный репортаж» в современной прессе / Н.Н. Борщева // Вестник Челябинского государственного университета, 2015 – № 5 (360) Филология. Искусствоведение. – Вып. № 94. – С. 202–207.
8. Бученко Д.А. Строительная лексика в репортаже / Д.А. Бученко // В сборнике: Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Под общей редакцией С.В. Беспаловой, 2017. – С. 85–87.
9. Бушев А.Б. Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 17–18 ноября 2016 г. / редколл. О.И. Уланович [отв. ред.] и др. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – 317 с.
10. Быкова О. Проблемы изучения теории жанра репортажа в печатных СМИ / О. Быкова // В сборнике: Международная журналистика-2017: идея интеграции интеграций и медиа материалы VI Международной научно-практической конференции. Составитель Б.Л. Залесский, под общей редакцией Т.Н. Дасаевой, 2017. – С. 34–45.
11. Вальтер Н.В. Текстовая категория информативность в событийном репортаже / Н.В. Вальтер // Социальные и гуманитарные знания, 2017. – Т. 3. – № 4 (12). – С. 377–379.
12. Витвинчук В.В. Хронотоп в конструировании медиасобытия в современном газетном репортаже / В.В. Витвинчук // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета, 2012. – № 9. – С. 290–291.

13. Винская Л.А. Репортаж / Л.А. Винская // В книге: Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет ; Под редакцией А.П. Сквородникова. – Красноярск, 2014. – С. 521–522.
14. Волкова И.И. Трансляция игровых событий как предтеча телевизионного репортажа / И.И. Волкова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2015. – № 6-1 (56). – С. 40–43.
15. Волхонский В. Некоторые особенности выбора положения и ориентации телевизионных камер / В. Волхонский // Алгоритм безопасности, 2011. – № 3. – С. 52–58.
16. Гатауллина А.Р. Репортаж в дискурсе современного вооруженного конфликта / А.Р. Гатауллина // Современная наука: проблемы и перспективы развития. Материалы международной (заочной) научно-практической конференции. – Научно-издательский центр «Мир науки», 2016. – С. 200–201.
17. Грабельников А.А. Экранная коммуникация и визуализация журналистики: монография / А.А. Грабельников, Н.С. Гегелова. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2019. – 333 с.
18. Грачёва М.О. Прагматический аспект телевизионного репортажа как жанра журналистского дискурса / М.О. Грачёва // Наука и школа, 2013. – № 4. – С. 106–109.
19. Дзюба В.В. Языковые особенности репортажа / В.В. Дзюба, В.С. Юрова, Р.Н. Назар // В сборнике: Язык и культура Сборник научных трудов III Республиканской очно-заочной научной конференции. Под редакцией Е.В. Горохова, Н.М. Зайченко, 2017. – С. 232–236.
20. Ерофеев С.В. Телевидение и медиасреда / С.В. Ерофеев // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение, 2010. – № 8 (51). – С. 223–232.
21. Исакова Е.А. Оценочно-комментирующий репортаж в современных СМИ / Автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016. – 24 с.
22. Кихтан А.В. Классификация жанра репортажа / А.В. Кихтан, В.В. Кихтан // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, 2018. – С. 173–175.
23. Лебедева Т.В. Эволюция жанров аудиовизуальных СМИ в связи с развитием медиатехнологий / Т.В. Лебедева // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина департамент "Факультет журналистики"; Составитель О.Ф. Автохутдинова, 2017. – С. 138–140.
24. Макарова Н.Я. Журналистика виртуальной реальности: изменение телевизионного репортажа и профессиональных компетенций журналиста / Н.Я. Макарова, Д.О. Махнева // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение, 2018. – № 1 (34). – С. 65–74.
25. Мисонжников Б.Я. Репортаж как жанр минувшего века: надежда на будущее (на материале журналистики Германии) / Б.Я. Мисонжников // Век информации, 2015. – № 3. – Санкт-Петербург. – С. 18–21.
26. Несын Е.Н. Проблемы изучения истории и теории жанра репортажа / Е.Н. Несын // Вестник Ставропольского государственного университета, 2010. – № 1. – С. 233 – 240.
27. Постева Е.В. Интродуктивные предикаты сообщения как средство выражения оценки в социальном репортаже / Е.В. Постева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ: СОГУ, 2018. – № 3 (31). – С. 138–148.
28. Постева Е.В. Репортаж как специфический тип дискурса СМИ: экстралингвистические особенности / Е.В. Постева // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: Материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 154–159.
29. Романенко Н.В. Репортаж как жанр СМИ / Н.В. Романенко, Р.Н. Назар // Язык и культура Сборник научных трудов III Республиканской очно-заочной научной конференции. Под редакцией Е.В. Горохова, Н.М. Зайченко. 2017. – С. 287–289.
30. Сайфутдинов Р.А. Репортаж как жанр: к проблеме классификации / Р.А. Сайфутдинов, Р.Р. Сайфутдинова // Поволжский педагогический поиск (Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова), 2016. – № 2 (16). – С. 99–101.
31. Сергеева Н.В. Журналистский репортаж как текстотип (на материале английского языка) / Н.В. Сергеева // Наука через призму времени, 2017. – № 4. – С. 8.
32. Собчак Б. Образы России: стратегии представления России в современном польском репортаже / Б. Собчак, М. Вуйчак // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2019. – № 3. – С. 41–54.

33. Соловьёв Г.М. Специфика современного телерепортажа: приёмы и методы создания корреляционной модели «адресант - адресат» / Г.М. Соловьёв // Научный вестник Кубанского государственного университета. Медиакоммуникация, 2016. – № 2 (3). – С. 38–40.
34. Суворова Е.А. Социальная тематика в телевизионной журналистике / Е.А. Суворова // В сборнике: Материалы конференций ГНИИ «Нацразвитие». Апрель 2018. Сборник избранных статей Международных научных конференций, 2018. – С. 35–38.
35. Тупик Д.И. Социокультурные и композиционные характеристики жанра блог-репортаж (на материале французской онлайн прессы) / Д.И. Тупик // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. – Т. 26. – С. 208–212.
36. Ушкова Е.А. Репортаж на страницах региональной прессы / Е.А. Ушкова // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход, 2013. – Т. 4. – С. 220.
37. Терашвили Т.А. Функциональные особенности жанра репортажа в интернет-изданиях (на основе материалов о кинофестивале «Кинотавр») / Т.А. Терашвили // Фундаментальные и прикладные разработки естественных и гуманитарных наук: современные концепции, последние тенденции развития Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции: в 4-х частях, 2018. – С. 115–123.
38. Хрусталькова Ю.В. Особенности репортажа в новостных программах регионального телевидения / Ю.В. Хрусталькова, В.В. Шалай // В сборнике: Медиапространство региона: история и перспективы развития. Сборник научных трудов. Ответственный редактор Н.А. Катайцева. – Курган, 2012. – С. 58–61.
39. Чупалова Д.М. Средства выразительности телевизионного репортажа / Д.М. Чупалова, Н.А. Булейко // Международный научно-исследовательский журнал, 2017. – № 3-2 (57). – С. 52–54.
40. Шабалин В.В. Художественное время в телерепортаже / В.В. Шабалин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. – № 3. – С. 15–17.
41. Шестакова А.А. Специфика репортажа в сетевых СМИ / А.А. Шестакова, М.А. Деминова // Медиаисследования, 2014. – № 1. – С. 236–242.
42. Шестёркина Л.П. Методика подготовки телевизионного репортажа на базе университетской телерадиокомпании «Юургу-ТВ» / Л.П. Шестёркина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология, 2009. – № 1. – С. 189–194.
43. Шишканова Е.А. Приём детализации в репортаже / Е.А. Шишканова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания, 2010. – № 1. – С. 266–269.

Поступила в редакцию 06.10.2019 г.

LIVE BROADCAST IN THE CONTEXT OF REPORTING TRANSFORMATION: CLASSIFICATION PROBLEMS

S.V. Karpiy

A significant number of research projects in the field of television journalism clearly demonstrates lack of a special investigation of a live broadcast. The reason for the gap is the continuous process of transformation of the reporting genre in the context of global changes in the media and communication environment. The changes led to the fact that the standard classification does not meet modern requirements in accordance with the current information society, which made it necessary to consider the main reasons that influence a popular genre of journalism and determine the role of a live broadcast and its types in it.

Key words: broadcast, broadcasting, reporting, live broadcast, television, content, media, television audience.

Карпий Сергей Викторович.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Старший преподаватель кафедры журналистики.
E-mail: eskalive25@gmail.com

Karpy Sergey Viktorovich.
Donetsk National University.
Senior Lecturer at the Department of Journalism.
Email: eskalive25@gmail.com

УДК 82:11.852:821.161.1

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

© 2019. *К.В. Першина*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена исследованию эстетических закономерностей в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. Рассматриваются особенности авторской позиции по отношению к сложному публицистическому и художественному его единству, рассматриваются особенности субъектной организации «Дневника».

Ключевые слова: субъектная организация повествования, авторская вменяемость, художественно-публицистическое единство.

Публицистическое наследие Достоевского обширно и разнообразно. В начале своего творческого пути он пишет и издает фельетоны в разнообразных периодических изданиях, в период с 1861 по 1865 г. становится редактором журналов «Время» и «Эпоха» совместно с братом М.М. Достоевским, с 1872 по 1874 г. занимается редакцией еженедельника «Гражданин», и, наконец, обращается к особому художественно-публицистическому жанру, нашедшему воплощение в «Дневнике Писателя», издаваемом в 1876–1877, 1880 и 1881 годах. Ранняя публицистика не переиздавалась Достоевским, не включалась в собрание сочинений. Исключение составляет публицистический очерк «Зимние заметки о летних впечатлениях», опубликованный в 1863 году, посвященный заграничному путешествию автора, отражающий впечатления от не чуждой и одновременно далекой автору Европы и аргументацию почвеннической идеи. Публицистические тексты, входящие в текстовое единство «Дневника писателя», воспринимались автором, однозначно, не как временное газетное наполнение, но как самоценное текстовое единство. К последнему относятся 16 выпусков «Дневника писателя» за 1873 год, вышедших отдельной рубрикой журнала «Гражданин», 10 и 11 выпусков «Дневника писателя» за 1876 и 1877 год соответственно, издававшихся отдельной книгой, 1 номер за 1880 и один за 1881, вышедший в печать посмертно.

Один из первых и впоследствии неоднозначных биографов Достоевского Н.Н. Страхов считал, что значение «Дневника писателя» не менее значения романов Достоевского, отмечал ответственное и тщательное отношение Достоевского к своей журналистской деятельности в 70-х годах, отмечал масштабность фигуры Достоевского для журналистики конца XIX века, для историко-социальной полемики [14]. Однако при таком изначальном понимании культурного и литературного веса «Дневника писателя», его текст долгое время оставался вне филологического комментария. Первый фундаментальный исследователь «Дневника» Д.В. Гришин объясняет это трудностью определения жанровой формы произведения, равно как и сложностью идейной сферы и поэтики романов Достоевского, ангажировавших все внимание критиков и литературоведов [6, с. 168]. Только во второй половине XX века литературоведческая проблематика «Дневника писателя» начинает широко и разносторонне исследоваться. «Дневник писателя» как факт творческой биографии Достоевского и его идейно-тематический спектр рассматривается в трудах

Г.М. Фридлендера, В.А. Туниманова, Т.П. Гроссмана, К.В. Мочульского, Ю.И. Селезнева, Ю.Ф. Карякина. Проблемы жанрового генезиса «Дневника», жанровой и повествовательной структуры его освещаются в работах В.Н. Захарова, Т.Н. Захаровой, Л.С. Дмитриевой, Е.А. Акелькиной, Н.А. Тарасовой; отдельной темой стало соотношение художественного и публицистического дискурса в «Дневнике» в работах Г.Д. Гачева, П.Е. Фокина, проблемами рецепции «Дневника», соотношения текста и контекста весьма плодотворно занимается В.И. Волгин, новейшие исследования Г.С. Прохорова, В.В. Щуровой и т.д. посвящены обобщению и конкретизации характерных текстуальных и контекстуальных черт «Дневника». Однако при таком тематическом разнообразии исследовательского поля «Дневника писателя» остается недостаточно освещенным вопрос субъектной организации текста, эстетических характеристик авторской деятельности, результатом которой стало такое сложное художественно-публицистическое единство. Целью данной статьи, таким образом, является прояснение особенностей эстетической субъектной организации этого сложного синтетического текста.

Тематическое, стилистическое единство текстов, входящих в «Дневник писателя» сегодня уже не требует специальных доказательств, учитывая то, что сам автор неоднократно подчеркивал эстетическую цельность этой публицистики: «Это будет не газета, из всех двенадцати выпусков составитя целое, книга, написанная одним пером» [8, с. 5]. Следует сказать, что единство эстетических принципов и журналистских устремлений характерно для поэтики позднего Достоевского, что выразилось в усилении веса факта и актуального газетного тематизма в последних его романах, (вспомним, например, газетные факты, которые собирает в романе «Братья Карамазовы» Иван Карамазов и роль их в смысловом построении произведения). С другой стороны, соотношение журналистского и художественного контекстов является некоторой константой творчества Достоевского, начиная с его литературного дебюта, когда войдя в круг Белинского, редакции «Отечественных записок», Достоевский оказывается включенным сразу в актуальный полемический контекст толстых литературных журналов. В целом, Достоевский не был склонен к эстетическому солипсизму и всегда ощущал себя не только в личном творческом пространстве, не только в пространстве общечеловеческого бытия, но в пространстве литературного и социального поля, с их обновлениями, переменчивыми запросами реципиента, с их сущностной и поверхностной полемичностью, страстью к сенсации. Исследователь Т.В. Захарова отмечает, что синтез публицистического и художественного в творчестве Достоевского диктуется и общими тенденциями литературы 70–80 годов XIX века, а именно взаимной интеграцией текста и контекста, стремлением к обогащению литературы не-литературой очерка и фельетона [12, с. 252].

Однако сущностное и глубокое объединение поэтики Достоевского со стихией журнализма, нефикционального текста объясняется не только влияниями актуального писателю контекста. Художественное высказывание, всерьез учитывающее реципиента, многоголосие своего окружения, вмещающее в себя пересечения многих смысловых интенций – все это характеризует поэтику художественных произведений Достоевского как диалогическую, и все это в равной степени характеризует публицистическое высказывание как таковое. Разумеется, в случае последнего не следует говорить о глубинной диалогичности, полемичность журнала, как правило, формально-диалогическая. Тем не менее, в случае с публицистикой «Дневника писателя» закономерности диалогической поэтики Достоевского могут быть спроецированы на публицистический текст, возводя его к эстетическому статусу.

Исследователь С.С. Шаулов пишет об этом так: «В итоге формируется полноценный герой-идеолог (пусть обобщенный, коллективный), и нам нужно констатировать присутствие диалогического начала в «Дневнике писателя» (в самой, казалось бы, монологической форме творческого высказывания у Достоевского). Причем в данном случае изначальная, бахтинская трактовка диалогизма оказывается, на наш взгляд, более уместной, чем при анализе многих сугубо художественных текстов писателя» [15, с. 174].

Действительно, авторская установка в текстовой структуре «Дневника» далека от публицистического стандарта с его риторикой, прагматикой и аналитикой. Автор избегает прямого высказывания, опосредует его в абсолютно эстетическом ключе «непрямого говорения», о чем М.М. Бахтин замечает так: «Мысль Достоевского пробирается через лабиринт голосов, полуголосов, чужих слов, чужих жестов» [2, с. 67]. Это позволяет прочесть «Дневник писателя» как текст не вполне публицистический, не только благодаря образной, композиционной, стилистической и жанровой многослойности текста, но и в связи с неудовлетворительностью текста по отношению к публицистическим требованиям авторской прямоты и отчетливости мировоззренческого, социального, политического и т. д. посылов. Кроме того, соприродность публицистики «Дневника писателя» архитектонике мира Достоевского основана на присутствии сверхзадачи, объединяющей текст Дневника в смысловое целое. Один из ведущих исследователей «Дневника писателя» И.Л. Волгин отмечает: «Знаменательно (этот момент важен, но до сих пор не отмечен), что на обложке отдельных выпусков моножурнала Достоевского значилось: «Дневник писателя. Ежемесячное издание», а имя автора стояло только в конце – как подпись под текстом. То есть это читалось не как «Дневник писателя Достоевского», а как «Дневник писателя» (указание не лица, а профессии), *издаваемый* Достоевским, – иначе, как некий обращенный вовне литературный текст» [3, с. 28].

Появление такого текста наряду с собственно литературными в итоге творческого пути имеет в истории литературы немало аналогов: классической в этом смысле уже стала параллель с «Выбранными местами из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, а также с обширной публицистикой Л.Н. Толстого, имеющей ключевое значение в позднем его творчестве. Историко-сопоставительный анализ этих текстов с «Дневником писателя» можно найти в работах Г.Д. Гачева, И.Л. Волгина, Р.Н. Поддубной. Обобщающим тезисом этих исследований становится то утверждение, что для Достоевского, в отличие от упомянутых авторов, переход к нехудожественным формам высказывания не выражал кризиса художественных форм. «Дневник писателя» отличается от публицистики Гоголя и Толстого, прежде всего, то, что он лишен обличительного пафоса по отношению к этическому несовершенству художественной деятельности и не демонстрирует собой отказа от нее. Патетика позднего Гоголя, бегущего от своего гения, все, по выражению Розанова, «отрицающие, нерождающие» движения позднего Толстого-моралиста ориентируют их нефикциональные тексты как манифестацию категорического антиэстетизма. У Достоевского переход к особому роду публицистики не связан с отказом от авторства художественного потому, что и в том и в другом видах творчества реализуется один и тот же архитектонический принцип: *принцип жертвы авторской субъектностью в пользу звучащих в повествовании голосов*, трактуемый нами как *этический поступок*.

Сравнение в аспекте рассматриваемого вопроса трех упомянутых классиков русской литературы имеет глубокую смысловую основу. И.Л. Волгин так формулирует смысловое основание этого сравнения: «Им троим *мало* одной литературы; они

пытаются установить новое соотношение между искусством и действительностью. Они хотят воссоединить течение обыденной жизни с ее идеальным смыслом, сделать этот смысл мировой поведенческой нормой. Это попытка прорваться к читателю *сквозь* литературу. Для Гоголя, а затем для Толстого и Достоевского главным становится то, что, как они полагают, больше литературы: новое жизнеустройство. Их высшей целью делается изменение самого состава жизни. Но авторские стратегии при этом совершенно различны» [3, с. 31–32].

Различие авторских стратегий в создании более чем литературы состоит в следующем. Гоголь в итоге своего творческого пути обращается к *проповеди*, призванной утвердить положительную истину и уравновесить чашу весов в отношении «отрицательной поэтики» обличительного критического реализма. Существенно при этом, что Достоевский (как и большинство его современников) крайне негативно относился к этому опыту Гоголя, не принимая не содержания проповедуемых истин, но тона, позиции высказывающегося, точки зрения и ракурса: «Это бахвальство Гоголя и выделанное смирение *шута*. Аристократа поляка, разделившего на песью кровь и барскую. (Мои догадки, что польский характер воздействовал на малоросса (опять отчасти), и малороссу эта спесь, этот задор спесивый показался а la longue прекрасным <...> рядом с гениальным ореолом выставилась чрезвычайно противная фигурка» [10, с. 305–306]. С точки зрения содержания, оба автора исповедуют христианское мироощущение во всей его практической ответственности. Поэтому такое интуитивное неприятие Достоевским тона гоголевской публицистики заключается, вероятно, в том, что истина, по его мнению, требует форм иносказания, а вне этих форм неминуемо искажает самого субъекта высказывания. Прямая риторика христианской проповеди ассоциируется в мировоззрении Достоевского с католической схоластикой, рациональной манипуляцией, потому, вероятно, и упоминает он о польской крови, определившей сознание Гоголя. На это можно возразить хрестоматийным утверждением Достоевского, что художественное должно нести в себе «перст указующий», но в том и дело, что этот «перст» – это некий жест, стоящий за высказыванием, фактом, образом, не оформленный в положительную доктрину, целевую риторику.

Литературовед Г.Д. Гачев трактует отсутствие дневниковой рефлексии в тексте Достоевского как жанровый маркер «не-дневника», отсутствие биографизма и исповедальности как выраженную газетную стилистику, проповедническую экстериторность [5]. Однако следует заметить, что в «Дневнике писателя» Достоевский последовательно дистанцируется от всякого явного миссионерства в форме вербального внушения. Его текст не риторичен, но он подчеркнуто перформативен: он не побуждает, а «показывает», что собственно отличает эстетическое высказывание от любого другого. Такая эстетическая форма определяет характер христианства Достоевского *не как гомилетический, но как практический, и осуществляется этот праксис именно внутри субъект-субъектной сферы повествования, внутри эстетической архитектоники*. Эта архитектоника выражает принципиальную внеположенность автора своему тексту, не смотря на его публицистические установки. Эта внеположенность позволяет событиям в «Дневнике» совершаться не только в качестве иллюстрации содержательного тезиса, но как неотъемлемой части бытия, социума, частной жизни; позволяет звучать голосам разных, противоречивых, перебивающих друг друга и пересекающихся друг с другом «носителей речи», что создает некий смысловой гул, часто воспринимающийся как неуместный для публицистики и потому раздражающий, но совершенно повторяющий «акустику» романов Достоевского.

Другая возможная форма создания «более чем литературы» – это *исповедь* Л.Н. Толстого. М.М. Бахтин, объясняя особенности построения субъектной сферы в исповеди как жанре, говорит о присутствии в ней единственного субъекта – Бога, и невозможности в ней рефлексии, невозможности обратиться к себе, себя самому оправдать или завершить. Литературная исповедальность Толстого предполагает и саморефлексию в какой-то мере и, так сказать, расширение аудитории, от одного, единственного Другого до всех других, кому нужно донести истину – так исповедь теряет чистоту своего богословского жанра и видоизменяется в форму проповеди.

Жанровое определение «дневника» внутренне коррелируется с установками исповеди на интимное высказывание. Эти установки актуальны для «Дневника писателя», прежде всего, в самоопределении автора: «Я не летописец; это, напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, то есть отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично, – тут даже каприз» [11, с. 73]. Историко-литературные исследования говорят о том, что непосредственными читателями «Дневник» воспринимался как открытый разговор, о чем косвенно свидетельствует обилие читательских откликов, объем переписки с близкими и дальними корреспондентами, сопутствующий «Дневнику (глобальную текстологическую работу в этой сфере провел уже упомянутый И.Л. Волгин [4]). Вспоминается и интуитивное ощущение одного из самых известных и страстных читателей Достоевского В.В. Розанова литературного творчества писателя как личного разговора, страницы художественного произведения или «Дневника» как голоса, звучащего где-то рядом, интимно [13].

На первый взгляд, такая личная доверительность высказывания противоречит предположению о схожей внеположенности автора в архитектонике художественного целого и нехудожественном тексте у Достоевского. Однако если следовать классической бахтинской логике в этом вопросе, выйти на границу вневходимости созданному миру (в случае художественного вымысла) и бытию как таковому (в случае документального нарратива) можно только оттолкнувшись от своего личного, ответственного присутствия в бытии. Таким образом, интимно звучащий голос Достоевского отнюдь не противоречит отсутствию его голоса в его мире. Итак, в контексте описанных опытов проповеди и исповеди как выражения кризиса эстетики и приоритета этики, создание Достоевским особого вида высказывания «Дневника писателя», включающего неформальный спектр диалогических интенций, выглядит как плодотворный этический и одновременно эстетический опыт

Эстетические характеристики автора такого сложного по своей эстетической природе целого также чрезвычайно сложны и нетривиальны. Неоднократно отмечая в своих фундаментальных трудах о Достоевском формальную диалогичность его публицистики и приоритет монологизма в этом корпусе текстов, М.М. Бахтин в лекциях по русской литературе в записи Р.М. Миркиной произносит такую, не лишённую некоторого раздражения, ремарку: «Даже как журналист Достоевский не имел своего языка: он выработал определенный журнальный неприятно-задиристый тон» [1, с. 266]. Это недоумение естественно, потому что журналистика предполагает всегда позицию, которая излагается, как правило, монологичным способом. Особенность публицистики «Дневника писателя» в том, что в ней возникает этот парадокс отсутствия авторской интенции, прагматики общественного высказывания, который для представленного жанра кажется с какой-то стороны даже абсурдным. Эта абсурдность отсутствия оформленной позиции в публицистическом тексте отразилась, например, в известной эпиграмме Д.Д. Минаева на «Дневник писателя», которую приводит И.Л. Волгин в своем исследовании:

Вот ваш «Дневник»... Чего в нем нет?
 И гениальность, и юродство,
 И старческий недужный бред,
 И чуткий ум, и сумасбродство,
 И день, и ночь, и мрак, и свет.
 О, Достоевский плодовитый!
 Читатель, вами с толку сбитый,
 По «Дневнику» решит, что вы
 Не то художник даровитый,
 Не то блаженный из Москвы [3, с. 28]

Последние две строки при всей их ироничности парадоксально отражают две стороны художественного таланта Достоевского, точнее его внутреннюю форму: художник Достоевский даровит именно потому, что настолько же внутри своего творчества субъектно жертвенен, как и юродивый, отказывающийся ради истины от любых форм своей субъектности.

Подобное восприятие «Дневника писателя» не исключительно. Первый исследователь «Дневника» Д.В. Гришин приводит в пример комментарий одного из журналистов 1880-х годов А. Горшкова: «А. Горшков, рассматривая единственный выпуск «Дневника» за 1880 год, ставит в вину Достоевскому то, что он хочет вести за собой общество, не имея новых идей и поэтому похож на человека, который «в горах мусора откопал какую-то вещичку, – по его убеждению драгоценный талисман, – и в сильных выражениях призывает людей разделить с ним его блаженную веру». Легко заподозрить в этом проповеднике юродивого, положим довольно необыкновенного и блестящего, но которому, в сущности, только шаг до выкрикиваний по-петушиному» [6, с. 34]. У него же находим рецензию анонимного автора, опубликованную в журнале «Дело» за 1880 год (№ 9): «Особенной славы г. Достоевский, конечно, не стяжал, да и не мог стяжать, потому что для роли публициста у него не достаёт ни знаний, ни развития, ни политического образования, ни даже простого общественного такта. Свою бестактность Достоевский обнаруживал уже не раз утробными восклицаниями, предсказаниями будущего и заклинаниями... В этом непроглядном, полумистическом, полупророческом и чревоушательском тумане ничего не разберешь; никакая логика и никакой здравый смысл неприменимы к этой литературной кабалистике» [6, с. 38].

Все эти критические рецензии продиктованы, как нам кажется, фактом идеологической «невнятности» Достоевского, стремлением не сказать прямо свою мысль, но очертить границы, дать ей форму – то есть сделать именно то, что подразумевает эстетическая деятельность. Так же можно трактовать и все повторяющиеся обвинения в нерациональности, неотчетливости формулировок, мистицизме, юродстве – как выражение классической авторской «схимы», невозможности выразить себя в тексте прямо.

Выбор факта в этом смысле осуществляет акт создания художественной формы, в ее первостепенной и в каком-то смысле единственной изоляторной функции: к факту не всегда прибавляется риторический комментарий или он часто не совсем ясен. Так факт становится образом: «Чтобы только приметить факт нужно тоже в своем роде художника» [9, с. 144] – говорит Достоевский. Эта функция отбора действительно решает у Достоевского, во всяком случае, часто решает, подлинно эстетические задачи: даже в тех фрагментах дневника, которые кажутся наиболее этически заостренными, Достоевский выбирает такой образ, который превышает свою прагматичную

иллюстративность, к нему сложно привязать этический или рационалистический комментарий.

Например, в главе «Влас» «Дневника писателя 1873 года дан сюжет, в котором деревенские парни спорят о том, «кто кого дерзостнее сделает», и один из них решается на кощунство по отношению к Причастию. В мировоззрении Достоевского такой поступок против Христа выходит за грань этических оценок. Поэтому обличающий или осуждающий пафос публицистики здесь не может выполнить своей задачи, этический смысл этой истории превышает образным ее смыслом [7].

Некоторые из подобных образов в большей мере «изолированы» из публицистического контекста и являются формально чем-то средним между иллюстрирующим примером и художественными произведениями, входящими в дневник («Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей» – воспоминание, в котором впервые появляется образ крестьянина, «державшего землю», утешающего, образ, который неявно питал весь мир Достоевского, и нигде до этого момента в этом мире не воплотившийся).

Добавим в подтверждение вышесказанного, что такая важная часть публицистики, как заголовок статьи, в «Дневнике писателя» отнюдь не выполняет возложенной на нее функции привлечения целевой аудитории. Названия подаются либо в нейтральном ключе – «По поводу выставки», «Нечто о вранье» «Опять о женщинах»; либо провокативно-многословны, представляют собой перечисление не аспектов содержания, но образов, риторическую функцию которых зачастую предугадать нельзя – «Культурные типики, повредившиеся люди»; «Опять только одно словцо о спиритизме» «Нечто об одном здании. Соответственные мысли. Несоответственные идеи» «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об отсроумии» «о большой и малой медведице. О молитве великого Гете и вообще о дурных привычках». Стилистику этих заглавий можно определить как пародийно-комическую, и это именно та стилистическая характеристика, которая подразумевает наибольшую степень полиинтенциональности слова, ту ситуацию, когда в нем отображаются тени чужих слов и голосов, то есть установки диалогической поэтики, что отнюдь не способствует публицистической ясности и яркости.

Итак, подытоживая наши рассуждения, можно сказать, что все особенности субъектной организации «Дневника писателя» говорят о его ориентированности в сферу эстетического, авторская позиция «Дневника» во многом повторяет специфику авторской поэтики художественных произведений Ф.М. Достоевского

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Записи лекций М.М. Бахтина по истории русской литературы. Записи Р.М. Миркиной // Собр. соч. : в 7 тт. – Т. 2. – М., 2000.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М., 1972.
3. Волгин И.Л. «Дневник писателя» как мирозозидающий проект / И.Л. Волгин // Достоевский и журнализм. – СПб., 2013.
4. Волгин И.Л. Возвращение билета : Парадоксы национального самосознания. / И.Л. Волгин – М., 2004.
5. Гачев Г.Д. Исповедь, проповедь, газета и роман (о жанре «Дневника писателя» Достоевского) / Г.Д. Гачев // Достоевский и мировая культура. – Альманах № 1. – СПб. – Ч. 1. – С. 7–13.
6. Гришин Д.В. Достоевский-человек, писатель и мифы : Достоевский и его «Дневник писателя» / Д.В. Гришин. – Мельбурн, 1971.
7. Достоевский Ф.М. Влас // Полн. собр. соч. : в 30. т. – Т. 21. Дневник писателя за 1873 год. Статьи и заметки 1873–1878 / Ф.М. Достоевский. – Л., 1980. – С. 31–41.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30. т. – Т. 22. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель / Ф.М. Достоевский. – Л., 1981.

9. Достоевский Ф.М. Два самоубийства // Полн. собр. соч. : в 30. т. – Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май-октябрь / Ф.М. Достоевский. – Л., 1982
10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30. т. – Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь / Ф.М. Достоевский. – Л., 1982.
11. Достоевский Ф.М. Письмо Вс.С Соловьеву от 11 января 1876 г. // Полн. собр. соч. : в 30. т. – Т. 29 (II). Письма 1875–1877 / Ф.М. Достоевский. – Л., 1986.
12. Захарова Т.В. «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление и идейно-художественная целостность / Т.В. Захарова // Творчество Ф.М. Достоевского : искусство синтеза. – Екатеринбург, 1991.
13. Розанов В.В. Чем нам дорог Достоевский? (к 30-летию со дня его кончины) // Полн. собр. соч. : в 35 т. – Серия «Литература и искусство» : в 7 т. – Т. 4. О писательстве и писателях. Статьи 1908–1911 гг. / В.В. Розанов – СПб., 2016. – С. 724–730.
14. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / Н.Н. Страхов // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 14. т. – Т. 1. : Биография, письма и заметки из записной книжки. – СПб., 1883.
15. Шаулов С.С. Строение и функции «журналистского нарратива» у Достоевского / С.С. Шаулов // Достоевский и журнализм. – СПб., 2013.

Поступила в редакцию 10.11.2019 г.

AESTHETIC OPPORTUNITIES IN F.M. DOSTOEVSKY'S JOURNALISM

K.V. Pershina

The article deals with the study of aesthetic patterns in “Diary of a writer” by F.M. Dostoevsky. The author’s attitude to its complex journalistic and artistic unity is considered. The features of the subject organization of the “Diary of a writer” are highlighted.

Key words: subject organization of the narrative, author’s extralocation, artistic and journalistic unity.

Першина Ксения Витальевна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Старший преподаватель кафедры истории русской литературы и теории словесности.
E-mail: ksenia11pershina@gmail.com

Pershina Kseniya Vitalievna.
Donetsk National University.
Senior Lecturer at the Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.
E-mail: ksenia11pershina@gmail.com

УДК 81'42

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «АГРЕССИВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ» КАК КОММУНИКАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НОВЫХ МЕДИА

© 2019. А.О. Якель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается речевой жанр «агрессивный комментарий» как коммуникационный инструмент с учетом специфики новых медиа, которые функционируют в виртуальном дискурсе. На примере агрессивных комментариев, размещенных пользователями социальной сети «ВКонтакте» в сообществах общественно-политической направленности, выделены типы данного речевого жанра в соответствии с коммуникативной целью адресанта. Дана характеристика речевому жанру «агрессивный комментарий» с позиции коммуникативного прошлого.

Ключевые слова: речевые жанры, интернет-комментарий, новые медиа, речевая агрессия.

Развитие современных технологий стимулирует интенсификацию коммуникационных процессов в сети Интернет. Понятие речевых жанров достаточно изучено, их функционирование в виртуальном дискурсе требует отдельного исследования. «Мы имеем дело с новой, отличной от нашей, реальностью, электронной средой функционирования языка, мы должны не только исследовать новые возможности языка, раскрытые информационно-коммуникационными технологиями, но делать ретроспективный анализ, интерпретировать то, что уже знаем о языке через его реализацию в классических формах письма, речи и знаковых системах» [1, с. 24].

В отечественной лингвистике основу для изучения речевых жанров (РЖ) заложил М.М. Бахтин [2]. Дальнейшая разработка его идей, выявление и классификация РЖ отражены в исследованиях А. Вежбицкой, В.В. Дементьева, Е.И. Горошко, Е.А. Земляковой, Н.Б. Лебедевой, К.Ф. Седова, Т.В. Шмелевой и других. Среди данных научных работ отдельную группу составляют публикации, посвященные «жанрам третьего веба» [5, с. 124], которые создаются сетевыми лидерами мнений, а также рядовыми пользователями.

В данный момент в виртуальном жанроведении базовые понятия еще не определены окончательно, что часто приводит к некоторой неоднозначности трактовки отдельных явлений. Так, интернет-комментарий Т.И. Стексова [11], Е.В. Бирюкова [3], Е.Ч. Дахалаева [6] рассматривают как жанр, а Л.Ю. Щипицина [15] и К.Ф. Седов [10] как субжанр.

Следуя модели РЖ, разработанной Т.В. Шмелевой и доработанной Л.Ю. Щипициной, взяв за основу жанрообразующие признаки, сформулированные Л.Ф. Компанцевой, Е.И. Горошко и Е.А. Земляковой, осуществлены исследования, связанные с определением природы интернет-комментария. Однако иллюкутивная сторона данного РЖ, функционирующего в новых медиа, недостаточно изучена. Создание единой классификации разновидностей таких комментариев является перспективной задачей.

Прагматический подход в исследовании интернет-комментария с учетом специфики виртуального дискурса позволяет решить проблему категориальной принадлежности данного РЖ, а также выявить его инструментальные разновидности.

Целью статьи является определение специфики РЖ «агрессивный комментарий» как коммуникационного инструмента, используемого в виртуальном дискурсе новых медиа.

Материалом проведенного исследования стали агрессивные комментарии, размещенные в формах обратной связи к публикациям сообществ «Донецк, что не так?», «Донецк на ладони» и «Типичный Донецк» в социальной сети «ВКонтакте». Выбор данных новых медиа обусловлен их тематической направленностью: в новостных лентах данных групп размещаются сообщения общественно-политической направленности, обладающие активной обратной связью подписчиков.

Чтобы определить коммуникационную инструментальность РЖ «агрессивный комментарий», следует охарактеризовать дискурс, в котором он функционирует, определить коммуникативные намерения адресантов.

Виртуальный дискурс новых медиа существует как совокупность всех текстов, созданных в его пределах. В отличие от традиционного медиадискурса, где основными авторами сообщений являются представители редакций – корпоративных замкнутых групп, в новых медиа доступ к инструментам распространения массовой информации имеют все пользователи.

Создаваемые ими сообщения характеризуются признаками разговорной устной речи, что неоднократно отмечалось исследователями. Например, Т.И. Стеклова замечает, что у авторов комментариев «отсутствуют эмоциональный самоконтроль, самоцензура и не соблюдается этикет. Причин этому, видимо, несколько, в том числе и общее падение культурного уровня, и расширение состава комментирующих за счет малограмотных и малообразованных граждан, и анонимность, влекущая за собой безнаказанность» [12, с. 78].

Как и любой другой тип интернет-комментария, агрессивный комментарий в виртуальном дискурсе новых медиа считается реактивным жанром. Его возникновение обусловлено коммуникативным прошлым, реализованным в РЖ новостного сообщения, или комментарием другого пользователя. Однако такое описание функционирования рассматриваемого РЖ учитывает только локутивную сторону коммуникации. На наш взгляд, дать точное определение, а также выявить разновидности агрессивных комментариев можно только исходя из специфики коммуникативного намерения адресантов, а также опираясь на изучение отдельных жанрообразующих признаков.

В лингвистических исследованиях зачастую интернет-комментарий рассматривается как эмоциональная реакция пользователя на информацию. Также отмечается, что автор агрессивного комментария может не осознавать своей агрессивности. Одновременно с этим утверждается, что «речевая агрессия в СМИ – это средство манипулирования массовым сознанием» [12, с. 79].

На наш взгляд, такой подход является ошибочным. Для осуществления манипулятивного воздействия адресант должен осознавать, какие коммуникативные тактики он применит для достижения необходимого перлокутивного эффекта. К тому же не все агрессивные комментарии имеют реактивный характер. На микроуровне существования подобных сообщений можно заметить, что они реализуются не как вторичные РЖ, а как первичные. Например, под публикацией «Итоги встречи „Нормандской четверки“» можно найти такой агрессивный комментарий: «*Лайк, если считаешь, что оператор феникс - РЕДКОСНОЕ Г***О!!!*» (прим. – тут и далее сохранены авторская орфография, грамматика, лексика, синтаксис и пунктуация). Тема данного комментария никак не коррелирует ни с опубликованным сообщением, ни с

комментариями других пользователей. *«Кстати, Пушилин согласился о возвращении ДНР в Украину, схавали, чмошники, которые кричали „Донецк – это Россия“»* – ещё один аналогичный комментарий, опубликованный в вышеуказанной группе под публикацией «Наша разбитая „Юность“» (фотосерия, посвящённая повреждённому ДМ «Юность»). Следует отметить, что данные агрессивные комментарии появились в формах обратной связи тогда, когда там уже были размещены реактивные сообщения, а всего на макроуровне опубликовано соответственно 106 и 128 комментариев различных типов.

Еще один вопрос, который следует рассмотреть для определения инструментальных особенностей агрессивного комментария — модель речевого жанра. Отталкиваясь от концепции РЖ, сформулированной Т.В. Шмелевой, Горошко Е.И. и Поляковой Т.Л. [5], а также Щипициной Л.Ю. [15] выделены универсальные жанрообразующие признаки. Среди них на инструментальную прагматическую функциональность изучаемого РЖ указывают: коммуникативное прошлое и будущее, коммуникативная цель.

С позиции коммуникативного прошлого и будущего можно условно поделить все агрессивные комментарии на *релевантные* (реактивные) и *нерелевантные*. К первому типу относим вторичные агрессивные комментарии, появлению которых предшествовало размещение в новом медиа новостного сообщения или комментария другого пользователя в форме обратной связи. Например, в сообществе «Донецк, что не так?» к новостному сообщению о том, что в Донецке начали монтировать главную ёлку, приводится следующий комментарий: *«ОПЯТЬ Г***О ИСКУСТВЕННОЕ????!»*. В данном случае агрессивный комментарий является реакцией на описанное в новостном сообщении событие. Примером реакции на сообщение другого пользователя может служить следующий агрессивный комментарий: *«Ашот, сначала ты вали в свои горы, Ашот. Не хрен приезжать на землю русскую. Мычи на своем, сын ишака»*.

Ко второму типу относим первичные агрессивные комментарии, которые пользователи разместили в формах обратной связи, не обращая внимания на новостное сообщение и комментарии других пользователей. Так, в сообществе «Типичный Донецк» под новостным сообщением «Зеленский едет в Париж с „секретным“ планом по границе с Россией» размещен следующий первичный комментарий: *«Все кто поддерживает путена и дырляндию конченые»*. Данный пример характеризуется нерелевантным новостному сообщению содержанием, однако обладает реактивным потенциалом.

В соответствии с коммуникативной целью можно выделить следующие типы РЖ «агрессивный комментарий»:

Оскорбительный агрессивный комментарий – сообщение направленное на выведение собеседника из эмоционального равновесия. Зачастую реализуется в форме прямого немотивированного оскорбления (флейма). Например, *«Зоофашист, не истери», «иди лесом я тебе сказал»)), «Саша, ты тоже. Мастурбируй дальше», «Максим, хохлятина подпидоская из под закрытого аккаунта за коллег из ридной кошары расстроился?»*, *«У тебя гормоны зашкаливают или климакс?»* и т. д.

Дополняющий агрессивный комментарий – сообщение, предполагающее внесение новой информации по теме новостного поста. Примером может служить агрессивный комментарий к посту в сообществе «Донецк на ладони» о телефонном разговоре В.В. Путина и В.А. Зеленского: *«Ответил Путин зеленскому, и сразу Российскую сборную на олимпиаду не пускает западные рагули. Надо отменить 9 декабря встречу в париж»*.

Интерпретационный агрессивный комментарий – сообщение, являющееся результатом осмысления написанного в новостном посте или сообщении другого пользователя. Так, к публикации о подписании договора о сотрудничестве между Молодежным парламентом ДНР и аналогичными организациями РФ, размещенной в сообществе «Донецк на ладони» есть такой комментарий: *«Ещё куча дармоедов, и что толку что они подписали»*. А к сообщению о том, что украинские власти опровергают наличие документа о плане депортации жителей Донбасса в том же сообществе есть следующий агрессивный комментарий: *«Быстрее бы. Пусть вату выгонят из города, тошно смотреть на этих бомжей которые все еще поддерживают дыру»*.

Провокационный агрессивный комментарий – сообщение пользователя, направленное на стимулирование дискуссии между подписчиками сообщества. Так, к новостному посту «Зеленский поставил условия для проведения выборов в Донбассе», размещенному в сообществе «Донецк на ладони» можно найти следующий агрессивный комментарий соответствующего типа: *«А как же украинские законы по отношению к " айдарам ", " азовам ", " днipro ", " волянь ", " дук правый сексель " ????? Ох уж эти клоуны , и легализованная наркота , такого услышишь ... шо и белка после месячного запоя не притащит»*. Аналогичный комментарий есть в форме обратной связи поста об обсуждении при участии В.А. Зеленского сценариев реинтеграции ЛДНР: *«60 процентов граждан лднр хотят в Россию , почему курс страны определяет большинство тупых людей ? Может перед голосованием людям экзамены какие-то проходить что-ли?»*. В подобных примерах после размещения данного типа комментариев разворачивалась заданная автором сообщения дискуссия.

Таким образом, агрессивный комментарий в виртуальном дискурсе новых медиа используется как коммуникационный инструмент для достижения следующих коммуникативных целей: оскорбить собеседника, дополнить или интерпретировать написанное автором новостного поста, спровоцировать дискуссию. Также следует отметить, что РЖ «агрессивный комментарий», исходя из коммуникативного прошлого не всегда реализуется в форме реактивного сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахренова Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики / Н.А. Ахренова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 10 (28). – С. 22–26.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.5. – Москва : «Русские словари», 1996. – С. 159–207.
3. Бирюкова Е.В. Читательский комментарий в электронной версии журнала как жанр интернет-дискурса (на материале немецкого и русского языков) / Е.В. Бирюкова, В.А. Собянина, Ю.В. Волкова – // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12–1 (90). – С. 79–82.
4. Васенина И.В. Языковая агрессия в Интернете – вызов нравственным императивам / И.В. Васенина, Т.Н. Кухтевич // Высшее образование в России. – 2014. – № 4. – С. 121–125.
5. Горошко Е.И. К построению типологии жанров социальных медий / Е.И. Горошко, Т.Л. Полякова // Жанры речи. – 2015. № 2 (12). – 119–127.
6. Дахалаева Е.Ч. Интернет-комментарий и интернет-отзыв: параметры жанрового разграничения / Е.Ч. Дахалаева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16222> (дата обращения: 01.12.2019).
7. Ляпун С.В. Вербализация эмоциональной напряженности в интернет-комментариях читателей «Новой газеты» / С.В. Ляпун, Г.В. Соколова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 4 (2016). – С. 231–235.
8. Романтовский А.В. Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ / А.В. Романтовский // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 4 (14). – 150–164.
9. Романтовский А.В. Метакоммуникативные индексы в дискурсе интернет-комментариев / А.В. Романтовский // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 141–149.

10. Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения / К.Ф. Седов // Вопросы стилистики. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – Вып. 27. – С. 9–20.
11. Стексова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Т.И. Стексова // Жанры речи. – 2014. – №1–2 (9–10). – С. 81–88.
12. Стексова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т.И. Стексова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 77–81.
13. Фетисова Т.А. Агрессивное поведение в Интернет-коммуникации. Обзор / Т.А. Фетисова // Вестник культурологии. – 2018. – № 4 (87). – 185–197.
14. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–98.
15. Щипицина Л.Ю. Жанровый статус сетевого комментария / Л.Ю. Щипицина // Вестник Башкирск. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 528–532.
16. Яковлюк А.А. Социолингвистические аспекты и особенности выражения агрессии в Интернете / А.А. Яковлюк // Вестник Башкирск. ун-та. – 2014. – № 3. – С. 978–981.

Поступила в редакцию 18.11.2019 г.

SPEECH GENRE “AGGRESSIVE COMMENTARY” AS A COMMUNICATION TOOL IN THE VIRTUAL DISCOURSE OF NEW MEDIA

A.O. Iakel

The article deals with the speech genre “aggressive commentary” as a communication tool considering the specifics of new media, which function in virtual discourse. On the example of aggressive comments posted by users of the social network “Vkontakte” in communities of socio-political orientation, the types of this speech genre are identified in accordance with the communicative purpose of the addressee. The speech genre “aggressive commentary” is characterized through the angle of the communicative past.

Key words: speech genres, Internet commentary, new media, speech aggression

Якель Алексей Олегович.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Старший преподаватель кафедры журналистики.
E-mail: ayakel@narod.ru

Iakel Aleksey Olegovich.

Donetsk National University.
Senior lecturer of the Journalism Department.
E-mail: ayakel@narod.ru

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

УДК 159.9.072.432

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК РЕСУРС ЛИЧНОСТИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

© 2019. А.О. Гнутова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлены теоретические подходы к рассмотрению религиозности как психологического феномена. Проанализирована дихотомия взглядов на религиозность как копинг-стратегию, помогающую человеку стабилизировать свое эмоциональное состояние в трудных жизненных обстоятельствах, и как механизм психологической защиты, который дезадаптирует личность, мешает конструктивно мыслить и решать сложившуюся ситуацию

Ключевые слова: религиозность, механизм психологической защиты, копинг-стратегия, трудная жизненная ситуация, ресурс

С жизненными трудностями люди встречаются на протяжении всей жизни. В настоящее время – в период кризиса экономической и социальной сферы – количество сложных жизненных ситуаций значительно возросло. В этих непростых условиях стремительно возрастает влияние религиозного фактора на духовную жизнь людей. Это можно объяснить различными причинами. Вследствие усиления глобализационных процессов и расширения культурных контактов у человека усиливается ощущение нестабильности окружающего мира. В этой ситуации окружающий мир перестает быть понятным, начинается поиск того, что помогло бы восстановить его целостность и упорядоченность, защитило бы от трудностей. Поэтому все больше людей начинают искать поддержку в проверенных временем ценностях религии, которые в данных обстоятельствах оказываются самыми надежными и стабильными. Через осознание своей принадлежности к той или иной религии люди стремятся найти выход из состояния социальной беспомощности, почувствовать себя частью общности, которая обеспечит им ценностную ориентацию в динамичном мире. Это приводит к усилению чувства внутригруппового единства.

Таким образом, с одной стороны, религия как социокультурный институт реализует функцию помощи людям в проживании и переживании ими трудных жизненных ситуаций, в преодолении препятствий, сопротивлении стрессам, смирении и т.д. С другой стороны, из-за усиления чувства общности, религия демотивирует человека, снижая уровень его персональной ответственности за свою жизнь.

Основы религиозной психологии и особенности формирования и развития личности верующего человека рассмотрены в работах многих авторов: Б.С. Братуся, В.Л. Воевикова, С.Л. Воробьева, Д.Г. Давыдова, Ю.М. Зенько, Р.М. Змановской, А.В. Котенева, А.Н. Крылова, А.И. Кырлежева, А. Лоргуса, Р.Н. Лункина, М.П. Мчединова, Н.Д. Никандрова, Б.В. Ничипорова, Й.Г. Пипке, Н. Пульте, А. Пюттмана, Х. Рикенса, Л. Росса, С.В. Рыжова, С.Б. Филатова.

Несмотря на то, что религиозность сегодня находится в сфере активного интереса психологических наук, до сих пор нет единого определения этого феномена.

Религиозность рассматривается как свойство, качество личности, и как определенный стиль поведения отдельного человека и группы.

Ульянов Л.Н. под религиозностью понимает «конкретное проявление религии в индивидуальном и групповом сознании и поведении», «определенное качество личности и даже группы» [12]. Алексеев Н.П. определяет религиозность как субъективную приверженность людей к религиозному миропониманию, мироощущению, к выполнению соответствующих религиозных (культовых) действий, характерных для современных конфессий [1]. Угринович Д.М под религиозностью понимает воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп, «определенное состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» [11]. Яблоков И.Н. считает, что религиозность, это «социальное качество индивида и группы, выражающееся в совокупности их религиозных свойств (признаков)... Это качество отличает религиозных индивидов и религиозные группы от нерелигиозных» [13].

В данной статье мы опираемся на определение религиозности Торгашева Г.А. Он рассматривал религиозность, как социально-психологическое свойство личности, субъективное отражение и интерпретация, степень усвоения элементов религии, проявляющиеся в сознании и поведении [10].

Настоящее исследование сфокусировано на проблеме совладания религиозными людьми с трудными жизненными ситуациями (ТЖС).

Трудную жизненную ситуацию, в данном случае, можно определить, как ситуацию, объективно или субъективно нарушающую жизнедеятельность человека, которую он не может преодолеть самостоятельно. К подобного рода ситуациям можно отнести: ситуации угрозы финансовой стабильности, ситуации эмоциональных нагрузок, перегрузок, потерь. Сложные жизненные ситуации приводят к различного рода изменениям жизни и деятельности человека. Они нарушают привычный режим деятельности и сложившихся отношений с другими людьми. В связи с этим они порождают отрицательные эмоции и переживания, вызывают дискомфорт. Однако, кроме негативных последствий для развития личности человека, сложные жизненные ситуации могут оказывать и положительный эффект. Именно они позволяют человеку развиваться, но только в том случае, если он готов их прожить и пережить. Только сталкиваясь с трудностями и преодолевая их, человек способен возрасти над самим собой и приобрести новые полезные черты личности [3].

Следовательно, не все люди готовы и способны справляться с трудностями. Причиной этого может быть отсутствие опыта совладания с жизненными трудностями или отсутствие личностных ресурсов. Как пишет С.Л. Соловьева «наличие определенных ресурсов, потенциалов, возможностей расширяет поле деятельности личности, делая более достижимыми значимые цели в жизни» [9]. Ресурсы позволяют человеку быть более сильным, значительным и продуктивным. Они в определенном смысле являются значимым «капиталом» каждой личности. В качестве таких ресурсов можно рассматривать и религиозность.

Изучение данного аспекта представляется достаточно актуальным и значимым, так как в науке нет единства в оценке религиозных переживаний и поведения верующих в разрешении ситуаций стресса, фрустрации, кризиса, краха жизненных ценностей и приоритетов, страха за собственную жизнь. Остается недостаточно изученным регуляторный смысл религиозного культа и мировоззренческих представлений верующих в опосредовании активных и пассивных форм взаимодействия с миром.

В работах отечественных и зарубежных исследователей традиционно способами реагирования индивидов на стрессовые ситуации и как важнейшие формы адаптационных процессов рассматриваются механизмы психологической защиты и копинг-механизмы [6]. Наиболее оптимальным является трактовка механизмов психологической защиты как системы адаптивных, неосознаваемых реакций личности, направленных на защитные изменения значимости дезадаптивных компонентов отношений с целью ослабления их психотравмирующего воздействия на личность [6]. Успешность или неуспешность характера адаптации определяются механизмами совладания (копинг-поведением), то есть поведенческими, эмоциональными и когнитивными стратегиями, которые человека использует для преодоления стресса и совладания с ним [4].

Копинг-стратегии рассматривались в фокусе когнитивных и эмоциональных аспектов разрешения трудностей (Р. Лазарус и С. Фолкман, Е.В. Битюцкая, А.В. Либина, Т.Л. Крюкова, С.К. Нартова-Бочвар, А.К. Болотова и М.Р. Хачатурова, А.С. Огнев), а также бессознательных процессов разрешения ТЖС (В. Вайлент, Т. Кройберг, К. Менингер, Н. Хаан, Р. Моуз, Н. Мак-Вильямс и др.).

Однако этими авторами, как и большинством других, исследующих копинг-поведение, религиозность в контексте разрешения ТЖС специально не рассматривалась, что и побуждает к проведению дополнительных разработок в данной области психологии. В связи с этим нами была поставлена цель теоретически проанализировать имеющиеся подходы к особенностям разрешения трудных жизненных ситуаций религиозными и нерелигиозными людьми.

В ходе рассмотрения данной проблемы выяснилось, что на этот счет мнения авторов, занимающихся изучением данного феномена, отличаются.

Исследователи Дж. Шумагер и К. Элисон считают, что религиозность коррелирует с высоким уровнем психического здоровья, а религиозные убеждения способствуют оптимальному разрешению вне- и внутриличностных конфликтов. Кроме того, он эмпирически доказал, что вера, придавая смысл существованию, уменьшает экзистенциальную тревогу и невротическую вину. Положительное влияние религия оказывает на личностное благополучие. В проведенном авторами исследовании было показано, что люди с сильной религиозной верой имеют высокую степень жизненной удовлетворенности, личного счастья [7].

Такое положительное влияние объясняется спецификой христианства. Согласно христианским идеям, трудности в жизни людей являются результатом греховности, последствия которой проявляются в виде страдания. Состояние разорванной связи с Богом является, по мнению православных богословов, наиболее тяжелым положением человека. Восстановление связи с Богом есть важнейшее условие достижения гармонии и преодоления невзгод.

Высокий уровень психологического благополучия верующих людей объясняется содержанием религиозных учений. В данных учениях трудности, связанные с повторным обретением Бога и пребыванием в соединении с ним, требуют большого доверия к Богу и смиренного подчинения Святому Духу. Если поставить Бога в жизни на первом месте и направить мысли к богоугодным делам, у человека сформируется соответствующая оценка поступков и отношение к ним. Религиозный человек от общения с Богом и доверия к нему получает внутренний покой, который, возможно, позволяют легче справляться с эмоциями, сохранять здравомыслие, анализировать проблему и прилагать усилия, чтобы найти решение.

Таким образом, православный человек в религиозном плане ориентируется на собственные, внутренние ресурсы развития и самосовершенствования, в социальном плане – осознанно идентифицирует себя с общиной.

Однако, современные исследователи В.И. Жог, И.Э. Соколовская придерживаются противоположного мнения. Данные авторы указывают, что религиозность накладывает отпечаток на способность дифференцировать аффективные сигналы и реагировать на них. Религиозность ограничивает фантазийную сферу заранее заданными религиозными догматами. Исследователи считают, что верующие ведут себя подобно человеку с дальтонизмом, который научился компенсировать нарушение восприятия системой подсказок, с помощью которых обретает способность судить о том, что не в состоянии отличить. Такое восприятие ограничивает творческую деятельность, на бытовом уровне формирует прагматизм, стереотипное поведение, ограничение межличностных контактов. Их отношения с окружающими в значительной степени лишены аффектов. Обращение к религии как к защитному механизму может быть связано с тем, что личность ограничена в своих способностях к самоутешению, самоподдержке и обеспечению самоуважения. Все жизненно важные и аффективные функции переживаются как часть объектных представлений, выполнение любых жизнеохранительных или утешающих действий отведено «внешней» фигуре и запрещено самому субъекту [2]. Пренебрежение к своему внутреннему психическому и физическому благополучию, что предусматривается религией, сочетается с ограниченной способностью к регуляции внутренних состояний. Вероятно, одним из важных признаков религиозности является дефицит рефлексии, внутренняя скованность, недостаточная психологическая гармонизация, то есть недостаток осознания собственной человеческой сущности, своего права на поступок, осознание потребностей и мотивов деятельности. Недостаток рефлексии приводит к невозможности управлять своими побуждениями, гибко перестраивать их в соответствии с требованиями ситуации, менять при необходимости «жизненный замысел» в целом или находить новые внутренние средства для сохранения прежнего. Можно предположить, что религиозность в своей «защищающей» ипостаси связана и осуществляется через механизмы психологических защит, поскольку человеку как социальному существу не всегда удобно и возможно реализовывать в социуме свои агрессивные тенденции, тревожность, депрессивность и другие эмоциональные состояния [5].

Можно сделать вывод, что одни исследователи религиозность личности в трудной жизненной ситуации понимают как копинг-стратегию, помогающую человеку стабилизировать свое эмоциональное состояние, а другие видят в ней механизм психологической защиты, который дезадаптирует и мешает конструктивно решить сложившуюся ситуацию. Таким образом, проблема рассмотрения религиозности как ресурса личности в трудной жизненной ситуации остается открытой и не однозначной, и требует дальнейшего эмпирического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнаут Е.К. О критериях религиозности личности в условиях перестройки. - Кишинев: «Знание», 1990. – 244 с
2. Беннетт Дж.Г. Духовная психотерапия [Электронный ресурс] – URL: <http://www.myword.ru> (дата обращения 03.09.2019)
3. Битюцкая Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2011. №1. С. 10
4. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа, № 4, 2001.

5. Влахов И. Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. с. 57
6. Короленко, Ц.П. Монография. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 402 с.
7. Невлева Духовная связь поколений через ценности православия // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217). 34 С.
8. Соколовская И.Э. Психологический феномен идентичности религиозной молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2012. № 3. – С. 82–88.
9. Соловьева С.Л. Ресурсы личности. [Электронный ресурс] / Медицинская психология в России: электрон. науч. жури. – 2010. – № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения 03.09.2019)
10. Торгашев Г.А. Основы религиоведения. СПб: Питер, 2004. – 364с.
11. Угринович Д.М. Религия и церковь в современную эпоху. - М., 1976. – С. 55
12. Ульянов Л.Н. Изменение характера религиозности. // К обществу, свободному от религии. - М., 1970. -С. 161.
13. Яблоков И.Н. Социология религии – М.: Мысль», 2009. – С. 123-124.

Поступила в редакцию 15.09.2019 г.

RELIGIOUSNESS AS PERSONALITY RESOURCE IN DIFFICULT LIFE SITUATION

A.O. Gnutova

The article addresses theoretical approaches to religiousness as a psychological phenomenon. The dichotomy of views on religiousness is analyzed, which is viewed both as a coping strategy that helps a person stabilize his emotional state in difficult life circumstances, and as a psychological defense mechanism that rather disadapts a person and interferes with constructive thinking and solving the current situation.

Keywords: religiousness, psychological defense mechanism, coping strategy, difficult life situation, resource.

Гнутова Анастасия Олеговна.

Магистрант 2 курса специальности «Психология»
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
E-mail: nastya-gnutova@mail.ru.

Gnutova Anastasia Olegovna.

2nd-year undergraduate student of specialty
“Psychology”
Donetsk National University
E-mail: nastya-gnutova@mail.ru.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЗАЩИТНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПАЦИЕНТОВ ПРИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВАХ РАЗНОГО ТИПА

© 2019. С.А. Вильдгрубе

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается совладающее поведение и защитные психологические механизмы пациентов с психосоматическими расстройствами разного типа. Изучены преобладающие дезадаптивные варианты совладания со стрессом и защитные механизмы, характерные для лиц с психосоматическими расстройствами. Проанализирована связь между защитными механизмами и совладающим поведением у психосоматических пациентов.

Ключевые слова: совладающее поведение, защитные механизмы, психосоматические расстройства.

Введение. В современном мире, переполненном новыми технологиями и количеством информации, на человека в значительной мере начинают действовать повышенные психические нагрузки и стрессовые ситуации. Ежедневно люди сталкиваются с большим количеством напряженных, конфликтных, неопределенных ситуаций, вызывающих общую неспецифическую реакцию организма, т.е. стресс. Вследствие этого увеличивается нагрузка на психические адаптационные механизмы, которые позволяют преодолевать проблемные ситуации и снижать психическое напряжение. Это психологические защитные механизмы и совладающее со стрессом поведение (копинг-поведение). Исследованию данной проблемы в психологии были посвящены работы Л.И. Анцыферовой, В.А. Бодрова, Л.И. Вассермана, Б.Д. Карвасарского, С.К. Нартовой-Бочавер, Н. Мак-Вильямс, Р. Лазаруса, Р. Плутчика, З. Фрейда, Н. Хаан и других.

Рядом авторов подчёркивалась важная роль психологических защит личности и механизмов совладания для поддержания психического и соматического здоровья (Ф. Александер, Л.И. Вассерман, А.Н. Михайлов, В.С. Ротенберг, Е.Т. Соколова, В.А. Ташлыков).

Изучение совладающего поведения и защитных механизмов личности особенно актуально. в клинической психологии, в связи с работами по изучению психосоматических заболеваний. В наше время неуклонно растет количество данных расстройств. В психологической литературе неоднократно обсуждались причины и особенности этих заболеваний, в медицинской практике разработана детальная классификация их типов и проявлений. Но недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с факторами и механизмами выхода из психосоматических состояний. Именно по этой причине исследование адаптационных возможностей психики, к которым относятся как психологические защиты, так и механизмы совладания, являются актуальными в данной области знания и практики.

Таким образом, *целью* нашего исследования выступает изучение совладающего поведения и защитных психологических механизмов пациентов с психосоматическими расстройствами разного типа. *Объектом* данного исследования является совладающее поведение и защитные механизмы личности. *Предметом* – совладающее поведение и защитные механизмы личности пациентов, страдающих психосоматическими расстройствами. В ходе исследования нами были выдвинуты следующие *гипотезы*: у лиц, страдающих психосоматическими расстройствами, преобладают дезадаптивные варианты совладания со стрессом и более примитивные защитные механизмы; существует связь между защитными механизмами личности и совладающим поведением у психосоматических пациентов. В данной работе были использованы следующие *методы*: 1. Теоретический анализ, обобщение и систематизация научных знаний. 2. Эмпирические методы: методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Конте; опросник копинг-стратегий (COPE) Ч. Карвера в адаптации Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина; опросник стратегий адаптивного поведения (АСП) Н.Н. Мельниковой; Методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями Л.И. Вассермана и соавторов; оценочная шкала стрессовых событий Т. Холмса и Р. Праге. 3. Статистические методы обработки данных: общая описательная статистика, сравнение средних показателей t-критерием Стьюдента. *Эмпирическую базу* исследования составили 38 человек, из них 24 женщины и 14 мужчин в возрасте 21–65 лет. Все они являлись пациентами поликлинического отделения Института неотложной и восстановительной хирургии им. Гусака (г. Донецк), наблюдаясь у специалистов различного профиля с рядом жалоб и симптомов, в результате изучения которых были поставлены диагнозы: соматоформные расстройства с паническими атаками, соматизированной тревогой, нозофобиями; соматогении; нозогении.

Защитные психологические механизмы личности пациентов с психосоматическими расстройствами были диагностированы методикой «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Конте, которая позволяет выявить как использование преобладающих механизмов, так и их напряженность. В результате исследования были получены следующие данные (таблица 1, рисунок 1).

Таблица 1

Защитные психологические механизмы психосоматических пациентов

№	Механизм	Количество испытуемых			Напряженность механизма
		Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	
1.	Отрицание	15	21	2	28,5%
2.	Подавление	4	18	16	42,5%*
3.	Регрессия	9	25	4	38,7%
4.	Компенсация	26	12	0	25,3%
5.	Проекция	19	18	1	21,2%
6.	Замещение	7	25	6	30,4%
7.	Интеллектуализация	19	16	3	37,9%
8.	Реактивное образование	12	15	11	39,5%
Общая напряженность механизмов					32,7%

* – высокий уровень напряженности защитного механизма

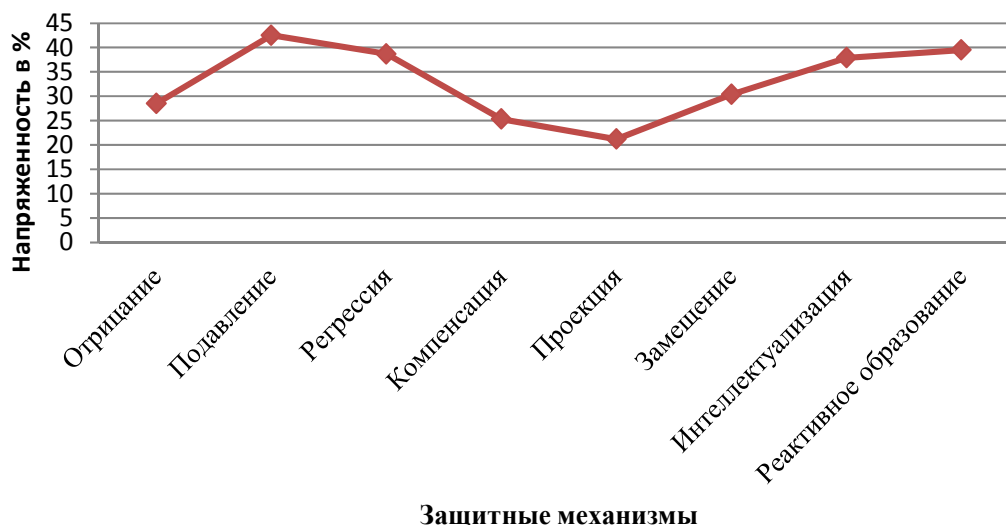

Рис. 1. Напряженность защитных механизмов у психосоматических пациентов.

Особенности совладающего поведения пациентов с психосоматическими расстройствами были диагностированы следующими методиками: опросник копинг-стратегий (COPE) Ч. Карвера в адаптации Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осина; опросник стратегий адаптивного поведения (АСП) Н.Н. Мельниковой; методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями Л.И. Вассермана и соавторов.

Стратегия поведения «Активное изменение среды» имеет высокий уровень выраженности у 18,4% (7 чел.) испытуемых, средний – у 36,9% (14 чел.), низкий – у 44,7% (17 чел.). Такие результаты свидетельствуют, что данная адаптационная стратегия не выражена у психосоматических пациентов.

Поведенческая адаптационная стратегия «Активное изменение себя» имеет высокий уровень выраженности у 15,8% (6 чел.) испытуемых, средний – у 47,3% (18 чел.), низкий – у 36,9% (14 чел.). Это значит, что такой поведенческий паттерн не присущ данной выборке испытуемых.

Адаптивное поведение «Уход из среды и поиск новой» имеет высокий уровень выраженности у 13,1% (5 чел.) испытуемых, средний – у 50% (19 чел.), низкий – у 36,9% (14 чел.).

Стратегия поведения «Уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир» имеет высокий уровень выраженности у 15,8% (6 чел.) испытуемых, средний – у 31,6% (12 чел.), низкий – у 52,9% (20 чел.). Такие результаты свидетельствуют, что данная адаптационная стратегия не выражена у психосоматических пациентов.

Поведенческая адаптационная стратегия «Пассивная репрезентация себя» имеет высокий уровень выраженности у 28,9% (11 чел.) испытуемых, средний – у 34,2% (13 чел.), низкий – у 36,9% (14 чел.). Данная стратегия проявляется в упрямстве человека, пассивной демонстрации собственной позиции, не обращая внимания на реакцию окружающих.

Адаптивное поведение «Пассивное подчинение условиям среды» имеет высокий уровень выраженности у 15,8% (6 чел.) испытуемых, средний – у 55,3% (21 чел.), низкий – у 28,9% (11 чел.). Данная стратегия заключается в молчаливом принятии неудовлетворяющих условий среды без их критического осмысления или

протеста. Проявляется в конформном поведении, слепом подражании авторитетным членам коллектива или семьи.

Стратегия поведения «Пассивное выжидание внешних изменений» имеет высокий уровень выраженности у 31,6% (12 чел.) испытуемых, средний – у 42,1% (16 чел.), низкий – у 26,3% (10 чел.). Такие результаты свидетельствуют, что данная адаптационная стратегия выражена у психосоматических пациентов. Данная стратегия характеризует их, как пассивных внешне людей, которые выбирают ждать каких-либо изменений в неудовлетворяющей их среде неограниченное количество времени без активных попыток что-либо сделать.

Поведенческая адаптационная стратегия «Пассивное выжидание внутренних изменений» имеет высокий уровень выраженности у 7,9% (3 чел.) испытуемых, средний – у 47,3% (18 чел.), низкий – у 44,7% (17 чел.). Это значит, что такой поведенческий паттерн не присущ данной выборке испытуемых.

Стратегия совладания «Конфронтация» имеет выраженный уровень у 13,1% (5 чел.), умеренный уровень – у 31,6% (12 чел.) и низкий – у 55,3% (21 чел.) испытуемых. Такие пациенты демонстрируют импульсивность в поведении (иногда с элементами конфликтности), враждебность, трудности при планировании действий, прогнозировании их результата, коррекции стратегии поведения, неоправданное упорство.

Совладающее поведение по типу «Дистанцирования» имеет выраженный уровень у 18,4% (7 чел.), умеренный уровень – у 28,9% (11 чел.) и низкий – у 52,6% (20 чел.) испытуемых. Данный тип поведения предполагает попытки преодоления негативных переживаний проблемы с помощью субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее.

Стратегия совладания «Самоконтроль» имеет выраженный уровень у 18,4% (7 чел.), умеренный уровень – у 44,7% (17 чел.) и низкий – у 36,9% (14 чел.) испытуемых. Поведение предполагает попытки преодоления негативных переживаний проблемы с помощью целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения, высокий контроль поведения, стремление к самообладанию.

Совладающее поведение по типу «Поиска социальной поддержки» имеет выраженный уровень у 7,9% (3 чел.), умеренный уровень – у 52,6% (20 чел.) и низкий – у 39,5% (15 чел.) испытуемых. При этом могут присутствовать также попытки разрешения проблемы за счет привлечения внимания других людей.

Стратегия совладания «Принятие ответственности» имеет выраженный уровень у 15,8% (6 чел.), умеренный уровень – у 31,6% (12 чел.) и низкий – у 52,6% (20 чел.) испытуемых. Выраженность данной стратегии в поведении может приводить к неоправданной самокритике, переживанию чувства вины и неудовлетворенности собой.

Совладающее поведение по типу «Бегства – избегания» имеет выраженный уровень у 5,2% (2 чел.), умеренный уровень – у 34,2% (13 чел.) и низкий – у 60,6% (23 чел.) испытуемых. У таких людей наблюдается отрицание или игнорирование проблемы, уклонение от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, пассивность, нетерпение, вспышки раздражения.

Стратегия совладания «Планирование решения проблемы» имеет выраженный уровень у 15,8% (6 чел.), умеренный уровень – у 39,5% (15 чел.) и низкий – у 44,7% (17 чел.) испытуемых. Поведение предполагает попытки преодоления проблемы с помощью целенаправленного анализа ситуации и выработки стратегии разрешения

проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов. Стратегия рассматривается как адаптивная, способствующая конструктивному разрешению трудностей.

Совладающее поведение по типу «Положительной переоценки» имеет выраженный уровень у 15,8% (6 чел.), умеренный уровень – у 47,4% (18 чел.) и низкий – у 36,8% (14 чел.) испытуемых. Поведение направлено на преодоление негативных переживаний проблемы с помощью ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста.

Среди копинг-стратегий, наиболее выраженными являются сдерживание ($x=8,42$; $\sigma=3,50$), концентрация на эмоциях ($x=8,71$; $\sigma=3,83$), использование эмоциональной социальной поддержки ($x=8,45$; $\sigma=3,01$), активное преодоление ($x=8,39$; $\sigma=3,55$). Первые две являются дезадаптивными стратегиями, вторые – адаптивными.

В результате изучения стрессогенности жизни психосоматических пациентов по методике Холмса-Раге нами были получены результаты, отраженные в таблице 2.

Таблица 2

Стрессогенность жизни психосоматических пациентов

Показатель	Количество испытуемых		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Стрессогенность жизни за последний год	10	9	19

В результате корреляционного исследования нами были выявлены связи между уровнем стрессогенности жизни пациентов психосоматического профиля и стратегий совладающего поведения.

Так, уровень стрессогенности жизни прямо значимо связан с такой стратегией адаптивного поведения, как уход от контакта со средой и погружение в свой внутренний мир ($r=0,59$; $p\leq 0,01$), с копинг-стратегиями мысленного ухода от проблемы ($r=0,49$; $p\leq 0,01$), использование инструмента социальной поддержки ($r=0,61$; $p\leq 0,01$), обращение к религии ($r=0,35$; $p\leq 0,05$), поведенческий уход от проблем ($r=0,35$; $p\leq 0,05$).

Сравнивая две части выборки: с преобладанием подавления, имеющего высокую напряженность, и у лиц со средним и низким его уровнем, мы видим значимые различия в показателях стратегии совладания «Активное преодоление». У лиц с преобладанием подавления они значимо ниже (коэф. Манна-Уитни $U=2,51$; $p\leq 0,05$).

Рассматривая взаимосвязи между преобладающими защитными психологическими механизмами личности и стратегиями совладающего поведения у психосоматических пациентов, мы можем выделить следующие закономерности:

обнаружена обратная значимая связь между выраженностью защитного механизма подавления и совладающего поведения по типу социальной поддержки ($r=-0,39$; $p\leq 0,05$); выявлена прямая значимая связь между выраженностью защитного механизма регрессии и стратегии совладающего поведения «Пассивная репрезентация себя» ($r=0,69$; $p\leq 0,01$), «Бегство – избегание» ($r=0,41$; $p\leq 0,05$); обнаружена прямая значимая связь между выраженностью защитного механизма регрессии и копинг-стратегии «Концентрация на эмоциях» ($r=0,63$; $p\leq 0,01$).

В результате проведенного эмпирического исследования совладающего поведения и защитных психологических механизмов пациентов при психосоматических расстройствах разного типа мы можем сформулировать следующие выводы:

1. В выборке испытуемых преобладают такие виды психологических защитных механизмов, как подавление, регрессия. Подавление является механизмом, с помощью которого неприемлемые для личности желания, мысли и чувства, которые вызывают тревогу, становятся бессознательными. Они, не имея возможности разрядиться в поведении, накапливают эмоциональное и психическое напряжение. Подавленные психические явления могут проявляться в невротических и психосоматических симптомах. Регрессия является механизмом психологической защиты, с помощью которого личность пытается избежать тревоги переходом в своем поведении на более ранние стадии развития. При этом решение субъективно более сложных задач предпочитается более простым и доступным задачам в сложившейся ситуации.

2. Наименее используемыми психологическими защитными механизмами являются проекция и компенсация. Общая напряженность защитных механизмов – средняя. Высокую напряженность имеет только такой защитный механизм как подавление. Подавление и регрессия являются первичными, примитивными защитными механизмами.

3. В результате диагностики стратегий адаптивного поведения психосоматических пациентов преобладают пассивные их виды: пассивная репрезентация себя, пассивное выжидание внешних изменений, пассивное подчинение условиям среды. Пассивная репрезентация себя проявляется в упрямстве человека, пассивной демонстрации собственной позиции, не обращая внимания на реакцию окружающих. При этом субъект не старается как-то поговорить с другими людьми, объяснить им свое мнение или убедить принять его. Со стороны это выглядит, как протест против мнения окружающих. Пассивное выжидание внешних изменений характеризует пациентов, как пассивных внешне людей, которые выбирают ждать каких-либо изменений в неудовлетворяющей их среде неограниченное количество времени без активных попыток что-либо сделать. Возникающие проблемы не решаются, а постоянно откладываются на будущее, постоянно накапливаясь. Часто такие люди ограничивают общение с окружающими, чтобы их не заставляли решать данные проблемы. Пассивное подчинение условиям среды заключается в молчаливом принятии неудовлетворяющих условий среды без их критического осмысления или протеста. Проявляется в конформном поведении, слепом подражании авторитетным членам коллектива или семьи. Такое приспособление не удовлетворяет человека, но он не высказывает этого вслух.

4. В выборке психосоматических пациентов преобладает низкий и средний уровень выраженности стратегий совладающего поведения. Это свидетельствует о том, что репертуар преодолевающего поведения таких людей достаточно беден. Самоконтроль предполагает попытки преодоления негативных переживаний проблемы с помощью целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения, высокий контроль поведения, стремление к самообладанию. Поиск социальной поддержки предполагает попытки разрешения проблемы за счет привлечения внимания других людей. Характерна ориентированность на взаимодействие с другими людьми, ожидание поддержки, совета, сочувствия. Они склонны привлекать внимание других людей к своим проблемам, обращаться за помощью и советами. При этом данные советы обычно не выполняются, а быстро забываются благодаря работе защитных механизмов личности. Положительная переоценка направлена на преодоление негативных

переживаний проблемы с помощью ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста. Характерной является ориентированность на философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст работы личности над саморазвитием. Планирование решения проблемы предполагает попытки преодоления проблемы с помощью целенаправленного анализа ситуации и выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов. Стратегия рассматривается как адаптивная, способствующая конструктивному разрешению трудностей.

5. У психосоматических пациентов копинг-стратегии представлены преимущественно низким и средним уровнями выраженности. Это свидетельствует о том, что они эффективно не используются данной группой людей. Среди копинг-стратегий, наиболее выраженными являются сдерживание, концентрация на эмоциях, использование эмоциональной социальной поддержки, активное преодоление. Первые две являются дезадаптивными стратегиями, вторые – адаптивными. Такие результаты свидетельствуют о том, что психосоматические пациенты данной выборки не имеют ярко выраженных копинг-стратегий. Среди типов поведения, выраженных средне, они чаще всего используют: активные шаги или прямые действия, направленные на преодоление стрессовой ситуации; ожидание подходящего для действий момента и воздержание от слишком поспешных, импульсивных действий; стремление найти эмоциональную, моральную поддержку, сочувствие и понимание; фокусировка на неприятных эмоциях, неприятностях и выражении чувств.

6. В результате изучения стрессогенности жизни психосоматических пациентов по методике Холмса-Раге был выявлен высокий уровень стрессогенности. По данным теоретических источников, фактор стрессогенности оказывается значительным для формирования психосоматических расстройств. Уровень стрессогенности жизни прямо значимо связан с такой стратегией адаптивного поведения, как уход от контакта со средой и погружение в свой внутренний мир ($r=0,59$; $p\leq 0,01$), с копинг-стратегиями мысленного ухода от проблемы ($r=0,49$; $p\leq 0,01$), использование инструмента социальной поддержки ($r=0,61$; $p\leq 0,01$), обращение к религии ($r=0,35$; $p\leq 0,05$), поведенческий уход от проблем ($r=0,35$; $p\leq 0,05$).

Обнаружена обратная значимая связь между выраженностью защитного механизма подавления и совладающего поведения по типу социальной поддержки ($r=-0,39$; $p\leq 0,05$). Выявлена прямая значимая связь между выраженностью защитного механизма регрессии и стратегии совладающего поведения «Пассивная репрезентация себя» ($r=0,69$; $p\leq 0,01$), «Бегство – избегание» ($r=0,41$; $p\leq 0,05$). Обнаружена прямая значимая связь между выраженностью защитного механизма регрессии и копинг-стратегии «Концентрация на эмоциях» ($r=0,63$; $p\leq 0,01$).

Сравнивая две части выборки: с преобладанием подавления, имеющего высокую напряженность, и у лиц со средним и низким его уровнем, мы видим значимые различия в показателях стратегии совладания «Активное преодоление». У лиц с преобладанием подавления они значимо ниже (коэф. Манна-Уитни $U=2,51$; $p\leq 0,05$).

7. Таким образом, у психосоматических пациентов преобладают более примитивные защитные механизмы и чем выше уровень выраженности примитивных защитных механизмов личности, тем выше выраженность дезадаптивных стратегий совладающего поведения у психосоматических пациентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаева Е.Р. Совладающее со стрессом и защитное поведение личности при расстройствах психической адаптации различного генеза. Автореф. дисс. ... докт. мед. наук. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2010. – 48 с.
2. Клиническая психология и психотерапия / под ред. М. Перре, У. Бауманна, пер. с нем. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 944 с.
3. Куфтяк Е.В. Психологическое здоровье и защитные механизмы (психологические защиты и совладание) в детском возрасте / Е.В. Куфтяк // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9. – № 49. – С. 4–9.
4. Прибытков А.А. Структура личности и механизмы психологической защиты при соматоформных расстройствах / А.А. Прибытков, И.О. Юркова, Ю.Б. Баженова // Социальная и клиническая психиатрия. – 2016. – №2. – С. 31–35.

Поступила в редакцию 01.11.2019 г.

COMPATIBLE BEHAVIOUR AND PROTECTIVE PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF PATIENTS WITH PSYCHOSOMATIC DISORDERS OF DIFFERENT TYPES

S.A. Vildgrube

The article discusses the compatible behavior and protective psychological mechanisms of patients with various types of psychosomatic disorders. The prevailing maladaptive options for coping with stress and the protective mechanisms characteristic of individuals with psychosomatic disorders have been studied. The relationship between protective mechanisms and compatible behavior of psychosomatic patients is analyzed.

Key words: compatible behavior, protective mechanisms, psychosomatic disorders.

Вильдгрубе Светлана Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

Wildgrube Svetlana Alexandrovna.

Candidate of Psychology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Psychology.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

УДК 159.99

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

© 2019. Ю.Н. Фархутдинова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы основные принципы построения, структура и условия организации инклюзивной образовательной среды. Рассмотрены точки зрения исследователей на содержание и понимание термина «инклюзия».

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивная образовательная среда, комплексное сопровождение.

Введение. На современном этапе в связи с увеличением количества детей с особыми потребностями всё большую актуальность приобретает внедрение и развитие инклюзивного образования в условиях общеобразовательной школы.

Инклюзивное образование реализует обеспечение равного доступа к получению того или иного вида образования и создание необходимых условий для достижения адаптации образования всеми без исключения детьми, независимо от их индивидуальных особенностей, учебных достижений, родного языка, культуры, их психических и физических возможностей. Объединение в едином социальном и образовательном пространстве обычных детей и детей с ограниченными возможностями здоровья позволяет решить ряд общепедагогических, социальных и гуманистических задач. Научная и педагогическая практика убедительно показали, что ребенок с особыми образовательными потребностями, с младенчества попадая в сообщество здоровых сверстников, продвигается вместе с ними и достигает более высокого уровня социализации.

Основное содержание проблемы. Актуальность развития инклюзивного образования возрастает с каждым годом. Разработка теоретических основ инклюзивного образования в отечественных исследованиях представлена с разных сторон. Так, историко-педагогические тенденции и теоретические основы становления инклюзивного образования в России анализируются в исследованиях Н.М. Назаровой, Н.Д. Шматко; представления о направлениях создания инклюзивного образования в условиях образовательного учреждения рассматриваются в работах И.В. Андреевой, Е.Э. Петровой, Е.Ю. Плетнёвой, С.И. Сабельниковой; методики раннего выявления нарушений у детей, ставшие основой для разработки технологий уравнивания стартовых возможностей у детей с разными образовательными возможностями, разработаны в исследованиях Е.В. Соколовой, Е.А. Стребелевой, С.Г. Шевченко; вопросы готовности дошкольников с задержкой психического здоровья к интеграции в массовую образовательную среду разработаны У.В. Ульяновской и её последователями.

Среди зарубежных исследователей проблема инклюзивного образования рассмотрена в работах Л. Бартон, Дж. Демплер, Е. Дорис, Т. Лореман, У Сейлор, Е.К. Сликер, Д. Харвей и др.

Рассмотрим точки зрения исследователей на понимание термина «инклюзия».

Так, с точки зрения профессора Ульфа Янсона «инклюзия как принцип организации образования является явлением социально-педагогического характера. Соответственно, инклюзия нацелена не на изменение или исправление отдельного ребенка, а на адаптацию учебной и социальной среды к возможностям данного ребенка» [2, с. 25]. В универсальном словаре Вебстера инклюзия определяется как «процесс, при котором что-либо включается,

то есть вовлекается, охватывается, или входит в состав, как часть целого» [2, с. 53]. Согласно мнению отделения раннего детства Совета по делам особенных детей (1993 г.), инклюзия является «ценностью, которая обеспечивает право всех детей вне зависимости от их способностей принимать активное участие в жизни общества в существующих в данный момент условиях» [1, с. 82].

Таким образом, инклюзия как понятие рассматривается как новая форма в образовании, включающая свободу выбора и возможностей в образовательном процессе.

Следует отметить, что современный этап развития инклюзивного образования противоречивый в силу новизны развития инклюзивной практики образования, которая требует системных изменений.

Выделим важные приоритеты, на которых основано инклюзивное образование:

- приоритет социальной адаптации ребенка на каждом возрастном этапе;
- непрерывность инклюзивного процесса на всех возрастных ступенях;
- природосообразность образовательных задач и методов как возможностям ребенка, так и общей логики развития;
- приоритетное развитие коммуникативных компетенций, умений взаимодействовать с другими людьми;
- профилактика и преодоление инвалидизации и искусственной изоляции семьи особого ребенка [7].

В исследованиях Е.А. Климова, С.В. Тарасова, В.А. Ясвина, в которых предложены составляющие образовательной среды учреждения, можно выделить структуру инклюзивной образовательной среды как пространства социализации детей с различными возможностями и особенностями:

- пространственно-предметный компонент (материальные возможности учреждения – доступная (безбарьерная) архитектурно-пространственная организация; обеспеченность современными средствами и системами, соответствующими образовательным потребностям детей);
- содержательно-методический компонент (адаптированный индивидуальный маршрут развития ребенка, вариативность и гибкость образовательно-воспитательных методик, форм и средств);
- коммуникативно-организационный компонент (личностная и профессиональная готовность педагогов к работе в смешанной (интегрированной) группе, благоприятный психологический климат в коллективе, управление командной деятельностью специалистов).

Такая среда направлена на организацию взаимодействия здоровых детей и детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), на гармонизацию детских взаимоотношений, создание атмосферы эмоционального комфорта и взаимопринятия [3].

Эффективная реализация обозначаемых приоритетов включения особого ребенка в среду общеобразовательного учреждения представляется практически невозможной без специализированного психолого-педагогического сопровождения как инклюзивного процесса в целом, так и его отдельных структурных компонентов, поскольку сам процесс инклюзии детей с ограниченными возможностями в образовании оказывается очень сложным и в организационном, и в содержательном компонентах. Создание адекватной модели и конкретных технологий психолого-педагогического сопровождения инклюзивной практики в определенной степени позволяет сделать этот процесс максимально адаптивным и пластичным [6].

К условиям организации инклюзивной образовательной среды относятся, с одной стороны, преимущество дошкольного и школьного образования на уровне

дидактических технологий, образовательных программ, воспитательного пространства учреждений. Создание гибкой и вариативной организационно-методической системы, адекватной образовательным потребностям детей с различными возможностями обеспечивается преемственностью систем дошкольного и школьного образования. Совместная деятельность специалистов детского сада и школы осуществляется как сотрудничество по выработке совместных решений в сфере создания педагогических условий инклюзии. Сотрудничество осуществляется в следующих формах: совместное проведение педагогических советов и совещаний, родительских собраний, воспитательных мероприятий, занятий в школе будущего первоклассника; с другой стороны, комплексное и многоуровневое сопровождение участников образовательного процесса: педагога (научный руководитель, администрация), обучения детей (дефектолог, психолог, родители) и социализации детей (психолог, родители, волонтеры) [2].

Рассмотрим составляющие комплексного сопровождения детей с ОВЗ в образовательном процессе.

Важным условием является введение в штат образовательного учреждения должности тьютора с обязательной подготовкой этих педагогов по специальной психологии и специальной педагогике. Они нуждаются в специализированной комплексной помощи со стороны специалистов в области коррекционной педагогики, специальной и педагогической психологии, в понимании и реализации подходов к индивидуализации обучения детей с особыми образовательными потребностями, в категорию которых, в первую очередь, попадают учащиеся с ограниченными возможностями здоровья. Но самое важное, чему должны научиться педагоги массовой школы – это работать с разными детьми, и учитывать это многообразие в своём педагогическом подходе к каждому [7].

Немаловажную роль в процессе инклюзивного образования составляет позиция родителей. Самостоятельность мышления родителей определяет образовательную траекторию ребёнка с особыми образовательными потребностями, партнёрскую позицию родителей по отношению к школе и их ответственность за образовательный результат. Необходимым условием является конструктивный диалог между педагогом и родителями. В противном случае рекомендации специалистов становятся «приговором», а консультация не открывает возможностей и вариантов поведения. В процессе развития инклюзивного подхода в образовании позиция родителей будет приобретать всё большую самостоятельность и активность. Умение организовывать продуктивный диалог с родителями, привлекать их к участию и сотрудничеству, к совместному обсуждению условий образования ребёнка является важной задачей в процессе перехода к инклюзивному образованию [8].

Исходя из этого, сопровождение участников образовательного процесса реализуется посредством следующих инновационных технологий, которые в совокупности реализуют комплексный разноуровневый характер сопровождения участников педагогического процесса:

- технология адаптации ребенка к новой образовательной ступени;
- технология сопровождения педагога;
- технология помощи ребенку в процессе обучения;
- технология взаимодействия с семьей;
- технология воспитания личности.

Немаловажным является и техническое обеспечение образовательного процесса как параметра безбарьерной среды. Для различных категорий детей предполагаются специальные технические средства (например, для детей с нарушенным слухом характеристики безбарьерной среды определяются наличием индивидуальных

слуховых аппаратов (или кохлеарных имплантов), FM-систем, а также внедрением в учебный процесс компьютерных технологий, облегчающих освоение образовательной программы; для детей с нарушенным зрением необходима повышенная освещенность (не менее 1000 люкс) или местное освещение не менее 400-500 люкс, оптические средства – лупы, специальные устройства для использования компьютера, телевизионные увеличители, аудиооборудование для прослушивания «говорящих книг», учебные материалы с использованием шрифта Брайля) [7].

Таким образом, среди основных принципов построения инклюзивного образовательного пространства являются:

- Раннее включение в инклюзивную среду. Это обеспечивает возможность абилитации, то есть первоначального формирования способностей к социальному взаимодействию.

- Коррекционная помощь. Ребенок с нарушениями развития обладает компенсаторными возможностями, важно их «включить», опираться на них в построении образовательно-воспитательного процесса. Ребенок, как правило, быстро адаптируется к социальной среде, однако, он требует организации поддерживающего пространства и специального сопровождения (что также выступает в качестве условий, учитывающих его особые потребности).

- Индивидуальная направленность образования. Ребенок с нарушениями может осваивать общую для всех образовательную программу, что является важным условием его включения в жизнедеятельность детского коллектива. При необходимости разрабатывается индивидуальный образовательный маршрут в зависимости от особенностей, глубины дефекта и возможностей ребенка. Маршрут должен быть гибким, ориентироваться на зону ближайшего развития, предусматривать формирование речевых умений, основных видов познавательной деятельности соответственно возрасту, развитие социальных умений.

- Командный способ работы. Специалистам, педагогам, родителям необходимо работать в тесной взаимосвязи (по командному принципу), что предполагает совместное построение целей и задач деятельности в отношении каждого ребенка, совместное обсуждение особенностей ребенка, его возможностей, процесса его движения в развитии и освоении социально-педагогического пространства. Такая команда в идеале состоит из: педагога, психолога, логопеда, дефектолога, тьютора, социального работника, врача-педиатра, специалистов по охране и гигиене труда, ассистента-педагога (сопровождающего).

- Активность родителей, их ответственность за результаты развития ребенка. Родители являются полноправными членами команды, поэтому им должна быть предоставлена возможность принимать активное участие в обсуждении педагогического процесса, его динамики и коррекции.

- Приоритет социализации как процесса и результата инклюзии. Главным целевым компонентом в работе является формирование социальных умений ребенка, освоение им опыта социальных отношений. Ребенок должен научиться принимать активное участие во всех видах деятельности детей, не бояться проявлять себя, высказывать свое мнение, найти себе друзей; развивая межличностные отношения, научить других детей принимать себя таким, какой есть. А это, в свою очередь, возможно при достаточном уровне личностного и познавательного развития ребенка.

Заключение.

1. Успешная образовательная инклюзия – это мультифакторный, многоуровневый процесс, требующий перестройки на всех уровнях человеческого функционирования, начиная с замены установки приоритета среднестатистической выровненности

популяции учащихся на приоритет разнообразия потенциалов учащихся. При этом нельзя допустить доминирования интересов какой-то одной (нескольких) групп (например, имеющих инвалидность) при реализации идей инклюзивного образования.

2. Согласно концепции инклюзивного образования все дети, несмотря на свои физические, интеллектуальные, этнические, социальные и другие особенности, должны быть включены в общую систему образования, воспитываться вместе со своими сверстниками по месту жительства. Инклюзивное образование не только повышает в обществе статус ребенка с особыми образовательными потребностями и его семьи, но и способствует развитию толерантности и социального равенства.

3. Необходимым условием развития инклюзивного образования является реализация принципов построения правильного инклюзивного образовательного пространства. Такой подход обеспечит результативность, грамотность и эффективность внедрения и развития инклюзивного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Инклюзивное образование: право, принципы, практика [методич. пособие] / Н.В. Борисова, С.А. Прушинский. – Владимир: Транзит-ИКС, 2009. – 127 с.
2. Инклюзивное образование: теория и практика [сборник материалов международной научно-практической конференции] / отв. ред. О.Ю. Бухаренкова, И.А. Телина, Т.В. Тимохина. – Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2016. – 955 с.
3. Малофеев Н.Н. Особый ребенок – вчера, сегодня, завтра. Образование и психолого-педагогическая помощь детям с ограниченными возможностями здоровья в XXI веке / Н.Н. Малофеев. – М.: Изд-во ГНУ «Институт коррекционной педагогики», 2007. – 145 с.
4. Назарова Н.М. Сравнительная специальная педагогика [учеб. пособие] / Н.М. Назарова, Е.Н. Моргачева, Т.В. Фуряева. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2012. – 336 с.
5. Организация тьюторского сопровождения детей с ОВЗ в условиях реализации инклюзивной практики в образовательных учреждениях / сост. И.В. Карпенкова, Е.В. Кузьмина. – М.: МГППУ, 2011. – 56 с.
6. Семаго Н.Я. Инклюзия как новая образовательная философия и практика / Н.Я. Семаго // Аутизм и нарушения развития. – 2010. – № 4. – С. 1–9.
7. Сунцова А.С. Теории и технологии инклюзивного образования [учеб. пособие] / А.С. Сунцова. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2013. – 110 с.
8. Ярская-Смирнова Е.Р. Инклюзивное образование детей-инвалидов / Е.Р. Ярская-Смирнова, И.И. Лошакова // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 100–106.

Поступила в редакцию 14.09.2019 г.

INCLUSIVE EDUCATION IN MODERN SCHOOL

Y.N. Farkhutdinova

The article addresses the basic principles of construction, structure and conditions for the inclusive educational environment. Different approaches to the content and concepts of the term «inclusion» are considered.

Key words: inclusion, inclusive educational environment, comprehensive support.

Фархутдинова Юлия Низамутдиновна.
Кандидат психологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: julia82.06@mail.ru

Farkhutdinova Yulia Nizamutdinovna.
Candidate of Psychology.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of Psychology.
E-mail: julia82.06@mail.ru

УДК 159.923

О РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ К ВОЗДЕЙСТВИЮ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

© 2019. *И.В. Киселёва*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлены результаты экспериментального исследования устойчивости личности к воздействию СМИ. Его целью являлось эмпирическое обоснование тезиса о том, что образное мышление является фактором устойчивости личности к воздействию СМИ. Представлены обобщенные результаты дисперсионного анализа экспериментальных данных. Результаты исследования показали высокую значимость влияния факторов директивности воздействия информации, образного мышления на устойчивость личности.

Ключевые слова: устойчивость личности, механизмы устойчивости, образное мышление, директивное воздействие.

В условиях социально-политической нестабильности и текущих военных конфликтов одной из задач психологической науки является содействие сохранению адекватности, ясности сознания, эмоциональной и личностной устойчивости граждан, подверженных воздействию противоречивой, обрывочной и манипулятивной информации. Такое воздействие может принимать разнообразные формы, передаваясь как по официальным информационным каналам, так и по неофициальным (распространение слухов, нагнетание паники, дезинформирование).

Серьезным инструментом целенаправленного воздействия на человека являются средства массовой информации, поскольку они круглосуточно доступны представителям различных слоев общества, охватывают огромную аудиторию, имеют значительные технические возможности донесения информации до получателя, нередко носят развлекательный характер и тем самым вызывают интерес или даже психологическую зависимость. При затрудненности или отсутствии связи с представителями официальной власти средства массовой информации могут становиться монополистами в предоставлении жизненно важной информации людям. Поэтому целесообразно тщательное изучение закономерностей оказываемого ими воздействия.

Объектом нашего исследования являлась психологическая устойчивость личности. Предметом – образное мышление как фактор устойчивости личности к воздействию средств массовой информации. Цель исследования заключалась в теоретическом и эмпирическом обосновании тезиса, что высокий уровень развития образного мышления является фактором устойчивости личности к воздействию средств массовой информации. Также были сформулированы гипотезы исследования. Согласно первой, устойчивость личности к воздействию информации СМИ имеет динамический характер, проявляясь в ситуации воздействия усилением механизмов, поддерживающих устойчивость. По второй, устойчивость личности к воздействию СМИ будет проявляться по-разному в зависимости от характера директивности психологического воздействия на личность. Согласно третьей, устойчивость личности к воздействию СМИ достоверно связана с уровнем развитости образного мышления у испытуемых. И по четвертой, конкретные операции образного мышления связаны с функционированием различных механизмов устойчивости личности.

Устойчивость личности как психологическую категорию в данном исследовании мы определяем как способность к противодействию внешнему воздействию, противоречащему личностным установкам и ценностям человека, а также сохранение возможности действовать и осуществлять выбор, независимо от влияний [4, с. 24].

На основе анализа и обобщения теоретических и эмпирических исследований, посвященных проблеме устойчивости личности к воздействиям информации, нами были выделены следующие механизмы такой устойчивости: психологическая защита, психологическая адаптация и саморегуляция, психологическая установка и личностный ресурс. Данные механизмы функционируют на разных уровнях личностной организации, взаимно дополняя друг друга [1, с. 245–249].

Одним из конкретных механизмов, связанных с поддержанием устойчивости личности, является образное мышление. Его возможная роль в устойчивости к информационным воздействиям стала предметом нашего эмпирического исследования [2, с. 76–79].

Образное мышление – это фундаментальная особенность психики, способность, которая определяет целостное развитие личности, ее уникальность и устойчивые характеристики. Оно представляет собой единую систему форм отражения – наглядно-действенного, наглядно-образного и визуального мышления.

На основе анализа теоретических исследований мы систематизировали возможные формы участия образного мышления в поддержании основных механизмов устойчивости личности к воздействию информации. Так, в процессе адаптации человека сравнение им собственной деятельности и поведения с образами-эталоном является образной задачей. Поэтому активизация возможностей образного опосредствования способствует общему повышению уровня социально-психологической адаптации. Образное опосредствование играет роль в формировании и применении операционных механизмов адаптации в новых, незнакомых условиях, являясь формой поисковой активности. Для обеспечения психологической саморегуляции операции образного мышления поддерживают создание образов ситуаций, регуляцию волевых процессов, механизм ментальной тренировки, взаимодействие со своим внутренним миром, процессы моделирования и программирования действий, работу саногенного мышления [3, с. 222–226].

Описание проведенного исследования. Эмпирическое исследование было разработано и проведено на кафедре психологии Донецкого национального университета. В исследовании приняли участие 400 человек – студентов различных факультетов университета в возрасте 18–23 лет, среди которых 105 юношей и 295 девушек.

Проведение данного эмпирического исследования требовало построения комплексной теоретической модели механизмов устойчивости личности к воздействию информации; выделения и операционализации критериев устойчивости личности к воздействию средств массовой информации; выделения диагностических критериев для выявления психологического воздействия СМИ на личность.

На первом этапе исследования была построена комплексная теоретическая модель механизмов устойчивости личности к воздействию информации. На ее основе были определены критерии устойчивости личности к воздействию СМИ [3, с. 224–226]. Среди них необходимо выделить следующие:

1. Согласованность образа Я личности, указывающая на наличие согласованной системы установок и диагностируемая по двум параметрам: баланс его

компонентов (Я - реального и Я - идеального); устойчивость (неизменность) компонентов образа Я до экспериментального воздействия и после него.

2. Адекватность и устойчивость самооценки личности в процессе экспериментального воздействия, определяющая функционирование механизма адаптации.
3. Средний (высокий) уровень и устойчивость психологического благополучия как интегрального показателя функционирования механизма личностного ресурса (личностный потенциал, общий показатель благополучия).
4. Способность делать сознательный, аргументированный выбор после экспериментального воздействия средств массовой информации, критичность к воспринятой информации как показатели функционирования механизмов адаптации и саморегуляции.
5. Наличие когнитивного диссонанса и эмоциональной реакции вследствие экспериментального воздействия как показатель работы механизма установки.
6. Устойчивость механизмов саморегуляции в процессе экспериментального воздействия (автономия, управление средой, наличие целей в жизни, самопринятие).

Были также выделены диагностические критерии для определения развитости образного мышления взрослого человека. К ним относятся сформированность операций образного мышления (обобщение, синтез, трансформация), образного опосредствования, мысленного манипулирования образами, образная способность, уровень образной памяти (в т. ч. опосредованное образами запоминание).

На втором этапе исследования был проведен эксперимент, для которого был выбран план для 2-х рандомизированных групп с предварительным и итоговым тестированием и отсрочкой во времени. В первую (экспериментальную) группу вошли испытуемые, которые в процессе эксперимента подвергались воздействию подобранных информационных стимулов (фильмов, взятых из эфира средств массовой информации). Во вторую (контрольную) группу вошли испытуемые, которые экспериментальному воздействию не подвергались. Группы испытуемых были уравнены по социально-демографическим показателям и количеству часов в неделю потребления продукции СМИ.

Экспериментальная группа была случайным образом разделена на две подгруппы, подвергающиеся воздействию разной информации из эфира СМИ (содержавшей директивные или недирективные приемы воздействия) для выявления различий. Обе группы проходили предварительное тестирование и анкетирование.

Участникам первой подгруппы было необходимо просмотреть видеоматериал, который содержал информацию с использованием директивных приемов психологического воздействия и был взят из эфира телеканала «НТВ» в рамках цикла программ «Русские сенсации» (серия «Крохи милосердия»). Тема видеоматериала была связана с острыми социальными проблемами общества (уровень оказания медицинской помощи в странах постсоветского пространства, коррупция, детские онкологические заболевания, детская смертность).

Участникам второй подгруппы было необходимо просмотреть видеоматериал, который содержал информацию с использованием недирективных методов воздействия из эфира телеканала «Первый канал» в рамках программы «Время», сюжет А. Нельсон. Тема видеоматериала была связана с острыми социальными проблемами общества (проблема борьбы человека с неизлечимыми заболеваниями, проблема инвалидности, смысла жизни).

После экспериментального воздействия испытуемые обеих подгрупп проходили итоговое тестирование и анкетирование. Вопросы анкеты были сформулированы на основе критериев воздействия СМИ на личность и направлены на выявление данного воздействия, а также устойчивости к нему.

Уровень развитости образного мышления и его операций у испытуемых диагностировался при помощи выбранных субтестов теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра (субтест 7 «Пространственное мышление» и субтест 8 «Пространственное обобщение»), методики «Незавершенные фигуры» Э. Торренса (в адаптации Е.И. Щербановой, И.С. Авериной), качественного анализа рисунков в рамках метода пиктограмм А.Р. Лурии (в модификации Б.Г. Херсонского). Степень выраженности устойчивости личности к воздействию информации у испытуемых по эмпирическим показателям определялась на основе опросника психологического благополучия К. Рифф, методики диагностики межличностных отношений Л.Н. Собчик, методики Дембо–Рубинштейн (в модификации А.М. Прихожан).

Экспериментальное воздействие и итоговое тестирование проводились в одну серию с 2-х недельной отсрочкой во времени от предварительного тестирования с целью уменьшения эффекта повторного тестирования. Включение воздействия в серию итогового тестирования было спланировано для избегания появления неконтролируемых переменных и фиксации непосредственной реакции испытуемых на воздействие СМИ.

Для экспериментальной группы испытуемых была использована схема 3-х факторного эксперимента с повторными измерениями $2 \times 2 \times 3$ с двумя внутригрупповыми и одним межгрупповым фактором с применением дисперсионного анализа. При этом зависимой переменной выступала устойчивость личности к воздействию СМИ. Независимыми переменными являлись уровень развитости образного мышления испытуемых (3 уровня), воздействие СМИ с 2-мя уровнями директивности воздействия.

На основе анализа теоретических источников были выделены критерии психологического воздействия средств массовой информации на личность. В соответствии с этим была разработана процедура воздействия на испытуемых. Экспериментальная группа была случайным образом разделена на две подгруппы, подвергающиеся воздействию разной информации из эфира СМИ (содержавшей побуждающие или принуждающие приемы воздействия) для выявления различий. После экспериментального воздействия испытуемые обеих подгрупп проходили итоговое тестирование и анкетирование. Вопросы анкеты были сформулированы на основе критериев воздействия СМИ на личность и направлены на выявление данного воздействия, а также устойчивости к нему.

На **третьем** этапе исследования полученные данные были обработаны методами математической статистики, проанализированы и проинтерпретированы.

Обсуждение результатов исследования. В результате проведенного эмпирического исследования по измерению уровня развитости образного мышления и устойчивости личности в общей выборке испытуемых была прослежена взаимосвязь между данными показателями с использованием корреляционного анализа. Наиболее тесную прямую связь образное мышление (операция образного синтеза) имеет с общим показателем устойчивости личности (методика психологического благополучия К. Рифф) ($r=0,326$, при $p \leq 0,001$). Данные показатели свидетельствуют о том, что высокий уровень развития операции образного синтеза сопутствуют высокому показателю устойчивости личности у испытуемых.

Кроме того, данная операция образного мышления имеет прямую связь с отдельными составляющими общего показателя устойчивости (методика К. Рифф). Во-первых, с показателем «Автономия» ($r=0,250$, при $p \leq 0,01$), высокие значения которого характеризуют способность личности противостоять социальному давлению в мыслях и поступках, возможность регулировать поведение и оценивать себя с помощью собственных стандартов, что наиболее близко определению устойчивости личности. Во-вторых, с показателем «Управление средой» (по той же методике) ($r=0,235$, при $p \leq 0,05$), высокие значения которого свидетельствуют о наличии чувства уверенности и компетентности при управлении повседневными делами, умения самому выбирать или создавать условия, удовлетворяющие потребности и интересы, умения эффективно использовать жизненные обстоятельства (механизм адаптации). В-третьих, с показателем «Цели в жизни» ($r=0,272$, при $p \leq 0,01$), высокие значения которого говорят о наличии цели и осмысленности жизни, убеждений, придающих осмысленность жизни (механизм установки). В-четвертых, с показателем «Личностный рост» ($r=0,261$, при $p \leq 0,01$), высокие значения которого указывают на реализацию личностью своего потенциала, чувство непрерывного саморазвития, отслеживание и управление своим развитием (наличие личностного ресурса и механизма саморегуляции).

Также прямую связь уровень операции образного манипулирования имеет с общим показателем устойчивости личности (психологическое благополучие по К. Рифф) ($r=0,231$, при $p \leq 0,05$). Общий показатель развитости образного мышления наиболее тесную прямую связь имеет с тем же показателем ($r=0,339$, при $p \leq 0,001$). Данные результаты свидетельствуют о том, что высокий уровень развития образного мышления сопутствуют высокому показателю устойчивости личности у испытуемых.

Таким образом, в результате проведенного исследования была выявлена значимая связь между показателями устойчивости личности и уровнем развития операций образного синтеза, образного манипулирования и образного мышления в целом.

После проведения эксперимента данные исследования были обработаны с помощью электронной программы статистического анализа SPSS 14.0. Дисперсионный анализ был проведен для общего показателя устойчивости личности и общего показателя образного мышления.

Результаты многомерного теста и оценки внутригрупповых факторных эффектов показали высокую значимость влияния факторов «воздействие СМИ» (4,85, при $p \leq 0,05$), «директивность воздействия СМИ» (40,03, при $p \leq 0,001$) на показатели устойчивости личности.

Средние значения показателя устойчивости личности в экспериментальной группе испытуемых по результатам предварительного и итогового тестирования (до и после воздействия) различаются ($p \leq 0,05$). Это указывает на влияние на зависимую переменную фактора «воздействие СМИ». Такие данные подтверждают наличие экспериментального воздействия, которому были целенаправленно подвергнуты испытуемые.

Величина различия средних значений устойчивости личности у испытуемых экспериментальной группы по результатам предварительного и итогового тестирования зависит от уровня развитости образного мышления: средние значения устойчивости личности больше изменились после экспериментального воздействия СМИ у испытуемых с низким уровнем образного мышления ($p \leq 0,01$). Это говорит о значимости влияния на зависимую переменную сочетания факторов «воздействие СМИ» – «образное мышление». Образное мышление – важная промежуточная переменная воздействия СМИ.

Наконец, наиболее значимы различия средних значений показателя устойчивости личности у испытуемых группы 1 (подвергавшихся экспериментальному воздействию информацией директивного характера) и группы 2 (для которых экспериментальное воздействие носило недирективный характер) ($p \leq 0,001$). Следовательно, фактор «директивность воздействия СМИ» оказал наибольшее влияние на зависимую переменную.

В результате экспериментального воздействия мы получили изменение средних значений показателя устойчивости личности у испытуемых всех трех уровней развитости образного мышления (однако меньше всего – у испытуемых с высоким его уровнем). Такие данные могут быть интерпретированы как сохранение устойчивости личности и в ситуации директивного, и недирективного воздействия информации. При этом у испытуемых с высоким уровнем образного мышления мы наблюдаем бóльшую чувствительность к недирективному (сознательному, логическому) воздействию, чем у испытуемых с низким уровнем образного мышления.

Результаты исследования свидетельствуют о достоверной связи между показателями устойчивости личности и уровнем развитости образного мышления у испытуемых. У испытуемых с высоким уровнем развитости образного мышления общий показатель устойчивости личности – в ситуации воздействия СМИ – значимо выше, чем у испытуемых с низким уровнем образного мышления.

Анализ достоверности различий в связанных выборках до и после экспериментального воздействия показал, что значимость и характер действия фактора «образное мышление» на зависимую переменную (устойчивость личности к воздействию СМИ) достоверно различается в группах испытуемых, подвергавшихся директивному и недирективному экспериментальному воздействию.

Выводы. Были выявлены значимые связи между операциями образного мышления (образный синтез и образное манипулирование), общим показателем развитости образного мышления и показателями устойчивости личности, связанными с механизмами адаптации и саморегуляции личности. Данные результаты подтверждают теоретические положения о саморегуляции как о сложном механизме поддержания устойчивости личности, который включает операции образного мышления, участвующие в процессах планирования, моделирования, программирования и оценки результатов собственных действий. Выявлены значимые различия по уровню общего показателя устойчивости у испытуемых с различным уровнем развитости образного мышления.

Таким образом, устойчивость личности к воздействию информации обеспечивается комплексными психологическими механизмами, в которых немаловажную роль играет образное мышление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселёва И.В. Механизмы устойчивости личности к психологическому воздействию информации политического характера / И.В. Киселёва // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика Материалы III Международной научно-практической конференции. В 3-х томах. / Отв. ред. Л.А. Остапец. – Донецк. – 2019. – С. 245–250.
2. Киселёва И.В. Образное мышление: теоретический анализ современных подходов к изучению / И.В. Киселёва // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2018. – № 1. – С. 75–80.
3. Киселёва И.В. Теоретический обзор механизмов устойчивости личности к воздействию средств массовой информации / И.В. Киселёва // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 221–227.

4. Чудновский В.Э. К вопросу о психологической сущности устойчивости личности / В.Э Чудновский // Вопросы психологии. – 1978. – №2. – С. 22–28.

Поступила в редакцию 10.09.2019 г.

ON PERSONALITY PSYCHOLOGICAL STABILITY TO MEDIA INFLUENCE

I.V. Kiseleva

The article presents the results of an experimental study of the personality psychological stability to the influence of media. The experiment objective was to prove that imaginative thinking seems to be a crucial factor of the personality psychological stability to the influence of media. The generalized results of the analysis of variance of experimental data are presented. The results proved the high significance of directivity factors of the information influence, and the important role of imaginative thinking in keeping the personality psychological stability.

Key words: personality psychological stability, the mechanisms of stability, imaginative thinking, directivity influence.

Киселева Ирина Владимировна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Старший преподаватель кафедры психологии.

E-mail: irema.psy@yandex.ru

Kiseleva Irina Vladimirovna.

Donetsk National University.

Senior Lecturer of the Department of Psychology.

E-mail: irema.psy@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4-8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: ***Я***

памятник себе *воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пушица и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристраничные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5-33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10-17.

3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
○ через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
--	--

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание (если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3-5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с

разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2019. – № 3

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 29.11.2019 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 12,9.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.